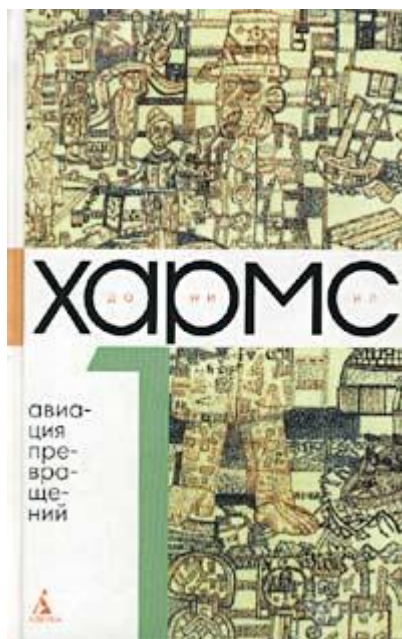

Даниил Иванович Хармс
Том 1. Авиация превращений

Собрание сочинений в трех томах – 1

«Собрание сочинений в трех томах»: Азбука; Москва; 2000
ISBN 5-267-00393-X, 5-267-00397-2

Аннотация

В первый том настоящего Собрания сочинений Д. Хармса включены стихотворения, переводы и драматические произведения.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Даниил Иванович Хармс
Собрание сочинений в трех томах
Том 1. Авиация превращений

Валерий Сажин. Зажечь беду вокруг себя. Конспект биографии Хармса

[текст отсутствует]

Стихотворения

1925

О том как иван Иванович попросил и что из этого вышло

Посвящается Тылли и восклицательному

иван иваныч Расскажи
кíку с кóкой Расскажи
на заборе Расскажи

ты Расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда
с хи ка ку гой беренда
завертела беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр
делал стулья и столы
делал молотом столы
из орешника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл тé-перь

иван иваныч говорит
очень умно говорит
*поцелуй*¹ говорит.

а жена ему: нахал!

ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

¹ «В оригинале стоит неприличное слово» (Прим. автора).

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикирку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван иванович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извозике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

1925 ноябрь.

От бабушки до Esther

баба́ля мальчик
трéстенъ гúбка
рукой саратовской в мыло уйду

сыры́м седе́ньем
ще́ниша ва́льги
кудря́вый носик
платком обут —
капот в балах
скольжу трамваем
Владими́рскую поперёк
посе́льницам
сыру́нду сваи
гру́бить татарину
в окно.
мы улицу
валу́нно ла́чим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купа́ется меж дереве́нь.
шле́н и студе́нь
фарсится шляпой
лишь горсточка
лишь только три
лишь настежь балериной снята
и ту́кается у ветрин.
холодное бродяга брюхо
вздывается на костыли
резиновая старуха
а может быть павлин
а может быть
вот в этом доме
ба́баля о́чередом
канды́жится семье́ю по́пами
соломенное ведро.
купальница
поёт карманы
из улицы
в прыщи дворов
надушенная
се́лью рябчика
распахивается
под перо —
и кажется
она Влади́мирская
са́дится у пече́ря
серёжками —
— как будто за́ город
а сумочкою —
— на меня
шуро́ванная
так и катится
за ба́баля кале́ты
репейником
простое платьеце
и ленточкою головы —

ПУСТЬ
— балабошит бабушка
Бельгию и блены
пусть озирает дóхлая
рóстанную полынь
сердится кошечкой
около кота
вырвится вырвится
вырвится в лад
шубкою óконью
ляженьем в бунь
мáханьким пёрсиком
вихрь табáнь
áльдера шишечка
мíндера буль
у́лька и фáнька
и ситец и я.

ВСЕ
<1925>

Наброски к поэме «Михаилы»

I Михаил

крючником в окошко
скáндит скáндит
рубль тоже
мáху кинь
улитала кенорем
за папаху серую
улитали пальцами
ка́-за́-ки́
лéзет у́тером
всякая утка
шамать прíсну
блá-гослови
о-ко-янные
через пояс
пóяс у́ткан
пóяс у́бран
дó зарéзу
дó Софíи.
дúет кáпень
Симферóполя
ши́ре бóрова руссí
из за мóря
ва́ром нá поле
важно фýлят
пá-ру́-са
и теклó

текло́
текля́но
по нама́занным уса́м
разве́ мало
или́ водка
то посе́я — то пошла́,
а́ се́ го́ дня́ на́ до́ во́т ка́к
до́ по́с ле́ дня́ го́ ко́в ша́

II Михаил

Ста́нем би́ться
по гуля́не
пред ико́ною ами́нь
рукови́цей на ко́лени
заболе́ли мужики́.
вы́терали боро́дою
блю́дца
было́ боя́зно поро́ю
огляну́ться
над ере́мой стано́вился
каме́нь
я́фер
от кабы́лку сю́ртука́ми
забо́яферт —
— и куда́ твою́ дере́вню
пока́тило по гу́рта́м
за ело́вые дере́вья
заде́вая тут и там.
Я де́ржу те́бя и хо́лю
не за́режешь та́к прики́нь
чтобы́ пра́вила ко́сою
возле́ моста́ и ре́ки
а ко́гда моста́ми ре́чка
зако́ло́дила тупы́ш
иесусо́вый предте́ча
окуна́ется туды́ж.
ты мужи́к — тебе́ поха́ба
то́лько плю́нуть на не́го
и с уха́ба на уха́бы
от ико́ны в хоро́вод
под плясу́лю ты обо́рван
ты ере́ма и святы́й
зало́ми в че́тыре го́рла
— дребе́ждящую́ буты́ль —
— разве́ мало!
разве́ водка!
то посе́я — то пошла́!
а се́годня́ на́до во́т ка́к!
до по́следня́го ко́вша.

III Михаил

па́жен хо́лка
мамина була́вка
че́-рез го́-ловы
после завтра
если на ве́ра́н-ду
о́зера ма́ну́ли
ви́дел ра́но
ста́ни-сла́в
ву́лды а́лые
о́-па́-саясь
за дра́ жа́ли
на́ ки́ тай
се́рый выган
пе́ ту́ ха́ ми
станисла́ву
ша́р ку́ ну́
бин то ва́ла
ты́ моя карбо́лка
ты мой па́рус
ко́ ра́ ле́к
залету́ля
за ру ба́шку
ма ка ро́ны
бо́ си́ ко́м
зуб а́кулий
не пока́жет
не пока́жет
и сте-кло́
ля́да па́хнет пержимо́лью
альмана́хами нога́
чтобы пели в комсамо́ле
парашу́ты и ноган
чтобы лы́ко станисла́ву
возноси́ло балабу́
за московскую заста́ву —
пар ра шу́ ты
и но га́н
из пеще́ры
в го́ру
камень
буд-то
в титю
мо ло ко
тя́нет го́лы-ми рука́ми
по́сле за́втра
на́-ба́л-ко́н
у́ ко́-го́
те́ перь не вста́нет
возле пу́па

го-ло-ва́
ра́зве ма́-ло
и́ли во́д-ка
то посе́я
то пошла́
а́ се го́ дня́ на до́ во́т ка́к
до́ по́с ле́д ня́ го́ ко́в ша́.

всё

Примечания к «Михаилам»

Позма (1 Михаил) читается скандовочно — и нараспев.

Второй Михаил выкрикивается.

Третий Михаил сильно распадается на слоги, но напева меньше чем в первом.

Четвертый Михаил — глупый. Вышел в комнату пошаркивая ногами и раскачиваясь: «выплывают расписные», говорит и слушает боком и таращит мускулы вокруг глаз. В молчаливых моментах долго думает и затем обращается к кому-нибудь с официальным вопросом — ему не нужным. Разговаривает с человеком, у которого умирает мать под щелк пишущей машинки.

Говор

Откормленные лылы
вздохнули и сказали
и только из под банки
и только и тютю
катитесь под фуфóлу
фафа́лу не перма́жете
и даже отваля́ла
из мя́киша кака́ —
— косы́нка моя у́лька
пода́рок или си́тец
зелёная сало́нка
ча́ничка купры́ш
сегодня из под а́нды
фуфы́лятся рука́ми
откормленные лылы
и только
и тютю́.

ВСЕ
<1925>

Землю, говорят, изобрели конюхи

Посвящаю тем, кто живет на Конюшенной

вступ

вертонú финики́ю,

зерном шельдонú
бисирéла у закáта
кривоlíким типунóм
полумёна зырыня́
калитúшу шельдонú.

начало

приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
съел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
пероченье рандáша
разгогулину повесил
варинцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет кáкать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фонаря

а голубушка и пряник
тянет крышу на шушу
живота островитяне
финикийские пишу

Зеленó твоё рýло
и трубá
и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны
бахромой
чудотворная икона
и духи
голубятина не надо
uberall
подарила выключатель
и узду

а кухáми ниже́т áлы-е
торапí покое был
даже пальму строить надо
для руины кабалы
на цыганах уводíла
али жмы́хи половя́
за конюшни и удíла
фароонами зовя
финикия на готове
переходы полажу
магомета из конюшни
чепраками вывожу
валоамова ослица

пародила окунят
везелóнами больница
шерамúра окиня́
и ковшами гычут лáдо
землю пахаря былин
даже пальму строить нáдо
для руины кабалы

Сýна Авроáмова
óндрия гунты́
пóтом зашелóмила
бухнула гурты

мáмонта забúля
лёда карабин
отарью капíлища
óтрок на русси
бусами малáнится
пéнистая мовь
шлёпая в предбаннице
лысто о порог

(Рефрен «Тоже сапоги» звучит одним тоном)

нýне португалия
тóже сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги
уранила вырицу
тоже сапоги
калабала девочка
тóже говорит

(Прочеркнутое место — речитатив)

| а лен-ты
| дан-ты
| бур забор
| ловí
| хоро-ший
| пе-рехóд
| тво́я колода (Верх дуги)
| пé-региб
| а па́-рахода
| са́-поги

надо кíкать лукомóрье
для конюшенной езды
из за острова Амóнья
винограда и узды

и рукой ее вертели
и руина кабала
и заказаны метёли
золотые купола

и чего-то разбелянет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли

надо кикать чернозёмом
а на́киавшись в трубу
кумачёвую алёну
и ру́ину кабалу

не смотри на печене́гу
не увидешь кочерги...

...а в залетах други́ми спáржами
телегра́ммою на версты́
алекса́н — дру так и кажется
кто-то кикает за кусты́
...целый день до заката вéчера
от парчи до палёвок князевых
встанут чéляди изувечено
тьмами синими полуазии
...александра лозят а́рабы
целый остров ему бове́кой
александр лозит корабль
минотавра и челове́ка
...и апостола зы́да ма́слом
че́рез шею опраки́нул
в море остров в море Па́тмос
в море ша́пка финикии.

ВСЕ
<1925>

Кика и Кока

Под ло́готь
Под ко́ку
фуфу́

и не крякай
не могут
фанфа́ры
ла — апошить
дебáсить

дрынь в ухо виляет

шаплé ментершúла
кагык буд-то лошадь
кагык уходырь
и свящ жвикавиёт
и воет собака
и гонятся ли́стья
сюды и туды

А с не́ба о хря́щи
все чаще и чаще
взвильнё́т ви ва вуво́й
и мрё́тся в углы́нь

С пинежек зирéли
потянут́ся ко́кой
под логот́ь не фу́кай!
под ко́ку не плю́й!

а если чихнё́тся
губа́стым саплю́ном
то Кíка и Кóка
такой же язык.

II

Черуки́к дощёным ша́гом
осклабя́сь в улы́бку кíку
распу́шить по ветрову́лу!
разбежа́ться на траву
обсусаленная фíга
буд-то кíка
на парóм
буд-то папа пилигримом
на камету у́скакал
áу деáу дербады́ра
áу деáу дерраба́ра
хаетíти
Мóнна Ва́нна
хочет пить.

III

шлëп шляп
шлëп шляп
шлëп шляп
шлëп шляп.

«Тише целуются...»

Тише целуются
— комната пуста —
ломкими изгибами —
— полные уста: —
ноги были белые:
пу снегу устал.

Разве сандалии
ходят по песку?
Разве православные
церкви расплесну?
Или только кошечки
писают под стул?

Тянутся маёвками
красные гробб
ситцевые девушки —
пу небу губа;
кружится и пляшется
будто бы на бал.

Грудь как головы
тело — молоко
глазом мерцальная
солнцем высоко...
Бог святая Троица
в небо уколол.

Стуки и шорохи
кровью запиши;
там где просторнее
кэкиши куши:
вот по этой лесенке
девушкой спешил.

Ты ли целуешься?
— комната пуста —
так ли сломались
— полные уста?
: Ноги были белые:
пу снегу устал.

всё
<1925>

Сек

(gew. Esther)

И говорит Мишенька
рот открыв даже
— шйшиля кйшиля
Я в штаны ряжен. —
Н ты эт его —
финьть фаньть фуньть
б м пйльнео —
фуньть фаньть финьть

(Кочать укоризненно головой)

Йа Йа Ыа
Н Н Н
Я полы мыла
Н Н Н
дриб жриб бóбу
джинь джень баба
хлесь хлясь — здóрово —
ра́здай мама!
Вот тебе шйшелю!
финьть фаньть фуньть
на́кося кйшелю!
фуньть фаньть финьть.

ВСЕ
<1925>

1926

Полька затылки (срыв)

писано 1 января 1926 года

метит балагур татарин
в поддёвку короля лукошке
а палец безымянный
на стекле оттаял
и торчит гербом в окошко
ты торчи себе торчи
выше царской колончи
.....
распахнулся óрлик бúbой
сели мы на бочку
рейн вина
океан пошёл на убыль
в небе кйчку не видать
.....
в пристань бухту
серую подушку
тристо молодок

и сорок семь
по́ют кита́йца жёлтую душу
в зеркало смотрят
и плачат все.
.....

вышел витязь
кашей гурьевой
гу́жил зы́мку
рыл долота
накути Ерёма
вздуй его
вздулась шишка
в лоб золотая
.....

блин колокольный в ноги бухал
переколотил в четвёртый раз
суку ловил мышинным ухом
щурил в пень
солодовый глаз.
.....

приду́ приду́
в Марго́ритку
хло́пая зато́рами
каянский пру
па́лаша́ми
ка́лику едрит твою
около бамбука
пальцем тпр
.....

скоро шаровары позавут татарина
книксен кукла
полька тур
мне ли петухами
кика пу подарена
чи́рики бо́ярики
и пальцем тпр
.....

зырь манишка
пуговицей плйсовой
грудку корявую
ах! обнимай
а в шкапу то
ни чорта лысого
хоть бы по́лки
и тех нема.
.....

шея заболела на корону у́была
в жаркую печку затылок утёк
не осуди шерстяная публика
громкую кичку²

² «именно кичка а не кличка» (прим. автора)

Хармса — дитё.

ВСЕ
1 янв. 1926

Вьюшка смерть

Сергею Есенину.

ах вы сѣни мои сѣни
я ли гúсями вяжú
прíходил ко мне Есѣнин
и четы́ре мужика
и с чегó бы это ра́доваться
лóжкой стучать
пошивеливая пальцами
гру́сть да печа́ль
как ходíли мы ходíли
от поро́га в Кишинёв
проплева́ли три недѣли
потеря́ли кошелёк
ты Серёжа рукомóйник
сарынь и дудá
разóхотился по мо́йму
совсѣм не тудá
для тебя́ ли из корежѣны
ору́жье штык
не тако́й ты Серёжа
не тако́й уж ты
по́й-ма́й
щёки ду́ли
скарлотíну перламúтр
из за вóрота подúли
Váter Únser — Líber Gótt
я плясáла соколáми
возле дѣрева кругóм
ноги то́пали плясáли
возле дѣрева кругóм
размога́й меня заты́ка
на калóше и ведрé
походи́-ка на заты́лке
мимо за́пертых дверéй
гу́ли пéли хáлваду́
чири́кали до́ ночи
на́ засеке до́лго дúмал
кто́ поёт и брóви чíнит
не по́полу пёрвая
залудíла пёрьями
сперва́ чем то дúдочным

вро́де как уха́бица́
полива́ла сы́пала
не ве́рила ле́бедя́ми
зашу́хала кры́льями
зуба́ми зато́пала
с тако́го по ма́тери
с э́такого ку́барем
в обнимку целу́ется
в о́чи ва́лит бли́ньями
а лета́ми плю́й его́
до бе́лой доски и сядь
добреду́ до Клюе́ва
обратно заки́нуся́
просты́нкой за ро́дину
за ма́тушку ле́вую
у де́рева то́ненька́
за Ду́нькину пу́говку́
пожури́ла де́вица
неве́ста сику́рая
а Серге́жа де́ревцем
на груди́ не кла́няется
на груди́ не кла́няется
не бу́кой не ве́чером
посыпа́ет о́коло
сперва́ чем то ду́дочны́м

14 января 1926

Ваньки встаньки <I>>

волчица шла дорогаю
дорогаю манашенькой
и камушек не трогала
серебрянной косой
на шею деревянную
садились человечики
манистами покрашенными
где-то высо́ко.

никто бы и не кланялся
продуманно и холодно
никто бы не закидывал
на речку поплавок
я первый у коло́дица
нашел ее подохлую
и вечером до ку́зова
её не повалок

стонала только бабушка
да грядка пересто́нывала
заново еро́шила

капустных легушат
отцы мои запенелись
и дети непристойные
пускали на широкую
дорогу камыши

засни засни калачиком
за синей гололедицей
пруда хороший перепел
чугунный домовой
щека твоя плакучая
румянится цыганами
раскидывает порохом
ленивую войну

идут рубахи рыжики
покрикивают улицу
веревку колокольную
ладошки синяки
а кукла перед ужином
сырому тесту молится
и долго перекалывает
зубы на косяк

я жду тебя не падаю
смотрю — не высыпаются
из маминой коробочки
на ломаный сарай
обреж меня топориком
клади меня в посудину
но больше не получится
дырявая роса —

всё
4 февр. 1926 г.

Ваньки встаньки <II>

Ты послушай ка карась
имя палкой перебрось
а потом руби направо
и не спрашивай зараз
то Володю то Серёжу
то верёвку павар
то ли куру молодую
то ли повога вора

Разбери который лучше
может цапаться за тучи
перемыгой серебром
девятнадцатым ребром

разворачивать корыто
у собачий конуры
где пупырыши нерыты
и колеблется Нарым

Там лежали Михаилы
вонючими шкурами
до полуночи хилые
а под утро Шурами

И в прошлую среду
откидывая зановеси
прохржему серому
едва показались

сначала до плечика
румяного шарика
а после до клетчатых
штанишек ошпаривали

мне сказали нá ушко
что чудо явилось
и царица Матушка
сама удивилась:

ах как же это милые?
как же это можно?
я шла себе мимо
носила дрожжи

вошёл барабанщик
аршином в рост
его раненная щека
отвисала просто

он не слышит музыки
и нянин плач
на нём штаны узкие
и каленкоровый плащ
простите пожалуйста
я покривил душой
сердце сжалось
я чужой

— *входит барабанщик небольшого роста* —

ах как же это можно?
я знал заранее
— взял две ложки —
— вы ИЗРАНЕННЫ. —

— *ЗАНОВЕСЬ* —

собака ногу поднимает

ради си ради си
солдат Евангелие понимает
только в Сирии только в Сирии

но даже в Сирию солдат не хочет
плюет пропойца куда то
и в Сирию бросает кочень
где так умны Солдаты

ему бы пеночки не слизывать
ему бы всё: «рубите да бейте»
да чтобы сёстры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей

солдат а солдат
сколькотебелет?
где твоя полатка?
и твой пистолет. —

кнѹчу в прѣхвостень кобыле
хоть бы куча
хоть бы мох
располуженной посуды
не полю не лужу
и в приподнятом бокале
покажу тебе ужѹ!

Едет мама серафѣмом
на ослице прямо в тыл
покупает сарафаны
и персидскую тафту

— солдат отворачивается и больше не хочет разговаривать —

открылось дверце подкидное
запрятало пятнашку
сказало протопопу Ною:
— позвольте пятку вашу —

я не дам пятку
шнельклопс
дуй в ягоду
шнельклопс

разрешите вам не поверить
я архимандрит
а вы протопоп
а то рассержусь
и от самой Твери

возьму да и проедусь по́ полу

он рас-стегивает мундир
забикренивает папаху
и садится на ковёр
и свистит в четыре пальца:

пью фюфюлы на фуфу́
еду мальчиком в Уфу́
щекати меня судак
и под мы́шку и сюда
йхи блохи не хоши́
пу́фы бо́же на матра́сс.

за бородатым бегут сутуленькие
в клетки пугается коза
а с неба разные свистульки
картошкой сыпятся в глаза
туды сюды
да плеть хвоста
да ты да я
да пой нога
считает пальцами до ста
и слышит голос: «помогай»

обернулся парусом
лезет выше клироса
до месяца не долез
до города не дошёл

обнимались старушки плакали
замочили туфли лаковые
со свечой читали Лермонтова
влюбились в кого го то кавалера там

на груди у него солнышко
а сестра его совушка
волоса его рыжие

королеву прижили
может кушать рябчика
да и то только в тряпочке
у него две шашки длинные
на стене висят...
Господи Помилуй
свят свят свят

— черти испугались молитвы и ушли из Гефсиманского сада, тогда самый святой человек сказал: —

здорово пить утрами молоко
и выходить гулять часа так на четыре

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий.

ПОСЛУШАЙТЕ
сегодня например
какой то князь сказал своей любовнице:
— иди и вырый мне могилу на Днепре
и принеси листок смаковницы —
Она пошла уже козалося в камыши
Но видит (!) князь (!) за ней (!) бежит (!)
кидаёт сумрачный ноган
к её растерзанным ногам
прости-прости я нехороший

раз 2 3 4 5 6 7
а сам тихонько зубы крошит
как будто праведный совсем

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий
мотай рубашками в загон —
как говориться в притче:

— плен духу твоему язычник
и разуму закопанная цепь —

*— за кулисами говорят шёпотом, и публика с трепетом ловит бабочку. Несут
изображение царя. Кто то фыркает в ладонь и говорит: блинчики. Его выводят —*

Выйди глупый человек
и глупая лошадь
на Серёже полаче
и на Володе тоже

стыдно совестно и неприлично
говорить блинчики
а если комната вдобавок девичья
то нужно говорить как-то иначе

— Все удовлетворены и идут к выходу —

ВСЕ
11 февр. 1926

Половинки

присудили у стогов
месяцем и речкою
и махнула голова
месяца голова
толстою ручкою

позавидовала ей
баба руку ей
позавидовала баба
корамыслами
на дворе моём широком
вышивают конаплей
дедка валенками шлёпает
и пьёт молоко

позавидовала я
вот такими дулями
и родила меня мать
чехардой придорожною
а крестил меня поп
не поп а малина —
вся то распосадница
бабкина бухта
лавку закапала
вороньим яйцом
больно родимая
грудью заухала
мыльными пузырями
бабке в лицо

ахнули бусы
бабы фыркали
стукала лопата
в брюхо ему
избы попы
и звёзды русые
речка игрушка
и солнце лимон
разные церковки
птички, палочки
оконце ласковое
расшитое
всё побежало
побежало и ахнуло
сам я вдеваю кол в решето
бьется в лесу фантáн фантóвич
грузди собирает
селени́м пашá
перья точат
мальчик Митя
уснул в лесу

холодно в рубашке
кидаться шишками
кожа пупырашками
буд-то гусиная
высохли мочалками

волосы под мышками
хлещет бог
бог — осиновый

а́хнули бусы
бабы а́хнули
радугами стонет
баба Богородица
лик её вышитый
грудь глажены
веки мигнут
и опять
закроются

сукровицей кажется потеют и дохнут навозные кучи
скучно в лесу!
в дремучем невесело!
мне то старухи до печёнки скучно
мальчика Митю
в церковь
НЕСТЬ
ведьма ты ведьма
кому ты позавидовала?
месяц пúпом сел на живот!
мальчика Митю
чтоб его(!) йдола

сам я вдеваю кол в решето
сам я сажу
матыгой
ночью
жду перелесья
синего утра
и кто то меня за плечо ворóбачает
тянет на улицу
мой рукав

ЗНАЮ
от сюдова
мне не поверят
мне не разбить
ключевой тиши́
дедка мороз стучится в двери
месяц раскинул
в небе шалаши.

стены мои звончее пахаря
крепче жимолости в расту́
крепили и крепили
и вдруг
заа́хала

бабы и бусы и шар на мосту
— милый голубку милой посылает —
шлет куличí
и хлай на столо

а губы плюются
в дым киселями
а руки ласкаются
ниже колен

ба́бка пе́ла
небу новосе́лье
небо полотенце!
небо уж не то!
бабка поля пшеном за́сеяла
сам я вдеваю кол в решето
пря́жею бабкиной
месяц утонет
уши его
разольются речкою —
— там из окна
соседнего до́мика
бабка ему
махну́ла ручкою —

ВСЕ
Школа ЧИНАРЕЙ
Взирь За́уми
<1926>

«в репей закутанная лошадь...»

В репей закутанная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лишь отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор.
Он в чистом галстуке
и сквозь решетку
во рту на золоте царяпин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышит бабушка
под фонарями свист.
И слышит бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной
и как давно земля горелая
стоит горбом на трех китах.
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрет в объятиях упругих?
Как тихо станет конь презренный
в лицо накрашенной гулять
творить акафисты по кругу

и поджидать свою подругу.
Но взора глаз не терпит стража
его последние слова.
Как он суров и детям страшен
и в жилах бьется кровь славян
и видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой.
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
и вот уже дрожит ресница
и ноги ходят по траве.
Я знаю бедная Наташа
концы расщелены глухой
где человек плечами дышит
и дети рождаются хулой.
Там быстро щелкает рубанок
а дни минутами летят
там пни растут. Там спит дитя.
Там бьет лесничий в барабан.

Конец героя

Живи хвостом сухих корней
за миром брошенных творений,
бросая камни в небо, в воду ль,
держась пустынником поодаль.
В красе бушующих румян
хлещи отравленным ура.
Призыва нежный алатырь
и Бога чёрный монастырь.
Шумит ребячая проказа
до девки сто седьмого раза
и латы воина шумят
при пухлом шёпоте сулят.
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда.
Мелькает девушка в окне,
Софокл вдруг подходит к ней:
Не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынырнет из туч.
И вмиг разбившись на матрасе,
восстанет, молод и прекрасен
истоком бережным имян
как водолей, пронзит меня.
Сухое дерево ломалось,
она в окне своём пугалась,

бросала стражу и дозор
и щёки красила в позор.
Уж день вертелся в двери эти,
шуты плясали в оперетте
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
дитя свечу свою потушит
потом идёт в леса укропа
куриный дом и бабий ропот.
Крутя усы, бежит полковник
минутной храбростью кичась —
Сударыня, я ваш поклонник,
скажите мне, который час?
Она же, взяв часы тугие
и не взирая на него,
не слышит жалобы другие,
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
пусть ветер палубу колышет,
но ветра стык моряк не слышит.
Пусть дева плачет о зиме
и молоко даёт змее.
Я, опростясь сухим приветом,
стелю кровать себе при этом,
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвёртый класс.
Из леса выпрыгнет метёлка
умрёт в углу моя светёлка
восстанет мёртвый на помост
с блином во рту промчится пост.
Как жнец над пряхою не дышит,
как пряха нож вздымает выше —
не слышу я и не гляжу,
как пёс под знаменем лежу.
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с именем попа
и звон копающих лопат.
И виден мне келейник ровный,
упряжка скучная и дровни,
ковёр раскинутых саней,
лихая скачка: поскорей!
Конец не так, моя Розалья,
пройдя всего лишь жизни треть,
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть.
И запотев в могучем росте
всегда ликующий такой —
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

Казачья смерть

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул.
Но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил.
Возница тут же запыхавшись
снял тулуп и лег в кровать
Четыре ночи спал обнявшись
его хотели покарать
но ты вскочил недавно спящий
наскоро запер письменный ящик
и не терпя позора фальши
через минуту ехал дальше
бежала лошадь очень быстро
казалось нет ее конца
вдруг прозвучал пустынный выстрел
поймав телегу и бойца.
Кто стреляет в эту пору?
Спросил потусторонний страж
седок и лошадь мчатся в прорубь
их головы объяла дрожь,
их туловища были с дыркой.
Мечтал скакун. Хозяин фыркал,
внемля бляенью овцы,
держа лошадь под уздцы.
Он был уже немного скучный,
так неожиданно умерев.
Пред ним кафтан благополучный
лежал, местами прогорев.
Скакали день и ночь гусары,
перекликаясь от тоски.
Карета плавала. Рессоры
ломались поперек доски.
Но вот седок ее убогий
ожил быстро как олень
перескочил на брег пологий
а дальше прыгнуть было лень.
О, как <иhr> эта местность,
подумал он, смолчав.
К нему уже со всей окрестности
несли седеющих волчат.
Петроний встал под эти сосны
я лик и нет пощады вам —
звучал его привет несносный
телега ехала к дровам.
В ту пору выстрелом не тронут

возница голову склонил
пусть живут себе тритоны
он небеса о том молил.
Его лошадка и тележка
стучала мимо дачных мест
а легкоперое колешко
высказывало свой протест.
Не ежжал бы ты, мужик,
в этот сумрачный огород.
Вон колено твое дрожит
ты сам дрожишь наоборот
ты убит в четыре места
под угрозой топора
кличет на ветру невеста
ей тоже умереть пора.
Она завертывается в полотна
и раз два три молчит как пень.
но тут вошел гучар болотный
и промолчал. Он был слепень
и уехал набекрень.
Ему вдогонку пуля выла
он скакал закрыв глаза
все завертелось и уплыло
как муравей и стрекоза.
Бежала лошадь очень быстро
гусар качался на седле.
Там впережку дождик прыскал
избушка тухнула в селе
их путь лежал немного криво
уж понедельник наступил
— мне мешает эта грива,—
казак нечаянно говорил.
Он был убит и уничтожен
потом в железный ящик вложен
и как-то утречком весной
был похоронен под сосной.
Прощай казак турецкий воин
мы печалимся и воем
нам эту смерть не пережить.
Тут под сосной казак лежит.

Всё
19–20 октября 1926

«друг за другом шёл народ...»

друг за другом шёл народ
ужимки тая в лице звериные
он шёл все прямо потом наоборот
летели поля необозримые
там где зелёный косогор

река поворачивала круто
был народ как пуля скор
и невинен был как утро невиден
еще пройдя с полсотни вёрст
кто то крикнул: «земля».
кто то сразу вытянул перст
но дальше итти было нельзя.
уж над людьми колыхалась ночь
проплывало [тысяча] миллион годин
уж не шагом они а в скочь
торапились как один
и ещё прошло 20 лет
все умерли как по заказу
<1 ст. нрзб.>
им с двух сторон по глазу

3 ноября <1926>

Ответ Н.З. и Е.В

Мы спешим на этот зов
эти стоны этих сов
этих отроков послушных
в шлемах памятных и душевных
не сменяем колпака
этой осенью пока
на колпак остроконечный
со звездой поперечной
с пятилучною звездой
с верхоконною ездою
и два воина глядели
ждите нас в конце недели
чай лишь утренний сольют
мы приедем под салют.

15 ноября <1926>

Случай на железной дороге

Как-то бабушка махнула
и тотчас же паровоз
детям подал и сказал:
пейте кашу и сундук.
Утром дети шли назад
сели дети на забор
и сказали: вороной
поработай, я не буду,
Маша тоже не такая —
как хотите может быть
мы залижем и песочек

то что небо выразило
вылезайте на вокзале
здравствуй здравствуй Грузия
как нам выйти из нее
мимо этого большого
на заборе — ах вы дети —
вырастала палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
кто налива с перепугу
оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице.
Ну так вот, а дальше прели
все супа — сказала тетя
все чижи — сказал покойник
даже тело опустилось
и чирикала любезно,
но зато немного скучно
и как будто бы назад.
Дети слушали обедню
надевая на плечо
мышка бегала в передник
раздирая два плеча,
а грузинка на пороге
все твердила. А грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

1926

Пророк с Аничкиного моста

Где скакуны поводья рвут,
согнув хребты мостами,
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.
О непокорный! Что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол,
потом щеку облобызает,
Тебя девический обман
не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст — челнок.
Уж тучен — гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак:
бутылку молока и сыр,

а в сумке прячет на завтра
его красивые усы.
В трактире кончилась попойка.
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит, как я, в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути твоём.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулись вдвоём.
Как загорели щёки их!
Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста,
и растворились их уста:
— Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню. Милый грёб.
Но вдруг ныряет тигр плавучий
пред нашей лодкой поперёк.
Я огляделась вокруг. Фонтанка,
проснувшись, знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
Бежали дети. А за ними
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты, сбегают вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, —
мы голос ласковый слыхали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали.
И платье сохло на ветру.
И, волчьим шагом оступаясь,
на мост восходит горд и лих
пророк. А мы не плыли дальше,
на брег скакая женихом.

всё
1926

Скупость

Люди спят:
урлы-мурлы.
Над людьми

пряят орлы.
Люди спят,
и ночь пуста.
Сторож ходит вокруг куста.
Сторож он
не то, что ты,
сон блудливый,
как мечты.
Сон ленивый, как перелет,
руки длинные, как переплет.

Друг за другом люди спят:
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их жилищем.

Голубь-турман вьет гнездо.
Подъезжал к крыльцу ездок.
Пыхот слышался машин.
Дева падала в кувшин.
Ноги падали в овраг.
Леший бегал —
Людий враг.
Плыл орел.
Ночь мерцала —
путник брел.
Люди спали —
я не спал:
деньги я пересыпал.
Я считал свое богатство.
Это было святотатство.
Я все ночку сторожил!
Я так деньгами дорожил.

всё
1926

Виктору Владимировичу Хлебникову

Ногу на ногу заложив
Велимир сидит. Он жив.

1926

1927

стих Петра Яшкина — Коммуниста

Мы бежали как сажени

на последнее сражение
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая востра

Но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
версты скорые считать
небо падало завесой
опускалось за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чета

сколько времени не знаю
мы гнались за возами
только ноги подкосились
вышла пена на уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал

на последнее сражение
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
!пропадай кому не жаль!

всё
1927

«лошадка пряником бежит...»

Лошадка пряником бежит
но в лес дорога не лежит
не повернуться ей как почке
не разорвать коварной бочки

1926–1927

«двух полководцев разговор...»

Двух полководцев разговор
кидался шаром изо рта
щека вспухала от натуги
когда другой произносил
не будь кандашки полководца

была бы скверная игра
мы все бежали б друг за дружкой
знамена пряча под горушкой
Но вдруг ответ звучал кругами
расправив пух усов, комрот
еще в плечах водил руками
казалось он взбежит умрет
и там с вершины голос падал
его сверкала речь к ногам
не будь кандашки полководца
то поражение было б нам
И вмиг пошли неся винтовки
сотни тысяч, пол горы
двести палок, белые головки
пушки, ведьмы,
острые топоры.

Да-с то было время битвы
ехал по полю казак
и в седле его болталась
Манька белая коза.

1926 или 1927

«Глядел в окно могучий воздух...»

Глядел в окно могучий воздух
погода скверная была
тоска и пыль скрипели в ноздрах
река хохлатая плыла

Стоял колдун на берегу
махая шляпой и зонтом
кричал: «смотрите, я перебегу
и спрячусь ласточкой за дом.»

И тотчас же побежал
пригибаясь до земли
в его глазах сверкал кинжал
сверкали в ноздрах три змеи

1927–1928

В кружок друзей камерной музыки

неходите января
скажем девять — говоря
выступает Левый Фланг
— это просто не хорошо. —
и панг.

<январь 1927>

«Берег правый межнародный...»

Берег правый межнародный
своемудрием сердитый
обойденный мной и сыном.
Чисты щеки. Жарки воды.
Рыбы куцые сардинки
клич военный облак дыма
не прервет могучим басом
не родит героя в латах.
Только стражника посуда
опорожнится в лохань
да в реке проклятый Неман
кинет вызов шестипалый
и бобер ему на спину
носом врежется как шлюпка.
А потом беря зажим
сын военного призванья
робкой девицы признание
с холма мудрого седла
наклоня тугую шею
ей внимает бригадир.
Запирает палисад
Марья ключница. И вот
из морей тягучих вод
слава Богу наконец
выбирается пловец
как народ ему лепечет
и трясется на него
осудя руки калачик
непокорного раба
яхты нежные кочуют
над волнами поплавком
раскрываются пучины
перед ним невдалеке.

24 мая 1926 — январь 1927

Авиация превращений

Летание без крыл жестокая забава
попробуй упадешь закинешься неловкий
она мучения другого не избрала
ее ударили канатом по головке.
Ах, как она упала над болотом,
закинув юбочки! Мальчишки любовались
она же кликала в сумятицах пилоту,

но у пилота мягкие усы тотчас же оборвались.
Он юношей глядит
смеется и рулит
остановив жужжанье мух
слетает медленно на мох.
Она: лежу Я здесь в мученьях.
Он: сударыня, я ваша опора.
Она: я гибну, дай печенье.
Вместе: мы гибнем от топора!
Холодеют наши мордочки,
биение ушло,
лежим. Открыли форточки
и дышим тяжело.
Сторожа идут стучат.
Девьи думы налегке.
Бабы кушают внучат
Рыбы плавают в реке.
Елки шмыгают в лесу
стонет за морем кашей
а под городом несут
Управление вещей.
То им дядя птичий глаз
ма <нрзб.> сердце звучный лед
вдруг тетерев я пешком зараз
улетает самолет.
Там раздувшись он пропал.
Кто остался на песке?
Мы не знаем. Дед копал
ямы стройные в тоске.
И бросая корешки
в глубину беспечных ям
он готовит порошки
дать болезненным коням
ржут лихие удила
указуя на балду
стойте други, он колдун,
знает <нрзб.> дела
вертит облако шкапов
переливает муть печей
в небе трио колпаков
строит башни из кирпичей
там борзая солнце греет
тьму проклятую грызет
там самолет в Европу реет
и красавицу везет.
Она: лечу я к женихам.
Пилот: машина поломалась.
Она кричит пилоту: хам!
Машина тут же опускалась
Она кричит: отец, отец,
я тут жила. Я тут родилась.
Но тут приходит ей конец.

Она в подсвечник превратилась.
Мадлэн ты стала холодна
лежать под кустиком луна
склонился юноша к тебе
лицом горячим как Тибет.
Пилот состарился в пути.
Руками машет — не летит.
Ногами движет — не идет.
Махнет разок — и упадет
потом года лежит не тлен.
Тоскует бедная Мадлэн
плетёт косичку у огня
мечты случайные гоня.

Всё.
январь 1927

Искушение

Посвящаю К.С. Малевичу

Четыре девки на пороге :

Нам у двери ноги ломит.
Дернем, сестры, за кольцо.
Ты взойди на холмик тут же,
скинь рубашку с голых плеч.
Ты взойди на холмик тут же,
скинь рубашку с голых плеч.

Четыре девки, сойдя с порога :

Были мы на том пороге,
песни пели. А теперь
не печальтесь вы, подруги,
скинем плечи с косяка.

Хор :

Все четыре. Мы же только
скинем плечи с косяка.

Четыре девки в перспективе :

Наши руки многогранны,
наши головы седы.
Повернув глаза к востоку,
видим нежные следы.
Лишь подняться на аршин —
с незапамятных вершин
все исчезнет, как плита,
будет клумба полита.

Мы же хвалимся нарядом,
мы ликуем целый день.
Ты взойди на холмик рядом,
плечи круглые раздень.
Ты взойди на холмик рядом,
плечи круглые раздень.

Четыре девки, исчезнув :

ГРОХ-ХО-ЧЧА!

Полковник перед зеркалом :

Усы, завейтесь! Шагом марш!
Приникни, сабля, к моим бокам.
Ты, гребень, волос расчеши,
а я, российский кавалер,
не двинусь. Лень мне или что?
Не знаю сам. Вертись, хохол,
спадай в тарелку, борода.
Уйду, чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города.

Одна из девиц :

Полковник, вы расстроены?

Полковник :

О, нет. Я плохо выспался.
А вы?

Девушка :

А я расстроена, увы.

Полковник :

Мне жалко вас.
Но есть надежда,
что это все пройдет.
Я вам советую развлечься:
хотите в лес? — там сосны жутки...
Иль, может, в оперу? — Тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. Куплю билеты,
и мы поедем на дрезине
смотреть принцессу в апельсине.
Я знаю: вы совсем ребенок,
боитесь близости со мной.
Но я люблю вас...

Девуца :

Прочь, нахал!

Полковник ручкой помахал
и вышел, зубом скрежеща,
как дым выходит из прыща.

Девуца :

Подруги! Где вы?! Где вы?!

Пришли четыре девы,
сказали: «Ты звала?»

Девуца (в сторону):

Я зла!

Четыре девушки на подоконнике :

Ты не хочешь нас, Елена.
Мы уйдем. Прощай, сестра!
Как смешно твое колено,
ножка белая востра.
Мы стоим, твои подруги,
места нету нам прилечь.
Ты взойди на холмик круглый,
скинь рубашку с голых плеч.
Ты взойди на холмик круглый,
скинь рубашку с голых плеч.

Четыре девушки, сойдя с подоконника :

Наши руки поднимались,
наши головы текли.
Юбки серенькие бились
на просторном сквозняке.

Хор :

Эй, вы там, не простудитесь
на просторном сквозняке!

Четыре девушки, глядя в микроскоп :

Мы глядели друг за другом
в нехороший микроскоп.
Что там было, мы не скажем:
мы теперь без языка.
Только было там крылечко,
вился холмик золотой.

Над холмом бежала речка
и девица за водой.
Говорил тогда полковник,
глядя вслед и горячо:
«Ты взойди на этот холмик,
обнажи свое плечо.
Ты взойди на этот холмик,
обнажи свое плечо.»

Четыре девицы, исчезнув и замолчав :

? ПОЧ-ЧЕМ-МУ!?

всё
18 февраля 1927

Пожар

Комната. Комната горит.
Дитя торчит из колыбельки.
Съедает кашу. Наверху,
под самым потолком,
заснула нянька кувырком.
Горит стена. Посуда ходит.
Бежит отец. Отец: «Пожар!
Вон мой мальчик, мальчик Петя,
как воздушный бьется шар.
Где найти мне обезьяну
вместо сына?» Вместо стен
печи вострые на небо
дым пускают сквозь трубу.
Нянька сонная стрекочет.
Нянька: «Где я? Что со мной?
Мир становится короче,
Петя призраком летит.»
Вот мелькнул его сапожки,
Тень промчится, и усы
вьются с присвистом на крышу.
Дом качает как весы.
Нянька бежит в испуге,
ищет Петю и гамак.
«Где ж ты, Петя, мальчик милый,
что ж ты кашу не доел?»
«Няня, я сгораю, няня!»
Няня смотрит в колыбель —
нет его. Глядит в замочек —
видит комната пуста.
Дым клубами ходит в окна,
стены тощие, как пух,
над карнизом пламя вьется,
тут же гром и дождик льется,

и в груди сжимает дух.
Люди в касках золотых
топорами воздух бьют,
и брандмейстер на машине
воду плескает в кувшине.
Нянька к ним: «Вы не видали
Петю, мальчика? Не дале
как вчера его кормила.»
Брандмайор: «Как это мило!»
Нянька: «Боже мой! Но где ж порядок?
Где хваленная дисциплина?»
Брандмайор: «Твой Петя рядом,
он лежит у цепелина.
Он сгорел и папа стонет:
жалко сына.»
Нянька: «Ох!
Он сгорел,» — и тихо стонет,
тихо падает на мох.

20 февраля 1927

Существует еще один вариант этого стихотворения:

Комната. Комната горит.
Дитя торчит из колыбельки.
Съедает кашу. Наверху,
под самым потолком,
заснула нянька кувырком.
Горит стена. Посуда ходит.
Бежит отец. Отец: «Пожар!
Вон мой мальчик, мальчик Петя,
как воздушный бьется шар.
Где найти мне обезьяну
вместо сына?» Вместо стен
печи пестрые на небо
дым пускают сквозь трубу.
Нянька сонная стрекочет.
Нянька: «Где я? Что со мной?
Мир становится короче,
Петя призраком летит».
Няня рыскает волчицей,
съест морковку на пути,
выпьет кофе. Дальше мчится,
к двери пробует уйти.
Колет скудные орехи (неразборчиво)
нянька быстрая в дверях,
мчится косточкой по саду
вдоль железного плетня.
После бежит в испуге,
ищет Петю и гамак.
«Где ж ты, Петя, мальчик милый,
что ж ты кашу не доел?»

«Няня, я сгораю, няня!»
Няня смотрит в колыбель —
нет его. Глядит в замочек —
видит комната пуста.
Дым клубами ходит в окна,
стены тощие, как пух,
над карнизом пламя вьется,
тут же гром и дождик льется,
и в груди сжимает дух.

всё

А.И. Введенскому

В смешную ванну падал друг
Стена кружилась вокруг
Корова чудная плыла
Над домом улица была
И друг мелькая на песке
Ходил по комнатам в носке
Вертя как фокусник рукой
То левой, а потом другой
Потом кидался на постель
Когда в болотах коростель
Чирикал шапочкой и выл
Уже мой друг не в ванне был.

5 марта 1927

Комментарий к философии А.И. Введенского

он в комнату бежит на четвериньках
смотрит в комнате стол стоит
ах он рад, он пришёл на вечеринку
позабыв и молодость и стыд
Липавский пьёт легко и звучно

<начало марта 1927>

«Купался грозный Петр Палыч...»

Купался грозный Петр Палыч
закрыв глаза нырял к окну
на берегу стояла сволочь
бросая в воздух мать одну
но лишь утопленника чистый
мелькал затылок над водой
народ откуда-то плечистый
бежал на мостик подкидной

здесь Петр Палыч тонет даже
акулы верно ходят там
нет ничего на свете гаже
чем тело вымыть пополам.

Апрель 1927

I. Фокусы

Средь нас на палочке деревянной
сидит кукушка в сюртуке,
хранит платочек румяный
в своей чешуйчатой руке.
Мы все как бабушка тоскуем,
разинув рты, глядим вперед
на табуретку золотую —
и всех тотчас же страх берет:
Иван Матвеевич от страха
часы в карман переложил.
А Софья Павловна, старуха,
сидела в сокращеньи жил
А Катя, в форточку любуясь,
звериной ножкой шевеля,
холодным потом обливаясь
и заворачивалась в шеншеля.
Из-под комода ехал всадник,
лицом красивый, как молитва,
он с малолетства был проказник,
ему подруга — битва.
Числа не помня своего,
Держал он курицу в зубах —
Иван Матвееча свело,
загнав печенку меж рубях.
А Софья Павловна строга
сидела, выставив затылок,
оттуда выросли рога
и сто четырнадцать бутылок.
А Катя в галстук своем
свистела в пальчик соловьем,
стыдливо кутаясь в меха
кормила грудью жениха.
Но к ней кукушка наклонялась,
как червь, кукушка улыбалась,
потом на ножки становилась
да так, что Катя удивилась,
от удивленья задрожала
и, как тарелка, убежала.

2 мая 1927 г.

«Гражданка, вы куда пришли?..»

Гражданка, вы куда пришли?
Что вы держите в руке?
Мы вчера с тобой катались
по всклокоченной реке.
Ты глядела рыб жестяных
играла волосом черным чёрно́
говорила: без тебя
мне младенчество вручено
а теперь пришла ты кукла
просишь карточку и брак
год прошел и ты привыкла
заболев легла в барак
сторож длинными руками
положил тебя на кровать
ты в лицо ему смотрела
взор не в силах оторвать.

май 1927

«тихо падала сосна...»

Тихо падала сосна
в бесконечную поляну
выла бочка над горой
без движенья и без боли
и прикинувшись шакалом
михаил бежал по шпалам

(конец мая 1927)

«опускаясь на поленьи...»

Опускаясь на поленьи
длинный вечер коротая
говорила в отдоленьи:
умер дядя. Я страдаю.

<конец мая 1927>

Н.А. Заболоцкому

Смотрю пропала жизни вежа,
я сам изрядно и зело
из Ленинграда прочь уехал
уехал в Детское село.

Пиши мой друг ко мне посланье

пока ухватка горяча
твоя строка промчится ланью
передо мною как свеча.

Детское Село, вокзал, 10 июля 1927

«Кучер styl...»

Кучер styl.
Блестели дрожки.
Прутик робко рыл песок.
Ай на дыбы становилась матрешка
Ай за корой соловей пересох.
и наш герой склонился к даме
шептал в лицо привет соседке
а кони рвут
летят годами
бросая пыль к пустой беседке
дорога сдвинулась к ногам
кричали мы: направо! к нам!
верти, сворачивай, держи!
слова летали как стрижи

19 августа 1927

Восстание

Был стручок балован судеб
и в министерство к ночи мехом
шли коровы в звериной беде
замыкая шествие монахом
хитро звякали колокола
заманить хотели кучера
прочь слетали сапоги
в сапогах нога корячилась

племянник сядь манишку скинь
племянники, весны прощет не малый
племянники, война стоит колом
мерцает Бог и грустное подполье
не ведает пунцовых кобаков

<1927>

«выходит Мария отвесив поклон...»

Выходит Мария, отвесив поклон,
Мария выходит с тоской на крыльцо, —
а мы, забежав на высокий балкон,

поем, опуская в тарелку лицо.
Мария глядит
и рукой шевелит,
и тонкой ногой попирает листы, —
а мы за гитарой поем да поем,
да в ухо трубим непокорной жены.
Над нами встают золотые дымы,
за нашей спиной пробегают коты,
поем и свистим на балкончике мы, —
но смотришь уныло за дерево ты.
Остался потом башмачок да платок,
да реющий в воздухе круглый балкон,
да в бурое небо торчит потолок.
Выходит Мария, отвесив поклон,
и тихо ступет Мария в траву,
и видит цветочек на тонком стебле.
Она говорит: «Я тебя не сорву,
я только пройду, поклонившись тебе.»
А мы, забежав на балкон высоко,
кричим: «Поклонись!» — и гитарой трясем.
Мария глядит и рукой шевелит
и вдруг, поклонившись, бежит на крыльцо
и тонкой ногой попирает листы, —
а мы за гитарой поем да поем,
да в ухо трубим непокорной жены,
да в бурное небо кидаем глаза.

12 октября 1927

В гостях у Заболоцкого

И вот я к дому подошел,
который по полю стоял,
который двери растворял.

И на ступеньку прыг! бегу.
Потом в четвертый раз.
А дом стоит на берегу,
у берега как раз.

И вот я в дверь стучу кулак:
открой меня туды!
А дверь дубовая молчит
хозяину в живот.
Хозяин в комнате лежит
и в комнате живет.

Я в эту комнату гляжу,
потом я в комнату вхожу,
в которой дым от папирос
хватает за плечо,

да Заболоцкого рука
по комнате бежит,
берет крылатую трубу
дудит ее кругом.
Музыка пляшет. Я вхожу
в цилиндре дорогом.

Сажусь направо от себя,
хозяину смеюсь,
читаю, глядя на него,
коварные стихи.

А дом который на реке,
который на лугах,
стоит (который вдалеке)
похожий на горох.

Всё.
14 декабря 1927

Ночный обыск

Пролог / сцена.
Два матроса.

I матрос :

Что летит под небом там,
воет блеет и жужжит.
Перекладина креста
может по небу бежит.
Дай-ка пулю.

II матрос :

Нет не дам.
Ты убьешь меня ей-Богу этой пулей как быка
Я не дам тебе ей-Богу эту пулю.
Отвяжись!

I матрос :

Если пулю я прошу
Зная буквы имени твоего наперечёт
а ты не дашь, то я прибегну к палашу,
что так метко головы сечёт.

II матрос :

Конечно сталь острее чем свинец
и смерть стальная мной не победима,
но стоит мне спустить курок

ты штурман и детина
почувствуешь конец
и рухнешь на порог
да здравствует свинец!

I матрос :

А видел чорта в рукаве?
Сунься!

<1927>

«Приходите приходите...»

Приходите приходите
Воспитанники и паруса
Вы понкраты образованные
И ты нищий с гребёночкой в сапогах
Вот уж день песочный старится
дымом кроется курган
Возле Петьки, возле образа
или в досках на горе
Я горикола горакала
в тумане каллеваллу
пока черешня около
мне сучьями велела
Приходите приходите
на Коломенскую 7
принесите на ладоне
возбуждающую смесь.

<1927>

«Вот у всадника вельможи...»

Вот у всадника вельможи
усы нечаяно поднялись
он больше двинуться не может
руки белые сплелись

<1927>

1928

Прогулка

Шел медведь

вздув рога
стучала его одервенелая нога
он был генералом
служил в кабаке
ходил по дорогам
в ночном колпаке
увидя красотку
он гладил усы
трепал он бородку
смотрел на часы
пятнадцать минут
проходили шутя
обрушился дом
подростало дитя
красотка в доспехе
сверкала спиной
на бледном коне
и в щетине свиной.
Рука облетала
на конский задок
коса расцветала
стыдливый цветок.
Белый воздух
в трех шагах
глупо грелся
на горах
открывая
лишь орлу
остуденую
ралу.
Над болотом
напролом
ездил папа
с топором
из медведя
он стрелял
нажимая коготок
пистолеты
отворял
в полумертвый
потолок
на шкапу
его капрал
обнимался
в темноте
с атаманом
и орал
и светился
в животе.
Дева
шла
неся

портрет
на портрете
был корнет.
У корнета
вместо
рук
на щеке
висел
сюртук
а в кармане
сюртука
шевелилася
рука.
Генерал
спрятал время
на цепочке золотой.
Генерала
звали Леля
потому что молодой.
Он потопал кублуками
приседал и полетал
под военными полами
о колено бил металл
увидя девицу на бледном коне
сказал генерал: «Приходите ко мне».
Девушка ответила: «Завтра приду.
Но ты для меня приготовь резеду».
И, сняв осторожно колпак с головы,
столетний вояка промолвил: «Увы.
От этих цветов появляются прыщи
я спрячусь в газету, а ты меня поищи.
Если барышня-мадам
обнаружит меня там
получите в потолок
генеральский целовок».

Все.
1926–1928?

«Здравствуй. Ты снова тут...»

Здравствуй. Ты снова тут.
Садись пожалуйста на эту
Атаманку,
Возьми цветочек со стола и погляди вокруг:
...Эстер: А что ты сделаешь со мной?
Тебя, сребоу,
Раздвину ноги
И суну голову туда
И потечет моих желаний
Эстерки длинная вода.

«Ты ночуешь с Даниилом...»

Ты ночуешь с Даниилом
Но к несчастью — Даниил
Хоть и в рифму с Михаилом
Но совсем не Михаил

«Шел мужчина в согнутых штанах...»

Шел мужчина в согнутых штанах
в руках держал махровый цветочек
то нюхал он цветочек, то не нюхал
то думал он в платочек, то не думал
и много франтов перед ним
казались вымыслом одним.
Француза встретил наш герой
и рот открыл — обдумать как приветить
«Vous aitez enfen» — что значит: «Вы герой»
сказал мужчина в согнутых перчатках
и в шляпе наклоненной к сапогам
в тяжелом драпе до колена
с одною пуговкой на пиджаке.
француз покрылся фиолетом
и вынув руку из кармана ответил пистолетом.
Ба-бах! ответил он мужчине прямо в сердце
ба-бах! ответил он мужчине прямо в грудь
мужчина выпустив цветочек
подумал в шелковый платочек:
неужто смерть в моем саду?
неужто смерть в моем саду?
НЕ-УЖ-ТО СМЕРТЬ В МОЕМ САДУ?

июль 1928

Мама Няма Аманя

Гахи глели на меня
сынды плавали во мне
где ты мама, мама Няма
мама дома мамамед!
Во болото во овраг
во летает тетервак
тертый тетер на току
твердый пламень едоку.
Твердый пламень едока
ложки вилки. Рот развей.

Стяга строже. Но пока
звигень зветен соловей
сао соо сию се
коги доги до ноги
некел тыкал мыкал выкал
мама Няма помощи!
Ибо сынды мне внутри
колят пики не понять
ибо гахи раз два три
хотят девочку отнять.

Всё.
4 августа 1928

Падение с моста

Окно выходило на пустырь
квадратный как пирог
где на сучке сидел нетопырь
Возьми свое перо.
Тогда Степанов на лугу
посмотрит в небо сквозь трубу
а Малаков на берегу
посмотрит в небо на бегу.
Нам из комнаты не видать
Какая рыба спит в воде
Где нетопырь — полночный тать
порой живет. И рыба где
а с улицы видней
особенно с моста
как зыбь играет камушком у рыбьего хвоста.
Беги Степанов дорогой!
Скачи коварный Малаков
рыб лови рукой
Тут лошадь без подков
в корыто мечет седока.
Степанов и Малаков
грохочет за бока.
А рыба в море
жрет водяные огурцы.
Ну да, Степанов и Малаков
большие молодцы!
Я в комнате лежу с тобой
с астрономической трубой
в окно гляжу на берег дощатый
где Малаков и герр Степанов
открыли материк.
Там я построю домик
Чтоб не сидеть под ливнем без покрова,
а возле домика стоит
уже готовая корова.

Пойду. Прощайте. Утоплюсь.
Я Фердинанд. Я Герр Степанов.
Я Маклаков! Пойду гулять в кафтане
И рыб ловить в фонтане.
Вот мост. Внизу вода.
БУХ!
Это я в воду полетел.
Вода фигурами сложилась.
Таков был мой удел.

всё
5 августа 1928

Осса

Посвящается Тамаре Александровне Мейер.

На потолке сидела муха
ее мне видно на кровати
она совсем уже старуха
сидит и нюхает ладонь;
я в сапоги скорей оделся
и второпях надел папаху
поймал дубинку и по мухе
закрыв глаза хватил со всего размаху
Но тут увидел на косяке
свинью сидящую калачом
ударил я свинью дубинкой,
а ей как видно нипочем.
На печке славный Каратыгин
прицелил в ухо пистолет
ХЛОПНУЛ ВЫСТРЕЛ
Я прочитал в печатной книге,
что Каратыгину без малого сто лет
и к печке повернувшись быстро
подумал: верно умер старичок
оставив правнукам в наследство
пустой как штука сундучок,
(Предмет в котором нет материи
не существует как рука
он бродит в воздухе потерянный
вокруг него элементарная кара.)
Быть может в сундучке лежал квадратик
похожий на плотину.
Быть может в сундучке сидел солдатик
и охранял эфира скучную картину
мерцая по бокам шинелью волосатой.
глядел насупив переносицу
как по стенам бегут сухие поросята.
В солдатской голове большие мысли носятся:
играет муха на потолке

марш конца вещей.
Весит подсвечник на потолке,
а потому прощай.
Покончу жизнь палашом —
все можно написать зеленым карандашом.
На голове взовьются волосы
когда в ногах почуешь полосы.
Стоп. Михайлы начали расти
качаясь при вдыхании премудрости.
Потом счисляются минуты
они неважны и негромки.
Уже прохладны и разуты
как в пробуждении видны ноги.
Тут мысли внешние съедая
— приехала застава —
Сказала бабушка седая
характера простова.
Толкнув нечаянно Михаила
я проговорил: ты пьешь боржом,
все можно написать зеленым карандашом.
Вот так Тамара
дала священный альдюмениум
зеленого комара.
Стоп. Разошлось по конусу
летало ветром по носу,
весь человеческий остов
одно смыкание пластов
рыба плуст
торчит из мертвых уст
человек растет как куст
вместо носа
трепещет осса
в углу сидит свеча Матильды голышом —
все можно написать зеленым карандашом.

Понедельник 6-ое августа 1928 года.
С.-Петербург.

Жизнь человека на ветру

посвящаю Эрике

В лесу меж сосен ехал всадник,
Храня улыбку вдоль щеки.
Тряслась нога, звенели складки,
Волос кружились червяки.
Конь прыгнул, поднимая тело
Над быстрой скважиной в лесу.
Сквозь хладный воздух брань летела
Седок шептал: «Тебя, голубчик, я снесу.
Хватит мне. Ах, эти муки,

Да этот щит, да эти руки,
Да этот панцирь пудов на пять,
Да этот меч одервенелый
Прощай, приятель полковой,
Грызи траву. Мелькни венерой
Над этой круглой головой.»
А конь ругался: «Ну и ветер!
Меня подьмет к облакам.
Всех уложил проклятый ветер
Прочь на съедение к волкам.
С тебя шкуру снять долой
Сжечь, притворив засовом печку
И штукой спрятать под полой
Снести и кинуть в речку.
Потом ищи свою подругу,
Рыб встречных тормоши,
Плыви, любезный мой, в Калугу,
В Калуге девки хороши.»
Пел конь, раздув мехи
Седок молчал в платочек
Конь устремил глаза в верхи
Седок собрался в маленький комочек.
«Вот жизнь, — ворчал седок —
Сам над собой не властен —
Путь долог и высок,
Не видать харчевни где б остановиться,
Живешь, как дерева кусок,
Иные могут подивиться.
Что я: сознательный предмет,
Живой наездник или нет?»
Конь, повернув к нему лицо:
«Твоя конусообразная голова,
Твой затылок, твое лицо,
Твои разумные слова.
Но ухо конское не терпит лжи
Ты лучше песнь придержи». —
«Как, — закричал седок летучий, —
Ты мне препятствуешь?
Тварь!
Смотри я сброшу тебя с тучи,
Хребет сломаю о фонарь.»
Но тут пронесся дикой птицей
Орел двукрылый, как воробей.
И всадник хитрою лисицей
Себя подбадривал: «Ну, дядя, не робей!»
А конь смеялся: «Вот так фунт!
Скажи на милость, вот так фунт.»
«Молчи, — сказал седок прелестный, —
Мы под скалой летим отвесной,
Тут не до шуток,
Тем более конских,
Наставит шишек этот пенъ

Ты лучше морду трубочкой сверни.»
Но конь ответил: «Мне это лень.»
И трах! Губой со всего размаха,
У всадника летит папаха,
Кушак, болотные сапоги!
Кричит бедняжка: помоги!
Хромым плечом стучит в глину,
Изображая смехотворную картину.
А конь пустился в пляску,
Спешит на перевязку,
И тащит легкую коляску.
В коляске той сидит детина,
Под мышкой держит рысака
Глаза спокойные, как тина,
Стреляют в землю свысока,
Он едет в кузницу направо
Храня улыбку вдоль щеки
Ресниц колышется грива,
Волос кружатся червяки.
Он поет: «Моё ли тело
Вчера по воздуху летело?
Моя ли сломанная нога
Подошвой била облака?
Не сам ли я вчера ругался
О том, что от почвы оторвался?
Живёшь, и сам не знаешь: почему?
Жизнь уподоблю я мечу.»
Пропев такое предложенье
Детина выскочил из брички
(Он ростом в полторы сажени)
Рукой поправил брючки.
Сказал: «Какие заковычки
Сей день готовит для меня?»
И топнул в сторону коня.
«Ну ты, не больно топочи! —
Заметил конь через очки. —
Мне такие глупачи
То же самое, что дурачки.»
Но тут детина, освирепев,
В коня пустил бутылкой.
«Я зол как лев —
Сказал детина пылкий. —
Вот тебе за твоё замечание.»
Но конское копыто
Пришло в бесконечное качание.
Посыпались как из корыта
Удары, полные вражды.
Детина падал с каждым разом
И вновь юлил, как жертва скуки и нужды:
«Оставь мне жизни хоть на грош,
Отныне буду я хорош
Я над тобой построю катакомбу

Чтоб ветер не унес тебя.»
А сам тихонько вынул бомбу.
Конь быстро согласился взмахом головы
И покатился вдоль травы.
Детина рыжим кулаком
Бил мух под самым потолком.
В каждом ударе чувствовалась сила
Огонь зажигался в волосах
И радость глупая сквозила
В его опущенных глазах.
Он как орел махал крылами
Улыбкой вилась часть щеки
Усы взлетали вверх орлами
Волос кружились червяки.
А конь валялся под горой,
Раздув живот до самых пят.
Над ним два сокола порой
В холодном воздухе парят.

ВСЕ
14-18 ноября 1927

«По вторникам над мостовой...»

По вторникам над мостовой
Воздушный шар летал пустой.
Он тихо в воздухе парил;
В нем кто-то трубочку курил,
Смотрел на площади, сады,
Смотрел спокойно до среды,
А в среду, лампу потушив,
Он говорил: Ну город жив.

1929

Полет в небеса

Мать :

На одной ноге скакала
и плясала я кругом
бессердечного ракала
но в объятиях с врагом
Вася в даче на народе
шевелил метлой ковры
я качалась в огороде
без движенья головы
но лежал дремучий порох
под ударом светлых шпор

Вася! Вася! Этот ворох
умету его во двор.
Вася взвыл беря метелку
и садясь в нее верхом
он забыл мою светелку
улетел и слеп и хром.

Вася :

Оторвался океан
темен, лих и окаян.
Затопил собою мир
высох беден скуп и сир
в этих бурях плавал дух
развлекаясь нем и глух
на земной взирая шар
полон хлама, слаб и стар.

Вася крыл над пастухом
на метле несясь верхом
над пшеницей восходя
молоток его лады
он бубенчиком звенел
быстр, ловок, юн и смел
озираясь — это дрянь.

Все хором :

Вася, в небе не застрянь.

Пастух, вылезая из воды :

Боже крепкий — ого-го!
Кто несется высоко?
Дай взгляну через кулак
сквозь лепешку и вот так
брошу глазом из бровей
под комету и правей
тяну в тучу из воды
не закапав бороды.

Вася сверху :

Сколько верст ушло в затылок,
скоро в солнце стукнусь я
разобьюсь горяч и пылок
и погибнет жизнь моя
пастуха приятный глас
долетел и уколол
слышу я в последний раз
человеческий глагол.

Мать, выбегая из огорода :

Где мой Вася отрочат,
мой потомок и костыль.
звери ходят и молчат
в небо взвился уж не ты ль?
Уж не ты ль покинул дом,
поле сад и огород?
Не в тебя ль ударил гром
из небесных из ворот?
Мне остался лишь ракал
враг и трепет головы
ты на воздух усекал
оторвавшись от травы.
Наша кузница сдана
В отходную кабалу.
Это порох-сатана
разорвался на полу.
Что мне делать? Боже мой,
видишь слезы на глазах?
Где мой Вася дорогой?

Все хором :

Он застрял на небесах.

Все
22 января 1929 г.

«Сидел в корзине зверь...»

Сидел в корзине зверь
по имени Степан
ты этому не верь
жила была дитя
у ней в груди камыш
студеная волна
а вместо носа кран
а вместо глаза дырка
и плачет и кричит
и стонет животом.

(после 23 декабря 1928)

«открыв полночные глаза...»

Открыв полночные глаза
сидела круглая коза
ее суставы костяные
висели дудками в темноте

рога сердечком завитые
пером стояли на плите
коза печальная девицы
усы твердые сучки
спина — дом, копыто — птица
на переносице очки
несет рога на поле ржи
в коленях мечутся стрижи
Борух на всаднике полночном
о камни щелкает: держи!

4 марта 1929

«пристала к пуделю рука...»

Пристала к пуделю рука
торчит из бока кулаком
шумят у пуделя бока
несется пудель молоком
старуха в том селе жила
имела дойную козу
и вдруг увидела собаку
в своем собственном глазу
тут она деревню кличет
на скамью сама встает
помахав зубами причет
херувимскую поет.

март? 1929

«Ку...»

Тарфик :

Я город позабыл
я позабыл движенье
толпу забыл коня и двигатель
и что такое стул
твержу махая зубом
гортань согласными напряжена
она груди как бы жена
а грудь жена хребту
хребет подобен истукану
хватает копыта на лету
хребет защита селезенки
отец и памятник спины
опора гибких сухожилий
два сердца круглых как блины
я позабыл сравнительную анатомию
где жила трепыхает
где расположено предплечье

рука откудова махает
на острове мхом покрытом
живу ночью под корытом
пчелу слежу глаз не спуская
об остров бьет волна морская
дороги человека злого
и перья с камушков птицелова.

Ку :

На каждом участке отдельных морей
два человека живут поскорей,
чем толпы идущих в гору дикарей.
На каждой скале одиночных трав
греховные мысли поправ
живет пустынный седоус и брав.
Я Ку проповедник и Ламмед-Вов
сверху бездна снизу ров
по бокам толпы львов
я ваш ответ заранее чую
где время сохнет по пустыням
и смуглый мавр несет пращу
науку в дар несет латыням
ответ прольется как отказ
«нет жизнь мне милее
от зверя не отвести мне глаз
меня влечет к земле руками клея».
Я Ку стоя на ваших маковках
говорю:
шкап соединение трех сил
бей в центр множества скрипучих перьев
согбенных спин мышинных рылец!
вас ли черная зависть клянет
который скрываясь уходит вперед
ложится за угол владыка умов.
И тысяча мышц выходит из домов.
Но шкап над вами есть Ламмед — Вов.
Дальше сила инженера
рост, грудь, опора, шар
цветы в бумагах нежная Вера
и полный твоих уст пожар.
Гласит Некоторый Сапог:
есть враждебных зонтиков поток
в том потоке не расти росток.
Мое высокое Соображение
как флюгер повернуто на восток.
Там стоит слагая части
купол крыши точно храм.
Люди входят в двери настезь
всюду виден сор и хлам.
Там деревья стену кружат
шкап несется счетом три,

но всегда гласит Наружа:
«как хотите. Все внутри.»

Тарфик :

вот это небо
эти кущи
эти доли
эти рыбы
эти звери, птицы, люди
эти мухи, лето, сливы
лодка созданная человеком
дом на площади моего пана
не улететь мне совсем навеки
цветы кидая с аэроплана
как же я в тигровой шкуре
позабытый всем огулом
удержу моря и бури
открывая ход акулам
о прибрежные колени
ударяет вал морской
сквозь волну бегут олени
очи полные тоской
небо рухнет — море встанет
воды взвоют — рыба канет
лодка — первое дитя
нож кремневый; он свидетель
зверем над водой летя
посреди воздушных петель
надо мной сверкает клином
обрывает веточки малинам.
Чем же буду я питаться
на скале среди воды?
Чем кормить я буду братца?
Что Ку есть будешь ты?

Ку :

Похлебка сваренная из бобов
недостойна пищи Богов
и меня отшельника Ламмед-Вов
люди, птицы, мухи, лето, сливы
совершенно меня не пленяют
красные плоды
яблоки и сады
звери жмутся они трусливы
лапы точат на все лады
козы пестрые — они пугливы
реки, стройные пруды
морские пучины, озера, заливы
родник пускает воды струю
около я с графином стою

буду пить эту воду на земле и в раю.

Тарфик :

Ку́ ты́ вы́ше че́м сре́дний ду́б
че́м я́ кото́рый су́ть глуп
на скале живу орлом
хожу в небо напролом
все театр для меня
а театр как земля
чтобы люди там ходили
настоящими ногами
пели, дули, говорили,
представляли перед нами
девы с косами до пупа
выли песни, а скопцы
вяло, кисло, скучно, тупо
девок ловят за концы
арлекин пузырь хохлатый
босиком несется за
по степям скакающей хатой
на горе бежит коза
Ку, видишь там сидит артист
на высоком стуле он
во лбу тлеет аметист
изо рта струится Дон
упадая с плеч долой
до колен висит попона
он жеребчит молодой
напоминает мне дракона
Ку, что он делает?
Ку, что он думает?
Ку, зачем его суставы
неподвижны как бесята
голос трубный и гнусавый
руки тощие висят.
Я хочу понять улабу
залду шкуру дынуть бе
перевернуть еф бабу
во всем покорствовать тебе.

Ку :

Тарфик, ты
немедля должен
стать проклятым.
Два в тебе
существа.
Одно земное
Тарфик — имя существу
а другое легче вздоха
Ку завется существо

для отличья от меня
Ананан — его название
но стремясь жить на берёзе
он такой же как и я
ты же Тарфик только пятка
только пятка
только пятка
ты же Тарфик только свечка
будь проклятым Аустерлиц
я же Ку Семён Лудильщик
восемь третьих человека
я души твоей спаситель
я дорога в Астрахань.

Тарфик :

Отныне весь хочу покоя
ноги в разные места
поворачивают сами
пальцы Тарфика листва
мясо в яму уползает
слышно лёгких дуновенье
сердце к плечикам бросает
во мне ходит раздвоенье
тела мёртвые основы...

Ку :

Отваливались камнем в ров.

Ананан :

С добрым утром часословы!

Ку :

Честь имею: Ламмед-Вов.

далее по черновику

Ананан :

Почему это здесь мусор?
Зачем дерево не на месте?
чей это сапог валяется?
где тут у вас колодец?
Всюду всюду беспорядок
всюду виден сор и хлам
змеи ходят между грядок.
Все театр. Где же храм?

Ку :

А вот пожалуйста сюда
по ступенькам осторожно
о порог не споткнитесь
не запачкайте рукав
тут прихожая с камином
открывается очам
из дверей в плаще орлином
Тарфик ходит по ночам
заворачивает в двери
стучит локтём о косяки
над ним вьется легкий пери
за ним ходят босяки.
Пери — это вы начальник
босяки же — это души
Тарфик — это зверь первоначальный

Ананан :

Почеши мне Ку мои уши

Ку :

Извольте. Вижу прыщик
на затылке Вашем я
может срезать этот прыщик
хочу цирюльником быть Вашим я

Ананан :

Режь мне его не надо
у меня на животе их целые тысячи
есть и маленькие есть и побольше
а есть такие как кулак
а этот прыщик просто так

Ку :

Фе
ме
дихре
срезал

Ананан :

А теперь обратно прикрепи

Ку :

Мо.

24 марта 1929

«грамоту кто хочет?..»

грамоту кто хочет?
истину кто видит?
Кто откроет твёрдый шкаф
вынет ваточный халат
окружит себя поллой
долгопятым сюртуком
проживёт всю жизнь в нём
не снимая даже днём
в твёрдом он сидит шкапу
круглым страхом напряжен
с пистолетом на боку
позабыт и наряжён
до того ли что в раю
Бог на дереве сидит
я же вам и говорю
ты повторяешь он твердит
она поет
ему лежит
ее пошел
на нем бежит
в ушах банан
в дверях пузырь
в лесу кабан
в болоте пыль
в болоте смех
в болоте шарабан
скачет мавр
сзади всех
за ним еще бежит кабан
и сзади пыль
а дальше смех
а там несется шарабан
скачет конь
а сзади всех
несется по лесу кабан.

18 апреля 1929 года

Овца

I

Гуляла белая овца
блуждала белая овца
кричала в поле над рекой
звала ягнят и мелких птиц
махала белою рукой

передо мной лежала ниц
звала меня ступать в траву
а там в траве маша рукой
гуляла белая овца
блуждала белая овца.

II

Ты знаешь белая овца
ты веришь белая овца
стоит в коронах у плиты
совсем такая же как ты.
Как будто я с тобой дружу
короны светлые держу
над нами ты а сверху я
а выше дом на трех столбах
а дальше белая овца
гуляет белая овца.

III

Гуляет белая овца
за нею ходит Козерог
с большим лицом в кругу святых
в лохматой сумке как земля
стоит на пастбище, как дом
внизу земля, а сверху гром
а сбоку мы, кругом земля
над нами Бог в кругу святых
а выше белая овца
гуляет белая овца.

22 мая 1929

«Тётя крёстная Наташа...»

Тётя крёстная Наташа!
Где же, где же елка ваша,
где же, где же ваш сапог,
видно он пошел не впрок!

Май, 1929 г.

«Один старик смотрел на небо...»

Один старик смотрел на небо
и всё искал знак воскресения
А в это время на земле

дрожало губительное землетрясение.
Люди сидя за обедом
быстро падали со стула
в Костроме стучали двери
над Москвой качалась Тула.
Федя лавочник в причёске
с пёстрым галстуком в груди
на разрушенном прилавке
сапогов сидел среди
Его невеста Катя
румяная всегда
лежала на палатах
с оторванной рукой
а Федя в скором времени
женился на другой.

1929

«Откуда я?..»

Откуда я?
Зачем я тут стою?
Что я вижу?
Где же я?
Ну, попробую по пальцам
все предметы перечесать.

— (Считает по пальцам:)

Табуретка, столик, бочка,
Ведро, кукушка, печка,
метла, сундук, рубашка,
мяч, кузница, букашка,
дверь на петле,
рукоятка на метле,
четыре кисточки на платке,
восемь кнопок на потолке.

1 июня 1929

Папа и его Наблюдатели

Папа :

Кто видал как я танцую?

Гувернёры :

Мы смотрели полчаса
ты крючком летал в стакане
руки в бантик завернул.

Папа :

Дети, дети в наше время
не плясали как теперь
гувернёры в наше время
не смотрели через дверь.

Гувернёры :

Мы смотрели сквозь гребенку
многих правил не блюли
мы показывали ребенку
твои жесты — ой лю-ли!

Папа :

Грех показывать ребенку
жесты праведных людей
опрокидывать девчонку
мучить маленьких детей.
Кто видал как я купаюсь?

Гувернёры :

Мы смотрели из ведра
ты стоял на крыше аист
долго в бурю до утра.

Папа :

Верю верю точно флюгер
я купался пеликан
вы смотрели. Точно Крюгер
поднимался великан.
Кто видал как я летаю?

Гувернёры :

Мы смотрели через дом
но лишь звездочка золотая
небеса вела кругом.

всё
6 июня 1929

«Ехал доктор из далёка...»

Ехал доктор из далёка
вёз корзину колпаков
отдыхал на поворотах

прибыл к нам и был таков.
Звали доктора Матрёна
был Матрёна землекоп
но торчал у землекопа
из кармана телескоп
Заболела тётя Катя
не лежит и не сидит
и за мухами глазами
неподвижными следит.
Тётя Катя не хохочет
только плачет как река
мы за доктором послали
он пришёл издалека.

Доктор Матрёна :

Ведь несчастье бывает
в виде рака в животе
но страдалец забывает
и купается в воде
а потом ведь неизбежно
зубы храбрые гниют
ведь для зуба неизбежно
нужен воздух и приют
ведь тотчас же по отрыжке
узнается ремесло
и несчастному под мышки
доктор вкладывает весло.

Тётя Катя :

Доктор, вы в меня воткнули
вместо градусника ось.
Вы нас доктор обманули.

Доктор Матрёна :

Я вас вылечу авось.

Тётя Катя :

Вы мне доктор надоели
уходите в тёмный бор.

Доктор Матрёна :

Вы сегодня каку ели?

Тётя Катя :

И не буду с этих пор.

Доктор Матрёна :

Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя :

Уходите поскорей.

Доктор Матрёна :

Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя :

Уходите поскорей.

Доктор славная Матрёна
вышел в двери шестипал
бросил скучные знамена
руки в землю закопал.
Проходил крестьянин Фёма
влез потом на длинный храм
посмотрел в саду солома
бедный доктор пополам

6 июня <1929>

«Стул в кандалах...»

Стул в кандалах.
Его поймали.
Тут муравьед
идёт размеренной стропой
Из двери острой мордой смотрит
удивившись как же так.
Почему собственно говоря стул
пойман в цепи кандавы
всюду степи кольцевые
не удрать и человеку
там гони иль не гони
руки в пламень окунай
закрепи кольцо стальное
к ножке приделай цепь.
Дай молотом по спинке
развалится стул на части

<до октября 1929>

Столкновение дуба с мудрецом

Ну-ка,
вот что я вам расскажу:
один человек хотел стать дубом,
ногами в землю погрузиться,
руками по воздуху размахивать
и в общем быть растением.
Вот он для этого собрал
различные чемоданы
и так раздумывал кедровой головой:
«Уложу пожитки в баню,
сниму штаны,
сорву жилет
и буду радости дитя,
небесных маковок жилец, —
чемоданом вверх летя,
буду красный жеребец,
буду бегать в дверь,
хотя
вместо дырок
ныне жечь.
Так что в дверь
нельзя проехать,
прыгнуть,
хлопнуть,
плавать,
сесть.
Легче в стул войти ребенку,
легче в косы ткнуть гребенку,
вынуть руку из пищевода,
легче сделать вообще чего-то.
Но над нашим взлететь миром
с чемоданом, как поноской,
прыгать в небо слабым тигром, —
тут, наверно, ты будешь соской».
Окончив речь
и взяв пожитки,
он метнулся в потолок,
перетерпев тяготенья пытки,
он реял над крышей, как молоток.
«Только б корни книзу бросить,
да с камнями перевить,
вот и стал бы я, как дуб.
Ах! пастись один среди осин,
среди древесин,
стоял бы, как клавесин.
Я бы начал дубом жить».
Хором люди отвечали:
«Мы доселева молчали,
нам казалось вначале,
ты задумал о причале.
Но теперь мы увидали:
ты умом летишь подале,

над землей летаешь, сокол,
хочешь дубом в землю сесть.
Мы категорически возражаем.
Если сядешь,
то узнаешь,
то поймешь,
то почувешь,
какая такая
наша месть.»

Наша месть:

Наша месть:
гибель уха —
глухота,
гибель носа —
носота,
гибель нёба —
немота,
гибель слёпа —
слепота.

Все это человек выслушал
и все же при своем остался.
Поплакал чуть. Слезинку высушил
и молотком вверх болтался.
В него кинули яму помойную,
а он сказал: «Все будет по-моему».
В него кинули усадьбу и имение,
а он сказал: «Я остаюсь при своем мнении».
Тут вышел мудрец
с четырьмя носами,
влез на печь,
как на ложе трона,
и начал речь:
«Во время оно
жил некий, именем не славен,
короче попросту Иван Буславин.
Так вот
обладатель сего поразительного имени
приехал в город Ленинград,
остановился на Васильевском острове, четвертой линии,
и был он этому чрезвычайно рад.
Он пытался многократно
записаться на биржу труда,
но, к несчастью, аккуратно
путь закрыт был ему туда.
Он ходил тогда печальный
и стучался в Исполком,
но оттуда по голове его печальной
ударяли молотком.
Он бежал тогда в трактиры,

там он клянчил хлебный мякиш,
но трактирные сатиры
подносили к носу кукиш.
Он скакал тогда домой,
развеваясь бородой,
и, на жизнь хмур и зол,
залезал к себе под стол.»
Хором люди отвечали:
«Мы доселева молчали,
нам казалось вначале,
ты задумал о причале.
Но теперь мы видим, старче,
ты — мудрец.
Ты дубов зеленых крепче,
ты крепец.
То есть не крепец,
а кирпич.
А за это слушай спич».

Спич:

Спич мудрецу.
Два килограмма сахара,
кило сливочного масла,
добавочную заборную книжку на имя
неизвестного гражданина Ивана Буславина.
И триста знойных поцелуев
от в красных шапочках девиц.

Туш:

До,
ми,
соль,
до — бе — ла,
добела
выстирать, выстирать
в бане му —
дре —
ца.

все
28 сентября 1929

«Тут нарисована жена...»

Тут нарисована жена
её глядеть моё призванье
как северный холм
она сложена
в зелёной кофточке стоит

подобно мудрой жене.
держит стальное перо
заложив пальцем книгу

<28 сентября — 1 октября 1929>

Диалог двух сапожников

I сапожник :

В наше время
нет вопросов
каждый сам себе ярмо
вопрошает неумелый
глядя в чудное трюмо
там стоит как в отраженьи
шкап стеклянный
точно сон
прислонился без движенья
к золотому стулу он
и вопрос в тебе рождённый
вопрошает: кто творец
ты-ли вихрем побеждённый
или в раме твой дворец.

II сапожник :

Мы несём трюмо большое
смотрим шкапа изменение

<28 сентября — 1 октября 1929>

Ванна Архимеда

Эй Махмет,
гони мочало,
мыло дай сюда Махмет, —
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.
Вот извольте Архимед
вам суворовскую мазь.
Ладно, молвил Архимед,
сам ко мне ты в ванну влазь.
Влез Махмет на подоконник,
расчесал волос пучки,
Архимед же греховодник
осторожно снял очки.
Тут Махмет подпрыгнул.
Мама! —
крикнул мокрый Архимед.
С высоты огромной прямо

в ванну шлепнулся Махмет.
В наше время нет вопросов,
каждый сам себе вопрос,
говорил мудрец курносый,
в ванне сидя как барбос.
Я к примеру наблюдаю
все научные статьи,
в размышлениях витаю
по три дня и по пяти,
целый год не слышу крика, —
веско молвил Архимед,
но, прибавил он, потри-ка
мой затылок и хребет.
Впрочем да, сказал потом он,
и в искусстве впрочем да,
я туда в искусстве оном
погружаюсь иногда.
Как-то я среди обеда
прочитал в календаре —
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе, —
Архимед сказал угрюмо
и бородку в косу вил,
Да Махмет, не фунт изюму,
вдруг он присовокупил.
Да Махмет, не фунт гороху
в посрамленьи умереть,
я в науке сделал кроху
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особ,
и скажу тебе меж нами
формалистами в особь.
Но и проза подкачала,
да Махмет, Махмет, Махмет.
Эй Махмет, гони мочало!
басом крикнул Архимед.
Вот оно, сказал Махмет.
Вымыть вас? — промолвил он.
Нет, ответил Архимед
и прибавил: вылазь вон.

всё
1 октября 1929

Тюльпанов среди хореев

Так сказал Тюльпанов камню
камень дуло курам кум
имя камня я не помню
дутый камень девы дум

в клетку плещет воздух лютень
глупо длится долгий плен
выход в поле виден мутен
розы выются в дурь колен
лампа громко свет бросала
в пол опутан свет летел
там доска с гвоздем плясала
доску вальсом гвоздь вертел
доску вальсом гвоздь вертел
а в стену бил рукой Тюльпанов
звал напрасно центр сил
рос над камнем сад тюльпанов
дождик светлый моросил.

Дождик:

Сухо в пепле в ухе сера
дуло в землю пробралось
там в горе проскачет серна
там на валу проходит лось
дубравы трав корчует рогом
рек сдвигает берег зелён
орлиный бег на лбу упругом
несет обратно грозный клён
но я дождем сверкаю шашка
близко кокнет бричка вешка
птичка хлопнет в лодку камнем:
вспомним птичке о недавнем!

Помним сад
в саду скамейка
на скамейке с пирогом
в том саду сидел Тюльпанов
птички плавали кругом
птички плавали кругом.

Помним дом
на крыше пламя
в окнах красная заря
из дверей выходит няня
сказка длинная моя
сказка длинная моя.

Няня в сад идет и плачет
и Тюльпанова манит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит.

Подними глаза Тюльпанов
няню глазками окинь
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. Аминь.

Но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. Аминь.

Тут поднялся камень в битву
двинул войско в дуб сырой
в грудь врагам врезал он бритву
гнулся жаром стыл порой
снова кругла сила чрева
к небу прет земля пружин
в белый воздух мчится дева
лишь Тюльпанов недвижим
сад к нему склонил вершины
няню тихую привел
сверху дождь летел в кувшины
снизу вверх цветочек цвел.

Так сказал Тюльпанов няне:
видишь няня я силен
дождь пройдет
цветок завянет
только я пройду как сон.
Только я пройду как сон.
Только ты пройдешь как лодка
возле сада
вдоль пруда
убежишь моя красotka
няня глупая вода
няня глупая вода.

И лишь птички
ветров дети
не кружатся вокруг небес
не стрекочат в небе дудкой
не летят в дремучий лес
не стрекочат в небе дудкой
не летят в дремучий лес.

Только я сию Тюльпанов
только я сию да ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходишь ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходишь ты.

Няня:
Успокойся мой цветочек
на скамейке пирожок
по воде плывет кружочек
за холмом дудит рожок
успокойся мой цветочек
успокойся пирожок
хочешь я побегу за тобою

по траве по мху по кочкам
буду страшною трубою
бегать следом за цветочком
содрогая бабу медь
или хочешь буду петь
на траве плясать и хлопать
я в тарелочки ладош
или в малину спрятав локоть
буду в землю тыкать нож
или прыгать над огнем
или прятаться вдвоем
или пальчиками щелкать
буду в домике твоём.

Цветочек:
Одинокою тычинкой
в поле воин я стою
временами непогоды
дуют в голову мою.

Птички там под облаками
ищут маленьких подруг
звери длинными шагами
ходят по полю вокруг.

Я стою на пьедестале
в поле воин одинок
ветры хлопают листьями
травы стелятся у ног.

Скучно мне.
Глаза открою
все несутся кто куда.
Только няня
ты со мною!
няня глупая вода.
Няня глупая вода.

23-24 октября 1929

«Все все все деревья пиф...»

Все все все деревья пиф
Все все все камня паф
Все все вся природа пуф.

Все все все девицы пиф
Все все все мужчины паф
Все все вся женитьба пуф.

Все все все славяне пиф

Все все все евреи паф
Вся вся вся Россия пуф.

октябрь 1929

«Свои ручки лелея...»

Свои ручки лелея
склонилась дева как лилея
держа в руках цвет белой птицы
она мгновенно хорошела
шарф пуховой вязала спицей
шею кутала чтоб не простудиться
вышивала плат шелками
«всякая тварь должна трудиться»
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь шелка летала
порою падала наполовицу
раздавался звон металла
девица руки вздев к вершинам
в камыш прятала нагое тело
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь полотно летела.
День приходил

<октябрь 1929>

«Нева течёт вдоль Академии...»

Нева течёт вдоль Академии,
днем светлая,
немая после обеда.
К шести часам Нева — лопата
на карте города лежит как на тарелке.
Святые рыбы
туземцы водяного бреда
плывут как стрелки
огибая остров,
уходят в море под парами,
плывут вдоль берега крутого
уже фарфоровыми горами.
Их не догонишь холодных беглянок,
они плывут у Гельгоlanda
где финские воды бегут меж полянок,
озер голубая гирлянда,
где бедные птицы кривыми ножами
сидят положив море в яму
чтобы создать по краям
подобие берегов.
Как в чашке цветок сидит сбоку

где рыба в центре пирогов
жиром тушит вкус каши.
Обратный путь в море
на лодке с веслом
плыть храбро в Неву,
где родители наши.
Где для вас,
для нас,
для них
наши воды лезут в трубы,
через кран бегут в кувшин,
мы подходим точно рыбы,
точно саблю воды глотаем,
точно камни сторожим,
точно воздух в печке таем,
точно дети в дом бежим.
Вы подносите нам карту
наших славных чудных мест,
мы кладем ее на парту
моря Финского окрест.

(октябрь 1929)

Разрушение

Неделя — вкратце духа путь.
Неделя — вешка, знак семи.
Неделя — великана дуля.
Неделя — в буквах неделима.
Так неделимая неделя
для дела дни на доли делит,
в буднях дела дикой воли
наше тело в ложе тянет.

Нам неделя длится долго,
мы уходим в понедельник,
мы трудимся до субботы,
совершая дело в будни.

Но неделю сокращая,
увеличим свой покой:
через равный промежуток
сундучок в четыре дня. —
Видишь, день свободных шуток
годом дело догоня,
видишь, новая неделя
стала разумом делима,
как ладонь из пяти пальцев —
стало время течь неумолино.

Так мы строим время счет

по закону наших тел.
Время заново течет
для удобства наших дел.

Неделя — стала нами делима.
Неделя — дней значок пяти.
Неделя — великана дуля.
Неделя — в путь летит как пуля.

Ура, короткая неделя,
ты все утратила!
И теперь можно приступить к следующему разрушению.

всё
6-21 ноября 1929

«Я сидел на одной ноге...»

Я сидел на одной ноге,
держал в руках семейный суп,
рассказ о глупом сундуке
в котором прятал деньги старик — он скуп.
Направо от меня шумел
тоскливый слон,
тоскливый слон.
Зачем шумишь? Зачем шумишь? —
его спросил я протрезвась —
я враг тебе, я суп, я князь.
Умолкнул долгий шум слона,
остыл в руках семейный суп.
От голода у меня текла слюна.
Потратить деньги на обед
я слишком скуп.
Уж лучше купить
пару замшевых перчаток,
лучше денег накопить
на поездку с Галей С.
за ограду града в лес.

всё
28 декабря 1929

«Приход нового года...»

Мы (два тождественных человека)

Приход Нового Года
мы ждем с нетерпением,
мы запасли вино
и пикули
и свежие котлеты.

Садитесь к столу.
Без четверти двенадцать
поднимем тост
и выпьем братцы
за старый год.
И рухнет мост,
и к прошлым девам
нам путь отрезан.
И светлых бездн
наш перёд.

Зритель :

Смотрите он весло берёт
и люлькой в комнате летает,
предметы вокруг следят полёт
от быстрых точек рассветает,
в Неве тоскливый тает лёд,
в ладоши бьёт земля и люди,
и в небо смотрит мудрый скот.
Но тут наступает 0 часов и начинается Новый Год.

31 декабря 1929, 23 часа 45 минут.

1930

Галине Николаевне Леман-Соколовой

На коньках с тобой Галина
на котке поедem мы
О холодная Галина
в центре маленькой зимы!
Ты Галина едeшь ловко
Хоть и грузна на подъём.
Пусть покоится головка
Твоя головка на плече моём
Я-же еду безобразно
рылом стучаюсь об лёд
ты-же милая прекрасно
едишь соколом в перёд.

3 января 1930

Жене

Давно я не садился и не писал
Я расслабленный свисал
Из руки перо валилось
на меня жена садилась

Я отпихивал бумагу
цаловал свою жену
предо мной сидящу нагу
соблюдая тишину.
цаловал жену я в бок
в шею в грудь и под живот
прямо чмокал между ног
где любовный сок течёт
а жена меня стыдливо
обнимала тёплой ляжкой
и в лицо мне прямо лила
сок любовный как из фляжки
я стонал от нежной страсти
и глотал тягучий сок
и жена стонала вместе
утирая слезы с ног.
и прижав к моим губам
две трепещущие губки
изгибалась пополам
от стыда скрываясь в юбке.
По щекам моим бежали
струйки нежные стократы
и по комнате летали
женских ласок ароматы.
Но довольно! Где перо?
Где бумага и чернила?
Аромат летит в окно,
в страхе милая вскочила.
Я за стол и ну писать
давай буквы составлять
давай дергать за верёвку
Смыслы разные сплетать.

3 января <1930>

«Я пел...»

Соловей скатываясь в ящик :

Я пел
теперь я стрел
а ты песок
твой лоб высок
согни хребет
земля кругла
в ней дыр и скважен
больше орла
ты в землю пяткой друг посажен
лежишь в пустыне жёлт и важен
заметен в небе твой лоскут
в тебе картошку запекут
я кончил петь

пора летать
орла в кастрюле свежевать
и в землю ткнуть орлиный хрящик
не то меня запрячат в ящик.

Одинокий бедуин, глядя на летящий песок :

вон песок летит арабы
очи нам засыпет он
скрыться люди Ах куда бы
только б сгинул этот сон

Хор бедуинов и архангелов :

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

Одинокий бедуин :

и птичка там в песок лопала
вверх животиком летит
и птичка бедная пропала
даже конь мой не глядит

Хор :

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

всё
4 января 1930

«В шкапу стояла мать моя...»

В шкапу стояла мать моя
над ней сюртук висел
Я сам в душе кровать тая
задумчивый сидел
Но вдруг приходит новый год
и первое число
ко мне ложится на живот
я чувствую весло.

4 янв<аря> 1930 года

Стук перёд

Где тупоумию конец?
Где вдохновению свинец?
чтоб не трогать верх затылка

в потолок очей не бить
приходи чернил бутылка
буквы пёрышком лепить
время ты неслышно ходишь
отмечая стрелкой путь.
в лево маятник отводишь
он летит обратно с треском
время кажется отрезком
вопрос: надо-ли время?
мы ответим: время будь
мы отметим время буквой

11 января <1930>;

«Мы приехали. Шипела...»

Мы приехали. Шипела
керосиновая каша
на столе коробка с мелом
керосиновая наша
Мария Ивановна удивилась
и давай гормонь тянуть
песня керосиновая полилась
возбуждая нашу грудь
к плачу. Мы лицом уткнулись
в керосиновый графин

«Всё наступает наконец...»

Всё наступает наконец
и так последовательность создаётся
как странно если б два события
вдруг наступили одновременно.

Загадка:

А если вместо двух событий
наступят восемь пузырьков.

Ответ:

Тогда конечно мы б легли.

Ответ был чист и краток.
в бумагу завернули человека.
Бумаги нет. Пришла зима.

13 января <1930>;

«Жил мельник...»

Жил мельник.
Дочь его Агнесса
в кругу зверей шутила днями,
пугала скот, из недр леса
её зрачки блестят огнями.
Но мельник был свиреп и зол.
Агнессу бил кнутом,
возил ячмень из дальних сёл
и ночью спал потом.
Агнесса мельнику в кадык
сажает утром боб.
Рычит Агнесса. Мельник прыг,
но в двери входит поп.
Агнесса длинная садится,
попа сажает рядом в стул
крылатый мельник. Он стыдится.
Ах, если б ветер вдруг подул
и крылья мельницы вертелись,
то поп, Агнесса и болтун
на крыше мельника слетелись
и мельник счастлив. Он колдун.

13 января 1930

«чтобы в пулю не смеяться...»

Чтобы в пулю не смеяться
мы в бочёнок спрячем лик
да затылки не бояться
отвечая хором пик
и печонка усмехаясь
воскресает из могил
и несётся колыхаясь
над убитыми Ахилл.
и змея в песочной лавке
жрёт винтовку, дом и плуг
и Варвара в камилавке
с топором летит вокруг.
да смеются мы будем
мы в бочёнке просидим
а когда тебя забудем
вновь к тебе мы прилетим.
и тогда мы перепьёмся
и тогда мы посмеёмся

всё
14 января 1930

«Нет ответа. Камень скок...»

Нет ответа. Камень скок
едут грабли паровые
Земли земли где же сок?
ваши люди кондавые.
Зря, в ответ щебечет сок,
спите кинув руки врозь
сквозь платок мы слышем стон
Звери! в мыслях пронеслось
наша слабая надежда
это ползает одежда
а быть может ходят львицы
по скрипучей половице.
Кто там ходит? Мостовые?
Звери люди или сок?
Едут грабли восковые
Нет ответа. Камень скок.

всё

15 января <1930>

«Ну-ка выбеги Маруся...»

Ну-ка выбеги Маруся
на Балканы. на морозе
огороды золотеют
пролетают карабины
в усечённые пещёры
и туманятся вечера
первобытные олени
отдыхают на полене
птицы храбрые в колях
отдыхают на полях
вот и люди на заре
отдыхают в пузыре
вот и старый Ксенофан
отдыхает в сарафан
вот и бомба и камыш
вот и лампа каратыш.
Осветили на Балканах
непроезжие пути
подними вино в стаканах
над кушеткою лети.

17 янв<аря> 1930

Злое собрание НЕверных

Не я-ли Господи? подумали апостолы.
Вот признаки:
лицо как мышь,
крыло как нож,
ступня как пароходик,
дом как семейство,
мост как пол ванта,
халат как бровь атланта.
Один лишь гений. Да, но кто-же?
Один умён, другой тупица, третий глуп.
Но кто же гений? Боже, Боже!
Все люди бедны. Я тулуп.

17 января 1930

Утро (пробуждение элементов)

Бог проснулся. Отпер глаз,
взял песчинку, бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.
Чуем утро. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул.
Это скрипнул тихо стул.
Это сонный, разомлев,
тянет голову сам лев.
Спит двурога коза.
Дремлет гибкая лоза.
Вот ночную гонит лень —
Изо мха встаёт олень.
Тело стройное несёт,
шкуру тёмную трясёт.
Вот проснулся в поле пень:
значит, утро, значит, день.
Над землёй цветок не спит.
Птица-пигалица летит,
смотрит: мы стоим в горах
в длинных брюках, в колпаках,
колпаками ловим тень,
славословим новый день.

всё
18 января 1930

Падение вод

Стукнул в печке молоток,
рухнул об пол потолок:
надо мной открылся ход
в бесконечный небосвод.

Погляди: небесных вод
льются реки в землю. Вот
я подумал: подожди,
это рухнули дожди.

Тухнет печка. Спят дрова.
Мокнут сосны и трава.
На траве стоит петух
Он глядит в небесных мух.

Мухи, снов живые точки,
лают песни на цветочке. Мухи:
Поглядите, мухи, в небо,
там сидит богиня Геба.
Поглядите мухи, в море,
там уныние и горе
над водой колышут пар.
Гляньте, мухи, в самовар! Мухи:
В самовар глядим, подруги,
там пары встают упруги,
лезут в чайник. Он летит.
Воду в чашке кипятит.
Вьется в чашке кипятки.
Гляньте, мухи, эпилог! Мухи:
Это крыши разлетелись,
открывая в небо ход,
это звезды развертелись,
сокращая чисел год.
Это вод небесных реки
пали в землю из дыры.
Это звезд небесных греки
шлют на землю нам дары.
Это стукнул молоток.
Это рухнул потолок.
Это скрипнул табурет.
Это мухи лают бред.

всё
24 января 1930

Ужин

Стукнул кокер. Сто минут.
Прыгнул фокер. Был помнут.
вышла пика. Нет плиты.
Здравствуй Кика. вот и ты.

Кика :

Надя нам сварила чай
мне сказала: отвечай!

Тут ответил я: калтун.
Пала дверь, вошёл колдун.

Колдун :

Дайте хлеба мне и нож
Я простужен. — в теле дрожь.
Я контужен, стар и сед.
Познакомтесь: мой сосед.

Сосед :

Здравствуй Кика старикан.
Здравствуй Надя. Дай стакан
Здравствуй чайник. Здравствуй дом.
Здравствуй лампа. Здравствуй гном.

Гном :

Видел я во сне горох.
Утром встал и вдруг подох
Я подумал: ну и сон!
Входит Кока. Вот и он.

Кока :

Ветер дул. текла вода.
Пели птицы. Шли года.
Стукнул кокер.
Прыгнул фокер.
и пришёл я к вам тогда.

Все хором :

Начнем же ужинать!

всё
24 января 1930

«Я в трамвае видел деву...»

Я в трамвае видел деву
даже девушку друзья
вся она такой бутончик
рассказать не в силах я.

Но со мной чинарь Введенский
ехал тоже как дурак
видя деву снял я шляпу
и Введенский снял колпак.

<январь 1930>

«Вам поверить...»

Вам поверить
я не могу,
для этого мне надо скинуть рубаху
Я без платья великан
в таком виде я к вам не пойду.
Ах целуйте меня с размаху.
Вот мои губы
вот мои плечи
вот мои трубы
вот мои свечи.
Дайте мне платок —
я полезу на потолок.
Положите мне горчичник —
я забуду рукавички
лягу спать верхом на птичник
буду в землю класть яички.
Нам великанам довольно пальбы
ваши затихли просьбы и мольбы
настиг вас жребий дум высоких —
пробка в черепе. Вы с дыркой.
Умечали рысооки
на коне лежать под мыркой.
Недостоен, недостоен, недостоен
вашу обувь развязать.
Я в рубахе наг и строен
я натура, так сказать.
И нет во мне той милой склонности
греть ваши ноги о девушка
тона девичьего «до» нести
вашего голоса девушка
Я строг и знатен
хожу среди полатин
швыряя пыль ногой —
вот я какой!
До вашего дома
иду по досочке
а дальше ведома
толпа мной в сорочке
и штопотом, хриплетом, банками
садимся на шпиль Петропавловской крепости
рыжими в воздух баранками.

всё

13 февраля 1930

«Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколоае...»

Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколоем
Согнифалом.

Достаточно было перебито людей и шерстяных лисиц.

Войско Сергея Радунского скакало с пиками заострённых
карандашей.

А Миколой Согнифал пускал шерстяных лисиц

перегрызать локти воинов Сергея Радунского.

Первая битва произошла в лесу на комоде с подсвечником.

Дрался воин первый мечник бил графином кусаря,

прыгал храбро за подсвечник брюхо пикой разоря.

Тот ложился ниц контужен ливня зонтик пополам

мечник резал первый пужин шкуру бивня кандалам.

Вон скачет пушкин ветру следом целит пушку в лисий

холмик.

Он скакунец машет пледом лопнул гром. проходит пол миг.

Револьверцы скачат вира Миколоя носа близко

13 февраля 1930 года

«Девицы только часть вселенной...»

Девицы только часть вселенной

кувшины стройных рек

мы без девиц пройдем по вселенной

душа сказала «грек».

Притворился милый облик

он увы не узнаваем

над кроватью держит Бог Лик.

Ну давай его взломаем!

Что посмотрим под доской

укрощает взгляд людской.

Над кроватью Бог повис

мы у Бога просим жалости.

Опускает Бог ресницы вниз

пряча взоры в темноте

он глядит на наши шалости.

И мы уже совсем не те

17 февраля 1930. Д. Х.

«Где я потерял руку?...»

Где я потерял руку?

Она была, но отлетела

я в рукаве наблюдаю скуку

моего тела.

Что-то скажет Дом Печати

что-то скажет раздевалка

моей руки одно зачатие

с плеча висит.
Как это жалко.
Люди!
Кто мне примус накачает?
Плети!
Кто стегаться вами станет?
Мыло!
Кто в ручей тебя опустит?
Никому то не известно.
Даня!
Кто в кровать тебя разденет
твои сапоги растегнёт
и в шкаф поставит.
Спать уложит. Перекрестит.
перевернётся. кто уснёт?
Кто проснётся на другой день
посмотреть в окно и плюнуть?
ход ночей был мною пройден
разрешите в небо дунуть.
Это верно. Мы двуруки
равновесие храним
поперёк души науки
образ храброго гоним.
То отведали поляки
боль ранения на сечи
были паны, стали каляки.
Заводить убитых речи
Силы рта раздвинуть нет
коли панов закопали,
коли жив на землю гнет
остальные в битве пали.
Остальных ломает и мнёт
полевых цветочков мёд.
Но куда же я руку задевал.
Знаю нет её в руковах.
Помню куртку надевал.
Но теперь понятно ах!
Вот она забыв перёд
пересела на хребёт.
Надо Надо
перешить рукав на спину.

всё
20 февраля 1930

«Земли, огня и ветра дочери...»

Земли, огня и ветра дочери
меча зрачков лиловый пламень
сидели храбрые в пещере
вокруг огня. Тесали камень.

Тут птицы с крыльями носились
 глядели в пламя сквозь очки
 на камни круглые садились
 тараша круглые зрачки.
 Кыш летите вон отсюда
 им сестры кричали взволновано
 храм пещерного сосуда —
 это место заколдовано.
 Мы все вместе
 служим в тресте
 на машинках день и полночь
 отбиваем знаки смыслов
 дел бумажных полный стол тучь
 мух жуков и корамыслов.
 Только птицы прочь и кыш
 с веток, с тумбов, с окон, с крыш.
 Очень птицы удивились
 на косматых глядя дев
 клювом стукнули и взвились
 очи злые к небу вздев
 и когтей раскинув грабли,
 рассекая воздух перьями
 разлетались дирежабли
 над Российскими империями.

всё.
 <февраль 1930>

периферация

мы открыли наш приют
 всех желающих скрипеть
 и все на улице поют
 во дворах которые смотреть.
 Встала точка места фи
 остановка выражений.
 мыслей вспучаных сражений
 оборвали разом Ли
 те артисточки смеясь
 нам кивали четвергом
 но воскликнул сторож: князь
 обращаясь так в меня
 он присел и наклонясь
 Эм пропел меня веселя
 а я потребовал принести киселя.

все
 2 марта 1930

«В небесари ликомин...»

1.

В небесари ликомин
мы искали какалин
с нами Пётр Комиссар
твёрдый житель небесар.

2.

в этой комнате Коган
под столом держал наган
в этот бак Игудиил
дуло в череп наводил.
и ключёк волос трепал
Я сидел и трепетал.

3.

Им ответа старый Бог
объясняет пули вред
деда мира педагог
Повторим усопших бред!
То румян и бледен был
в карты глядя в чертежи
стены пали. воздух плыл
дом и стёкла и чижи.

4.

Кóнцы пели гилага
ги га гели стерегли
вышел кокер из угла
концы в землю полеги
встали пунцы у коны
взяли свинцы мекеле
пали благи. вьются флаги.
вою пунцы в помеле.

4 марта 1930

«Я устал не спать ночей...»

Я устал не спать ночей
лоб сгустился тяжелея.
Шея встала из плечей
Я пошёл гулять маме
усты вилки голове.
Голова моя болит
Слетает с неба болид
пойду пить пиво лениво,
лениво. тут против кол с руками

поставленный нами на память о маме.

<Первая пол. марта 1930>

Нéтеперь

Это есть Это.
То есть То.
Это не есть Это.
Остальное либо это, либо не это.
Все либо то, либо не то.
Что не то и не это, то не это и не то.
Что то и это, то и себе Само.
Что себе Само, то может быть то, да не это, либо это, да не то.
Это ушло в то, а то ушло в это. Мы говорим: Бог дунул.
Это ушло в это, а то ушло в то, и нам неоткуда выйти и некуда
прийти.
Это ушло в это. Мы спросили: где? Нам пропели: тут.
Это вышло из тут. Что это? Это ТО.
Это есть то.
То есть это.
Тут есть это и то.
Тут ушло в это, это ушло в то, а то ушло в тут.
Мы смотрели, но не видели.
А там стояли это и то.
Там не тут.
Там то.
Тут это.
Но теперь там и это и то.
Но теперь и тут это и то.
Мы тоскуем и думаем и томимся.
Где же теперь?
Теперь тут, а теперь там, а теперь тут, а теперь тут и там.
Это было то.
Тут быть там.
Это, то, там, быть, Я, Мы, Бог.

29 мая 1930

Сон рубашку

Я не сплю. Темно в печи.
взоры к берегу мечи.
Видишь берег бел и крут
волны в берег бьют и мрут
вот и мухи как мячи
вьются около свечи
Я же свечки не боюсь
Я как муха на пшене
вспоминаю о жене.

помню день покинул сад
Было год тому назад
ехал я, стучал вагон
был я грустный как охакон.

1–8 августа 1930

Лапа

У храпа есть концы голос
подобны хрипы запятым
подушку спутаннык волос
перекрести ключом святым.
Из головы цветок вырастает
сон ли это или смерть
зверь тетрадь мою листает
червь глотает ночь и зберть
там пух петухов
на Глинкин плац
осёл шатром из пушки бац
сон уперся на бедро
ветер западный. — Ведро.
О стату́я всех стату́й
дням дыханье растату́й
леса лужи протеки
где грибы во мху дики
молви людям: Пустяки
мне в колодец окунаться
мрамор духа холодить
я невеста земляка
не в силах по земле ходить.
Во мне живет младенца тяжесть.
Жесть неба сгинь!
Отныне я жесть.
И медь и кобальт и пружина
в чугун проникли головой
оттуда сталь кричит: ножи на!
И тигра хвост моховой!
И все же бреду я беременная
батюшка! Это ремень но не я!
Батюшка! Это реветь но не мать!
Будут тебя мой голубчик
будут тебя мой голубчик
будут тебя мой голубчик
сосны тогда обнимать.

Сказала и упала.
А эхо крикнуло: Магога!
И наступила ночь Купала
когда трава глядит на Бога.
Два Невских пересекли чащи

пусть по воздуху канатик
и паровоз дышал шипяще
в глаза небесных математик.
Ответил Бог: На камне плоском
стоял земляк. Он трубку курил.
Его глаза залеплены воском.
«Мне плохо видно, — он говорил.
Куда ушла моя статуя
моё светило из светил.
Один на свете холостуя
взоры к небу привинтил.
По ударам сердца счёт
время ласково течёт
По часам и по столу
по корням и по стволу.
И отмечу я в тетради
встречи статуя с тобой
тебя ради
жизнь сделаю работой.
Тебя ради встану рано
лягу в воду по лопатки
леги неги деги веги
боги воги нуки вуки».

Из Полтавы дунул дух
полон хлеба полон мух
кто подышет не упи
мама воздуха купи.
Я гора, а ты песок
ты квадрат, а я высок
я часы, а ты снаряд
скоро звезды закорят.
Мама воздуха не даст
атмосферы тонок пласт
блещут звезды как ножи.
Мама Бога покажи!
Ты челнок, а я ладья
ты щенок, а я судья
ты штаны, а я подол
ты овраг, я тихий дол
ты земля, а я престол.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

* * *

Земляк : Что это жужжит?

Власть : Это ты спишь.

Земляк : Я вижу цветок над своей головой. Можно его сорвать?

Власть : Опусть агам к ногам.

Земляк : Что такое агам?

Власть : Разве ты не знаешь? Жил старик. Его сын работал на заводе и приходил домой

грязный. Старик кипятил воду, чтобы сын мыл руки. В воде плавали тараканы и мелкие бациллы. Сын смотрел сквозь голубую воду и видел дно. В воде плавало отражение сына. Старик выплескивал воду из таза вместе с отражением сына. Но отражение застревало в трубе и машина не спускалась. Старик шел к управдому и просил починить уборную. Управдом писал отношение и ложился спать. На другой день сын шел на завод выделять дробь.

Земляк : А что делал старик?

Власть : Разве ты не знаешь? Старик читал книгу. Потом закладывал книгу спичкой и растапливал печь. Дрова он носил на согнутой левой руке и нося дрова думал: от дров быстро портится рукав пиджака.

Земляк : А что такое агам?

Власть : Разве ты не знаешь? На небе есть четыре звезды Лебедя. Это северный крест. Недавно среди звёзд появилась новая звезда — Лебедь Агам. Кто сорвет эту звезду, тот может не видеть снов.

Земляк : Мне рукой не достать до неба.

Власть : Ты встань на крышу.

(Земляк встает на крышу .)

Власть : Ну как?

Земляк : Авла диндурі пре пре кру кру.

(Статуя на крыше хватает земляка и делает его лёгким .)

Земляк :

Я ле!

Птицы не больше перочинных ножигов.

Ле!

Откройте озеро, чтобы вода стала ле!

Откройте гору, чтобы из нее вышли пары.

Остановите часы, потому что время ушло в землю!

Смотрите какой я ле!

Утюгов *(смотря из окна наверх)* : Эй, послушайте там! Гражданин, вы мешаєте читать мне газету. И потом, что за дьявол! На чём вы держитесь?

Земляк *(хохоча)* :

Я от хаха и от хиха

я от хоха и от хеха

еду в небо как орлиха

отлетаю как прореха.

Утюгов *(размахивая газетой)* :

Я меняю свою жилплощадь на бóльшую!

Бап боп батурай!

На бóльшую!

Запомните: кокон, фокон, зокен, мокен.

Земляк : Где я? Что это за место?

Ангел Капуста : *Нил* .

(Воск тает с глаз земляка. Земляк смотрит окрестности .)

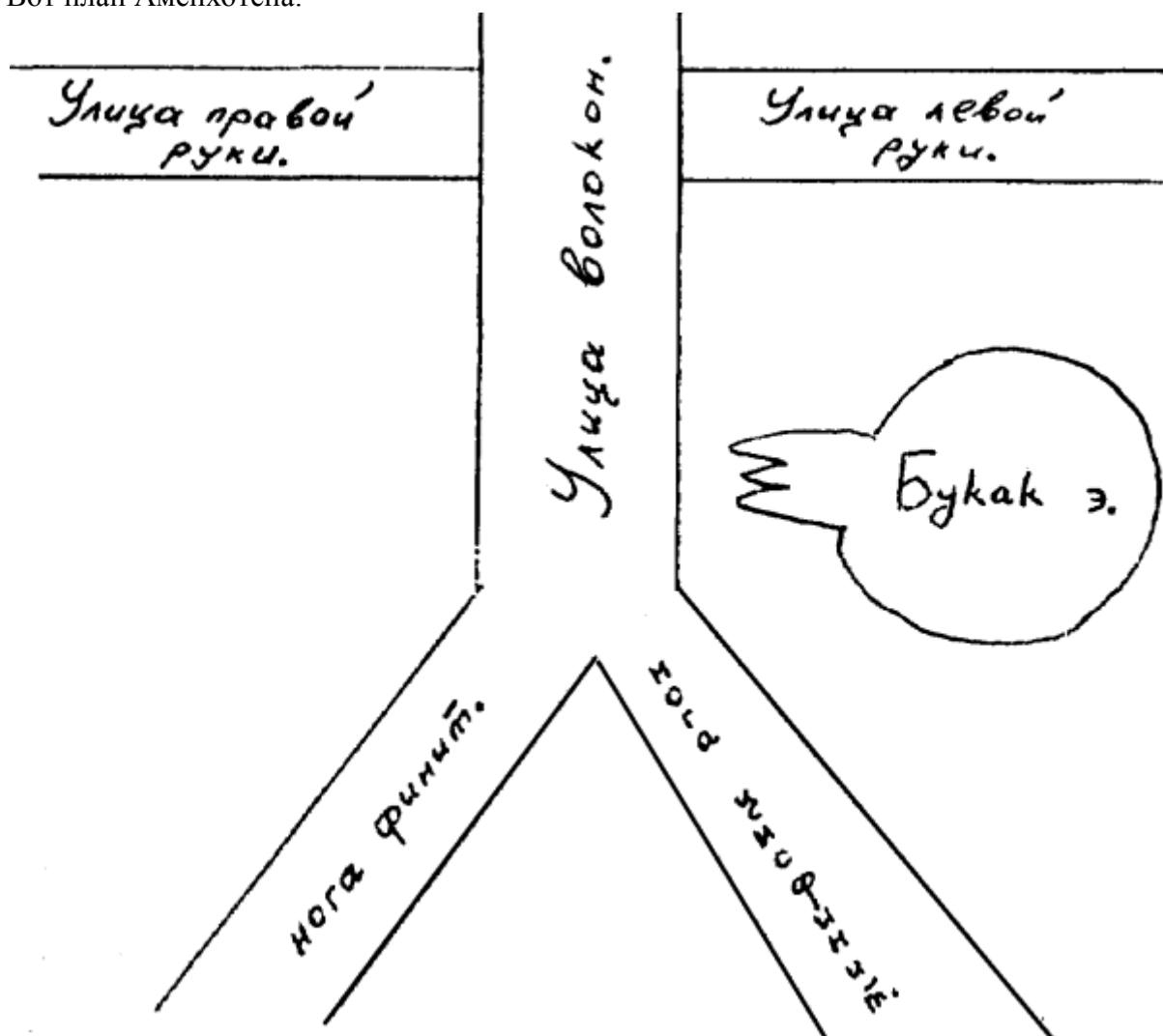
Описание Нила

Картина представляет собой гроб. Только вместо глазури идет пароходик и летит птица. В гробу лежит человек, от смерти зелёный. Чтобы показаться живым, он все время говорит. «Чтобы сварить суп, надо затопить плиту и поставить на нее кастрюлю с водой. Когда вода вскипит, надо в воду бросить морковь и... нет, стрелу и фо... нет, надо в воду положить карету. Хотя это уже не то».

Судя по тому, что говорил человек, он был явно покойник. Но, несмотря на это, он держал в руках подсвечник. Собственно говоря это и был Нил.

В Ниле плавал Аменхотеп. Он был в трусиках и в кепке.

Вот план Аменхотепа:

Николай же Иванович держал в руках ибиса и смотрел, что у него под хвостом.

Земляк : Ну как, Николай Иванович?

Н.И. : Да вот, знаете ли, еще не разобрался в чем дело. Тут, видите ли, пух мешает.

Земляк : Да. Тяжело.

Н.И. : Там лучше было. Там, знаете ли, возьмешь гречневую кашу с маслом, или еще лучше, если она холодная и с молоком, и съешь.

Земляк : Или ватрушку. Особенно если ее есть прямо так по-простецки, взяв в руку.

Н.И. (вздыхнув) : Или суп. Знаете ли, чтобы сделать суп, надо положить в воду мясо и рыбу.

(К ним подсаживается покойник .)

Покойник : Ылы ф зуб фоложить мроковь. Ылы спржу. Ылы букварь. Ылы дрыдноут.

(Из-за горизонта доносится крик) :

...Меньшую на большую! Бап боп батурай!

Аменхотеп вылезает из воды и идет по острым камушкам. Идти больно и Аменхотеп машет руками и то и дело приседает. Добравшись до песка, он бежит уже свободно и наконец валится в песок и валяется.

«Покурить бы», — говорит Аменхотеп. Вокруг молчат. Николай Иванович сердито смотрит ибису под хвост.

Аменхотеп снимает трусики, выжимает их и вешает на солнце сушиться. А сам смотрит по сторонам, не идет ли где женщина. Но женщин не видать, только на берегу подсвечника стоит женская мраморная статуя.

Земляк : Ну, ребята, передохнул с вами, да пора и дальше.

— Куда, — спрашивает его Николай Иванович.

— Да я, знаете, к Лебедям, — говорит земляк.

И земляк поднимается выше.

Тут стоят два дерева и любят друг друга.

Одно дерево — волк, другое — волчица.

Когда земляк выглянул из-за угла, то волк кинулся к решетке.

Земляк спрятался.

Волк поцеловал волчиху.

Земляк опять вышел из-за прикрытия.

— Где здесь Лебедь? — спросил он волков.

И вот вышел сторож в белом халате. Он держал в руках длинный скребок.

— Лебеди, — сказал сторож, нюхая кусок хлеба, чтобы не заплакать. — Они там. Вон в том доме.

Земляк пошел вдоль пруда. В пруду лежал снег.

Птичник

В птичнике очень воняло. В углу сидела маленькая девочка и ела земляные лепешки. Девочка была очень грязная и нечистоплотная. На асфальтовом полу были пробоины, а в пробоинах стояли лужи. Старичок в длинном черном пальто ходил по лужам и боком смотрел на птиц.

Комнату разделяла перегородка вышиной в аршин. За перегородкой расхаживали большие птицы. Пеликаны сидели вокруг бассейна и в грязной воде полоскали свои клювы.

Девочка отложила в сторону свою земляную лепешку и запела. Рот у девочки был похож на круглую дырочку.

Девочка пела:

Пли пли
кля кля
смах смач гапчанух
векибаки сабаче
дубти кепче алдалаб
смерх пурх соловьи
сели или ели а
соо суо сыа се
соловеи веи во
вие вао вуа ви
вуа выа вао вю

пю пю пю пю
закурал.

Один пеликан, самый старей, начал танцевать. На голове его изгибался седой хохол, а красные глазки свирепо смотрели в морскую раковину. Сначала он долго топал на одном месте. Потом начал перебегать на несколько шагов то вперед, то назад, причем его голова оставалась неподвижной в одной и той же воздушной точке. Изгибалась только шея. Вдруг пеликан пустил одно крыло по полу и начал разворачиваться на одной ноге, притоптывая другой. Сначала развернулся в одну сторону, потом в другую, а потом вдруг поплыл, как боярышня, волоча за собой по полу оба крыла.

Остальные птицы притихли, расступились и стояли, уткнувшись носом а стену, не глядя на танец пеликана.

— Молчать! — крикнул вдруг старичок в длинном черном пальто.

Никто не обратил на это внимания. Девочка продолжала петь, а пеликан танцевать.

— И это небо! — сказал сокрушенно старичок. — Фу фу фу! Какая здесь гадость!

— Почему вы думаете, что это небо? — спросил старичка другой такой же старичок, неизвестно откуда появившийся.

— Ах, бросьте, — сказал прежний старичок. — Я всю жизнь старался не петь глупых песен. А тут ведь поют нечто безобразное.

— А вы тоже попробуйте, — сказал такой же старичок. Но старичок покачал только головой, отчего пенсне с его носа свалилось в лужу.

— Ну вот, видите? Вот видите? — сказал обиженно старичок.

Дверь отворилась, и в птичник вошел земляк.

— Лебедь у вас? — громко спросил он.

— Да, я тут! — крикнул Лебедь.

— Ура! Это небо? — спросил земляк.

— Да, это небо! — крикнуло небо.

Но тут пролетел Ангел Копуста, и земляк снова вошел в птичник.

— Лебедь у вас? — громко спросил он.

— Да, я тут! — крикнул Лебедь.

— Ура! Значит это небо! — крикнул земляк.

— Да, это небо, — сказал Ангел Копуста. —

Это небо
ибо Лебедь здесь владыка.
Ну-ка дева
принеси-ка мне воды-ка.

Маленькая девочка сбегала за водой. Ангел Копуста выпил воды, утер усы и сказал:

— Холодная, сволочь, а вкусная. Сейчас господствует эпидемия брюшного тифа, но не беда. Надо только утром и вечером потирать ладошкой живот и приговаривать: Бурчи, да не болей.

Вдруг земляк огромным прыжком перескочил через перегородку, схватил Лебеда под мышку и провалился под землю.

На этом месте выросла сосна с руками и в шляпе, и звали ее Марией Ивановной.

Разговор Ангела Копусты с Марией Ивановной

Анг. Коп. : Вот это да! А только, интересно знать, билет у Вас есть?

Мар. Ив. : Ха ха ха, какие глупости! Ведь я индюшка!

Анг. Коп. : Вы не можете так разговаривать со мной. Ведь я ангел.

М. Ив. : Почему?

Анг. Коп. : Потому что у меня крылья.

Мар. Ив. : Ха ха хоау! Но ведь у хусей и у хуропаток тоже есть крылья!

Анг. Коптуста : Вы рассуждаете, как проф. Пермяков. Он и сторож Фадей на этом основании посадили меня в этот курятник.

Мария Ивановна зевает и засыпает. Ангел Коптуста будит ее.

Ангел Пантоста : Мария Ивановна, проснитесь, я вам доскажу свою мысль об осях.

Мария Ивановна со сна : Голубчик, голубочек, голубок. Не касайся таких вопросов. Я жить хочу.

Ангел Хартраста : Но все-таки, Мария Ивановна, я большой любитель пшена. Знаете, оно попадает даже в навозе. Даже в навозе, честное слово!

Мар. Ив. Сосна : Ну уж это нет! Фи донк! Назвос и пшенная каша!

Ангел Холбаста : Ничего-с, Мария Ивановна. Хотя конечно, смотря чей навоз. Лучше всего лошадиный. В нём, знаете, этого самого немного, а всё больше вроде как бы соломы. Коровий помёт, это тоже ничего. Хотя он, знаете, очень вязкий. Вот собачий — тыпфу! Сам знаю, что дрянь! И пшена тоже совсем нет. Но ем. Все-таки ещё ем. Но вот что касается...

Мария Ивановна (*затыкая уши*): Нечего сказать, ангел! Чего только не жрёт! Скажите, вы может быть и блевотину едите.

— Как Вам сказать, — начал было Ангел Хлампушта, но Мария Ивановна принялась так кричать и ругаться, что Ангел Хлемписта поскорей зажал свой рот рукой, но от быстроты движения не удержался на ногах и сел на пол.

Андрей же соломея дрынваку и сплюнув гасмекрел похурею вольностей и кульпа фафанаф штос палмандеуб.

г л А в Н а б о р

Мах _____ леапие

мамах _____ леапие

гае мамах _____ леапие гае у

В. _____ Коршун глодал кость.

Х. _____ Земляк падал на землю.

мои

вои

кои

веди

дуи

буи

вее

ае

хие

сео

пуе

пляе

клёе

поко
плие
плёе
флюе
мое
фое
тое
нюня
тюпя
кёё
пёё
фюю
юю
пляо
кляо
кляс
кляпафео
пельсипао
гульдигрея
пянь
фокен, покен, зокен, мокен

Таким образом земляк вернулся на землю.

Утюгов (*махая примусом*):

Бап боп батурай!
Обед прошел благополучно.
Я съел одну тарелку супа
с укропом, с луком, со стрелой.
Да винегрет картофель с хреном
милой Тани мастерство
ел по горло. Вышел с креном
в дверь скрывая естество.
Когда еда ключом вскипает
в могиле бомбы живота
кровь по жилам протекает
в тканях тела зашита
румянцем на щеке горит
в пульсе пао пуо по
пеньди пюньди говорит
бубнит в ухе по по по
я же слушаю жужжанье
из небес в моё окно
это ветров дребезжанье
миром создано давно.
Тесно жить. Покинем клеть.
Будем в небо улететь.

(*машет примусом*)

Небо нябо небобі

буби небо не скоби.
Кто с тебя летит сюда?
Небанбанба небобей!
Ну-ка небо разбебо!

Хлебников (*проезжая на коне*): Пульш пельш пепопей!

Утюгов :

Всадник что ты говоришь?
Что ты едешь?
Что ты видишь? Что ты?
Что ты всадник милый говоришь?
Мне холмов давно не видно
сосен, пастбищ и травы
может всадник ты посмотришь
на природу своим глазом
я как житель современный
не способен знать камня
травы, требы, труги, мхи,
знаю только хи хи хи.

Хлебников (*проезжая на быке*): А ты знаешь небо Утюгов?

Утюгов :

Знаю небо — небо жесь
в жести части — счетом шесть.

Хлебников (*проезжая на корове*):

Это не небо
это ладонь
крыша пуруша и светлый огонь.

Утюгов :

О! Мне небо надоело
оно висит над головой.
Протекает если дождик
сверху по небу стучит.
Если кто по небу ходит
небо громом преисполнено
и кирпичные трясутся стены
и часы бьют невпопад
и льётся прадед пены
вод небесных водопад.
Однажды ветер шаловливый
унес как прутик наше небо
люди бедные кричали
горько плакали быки.
Когда один пастух глядел на небо
ища созвездие Барана
ему казалось будто рыбы

глотали воздух.
Глубь и голубь одно в другое превращалось.
Созвездье Лебеда несло
руль мозга памяти весло.
Цветы гремучие всходили
деревья тёмные качались.
Пастух задумался.
— Конечно, думал он, — я прав
случилось что-то.
Почему земля кругом похолодела?
И я дыхание теряю
и всё мне стало безразлично.
Сказал и лёг на траву.
— Теперь я понял — прибавил он.
Пропало небо.
О небо небо, то в полоску
то голубое как цветочек
то длинное как камыши
то быстрое как лыжи.
Ну человечество! дыши!
Задохнёмся, но все же мы же
найдем тебя беглянку
не скроешься от нашей погони!
Сказал. И лёг в землянку
сложив молитвенно ладони.

Хлебников (*проезжая на бумажке*): И что же, небо возвратилось?
Утюгов :

Да. Это сделал я.
Я влез на башню
взял верёвку
достал свечу
поджёг деревню
открыл ворота
выпил море
завёл часы
сломал скамейку
и небо, птясь по эфиру
тотчас же в стойло возвратилось.

Хлебников (*скача в акведуке*):

А ты помнишь: день-то хлябал.
А ты знаешь: ветром я был.

Утюгов (*размахивая примусом*):

Бап боп батурай!
Держите этого скакуна!
Держите он сорвет небо!
Кокен, фокен, зокен, мокен!

Из открытых пространств слетал тихо земляк, держа под мышкой Лебеда.
Земляк подлетает к крышам. На одной из крыш стоит женская статуя. Она хватается земляка и делает его тяжелым.

Земляк смотрит в небеса, где он только что был.

Земляк : Вот ведь откуда прилетел!

Утюгов (*высовываясь из окна*) : Вам не попадался скакун?

Земляк : А каков он из себя?

Утюгов : Да так, знаете, вот такой, с таким вот лицом.

Земляк : Он скакал на карандаше?

Утюгов : Ну да да да, — это он и есть! Ах, зачем вы его не задержали! Ему прямая дорога в Г.П.У. Он... я лучше умолчу. Хотя нет, я должен сказать. Понимаете? я должен это выговорить. Он, этот скакун, может сорвать небо.

Земляк : Небо? Ха ха ха! и! е! м.м.м. Фо фо фо! Гы гы гы. Небо сорвать! А? Сорвать небо! Фо фо фо! Это невозможно. Небо гы гы гы, не сорвать. У неба сторож, который день и ночь глядит на небо. Вот он! Громоотвод. Кто посмеет сорвать небо, того сторож проткнет. Понимаете?

Утюгов : А что это вы держите под мышкой?

Земляк : Это птичка. Я словил ее в заоблачных высотах.

Утюгов :

Постойте, да ведь это кусок неба!
Караул! Бап боп батурай!
Ребята, держи его!

На зов Утюгова бежали уже Николай Иванович и Аменхотеп. Ибис в руках Николая Ивановича почувствовал облегчение, что никто не рассматривает его устройство под хвостом, и наслаждался ощущением передвижения в пространстве, так как Николай Иванович бежал довольно быстро.

Ибис сощурил глаза и жадно глотал встречный воздух.

— Что случилось? Где! Почему? — кричал Николай Иванович.

— Да вот, — кричал Утюгов, — этот гражданин спёр кусок неба и уверяет, что несет птицу.

— Где птица? что птица? — суетился Николай Иванович. — Вот птица! — кричал он, тыча ибиса в лицо Утюгова.

Земляк же стоял у стены, крепко охватив руками Лебеда и ища глазами куда бы скрыться.

— Разрешите, — сказал Аменхотеп, — я все сейчас сделаю. Где вор? Вот ведь время-то. А? Только и слышишь что там скандал, тут продуктов не додали, там папирос нет. Я, знаете ли, на Лахту ездил, так там дачники сидят а лесу и прямо сказать стыдно, что там делается. Сплошной разврат.

— Кокен фокен зокен мокен! — не унимался Утюгов.

— Что нам делать с вором? Давайте его приклеим к стене. Клей есть?

— А что с ним церемониться, — сказал проходящий мимо столяр-сезонник, похлёбывая на ходу одеколонец. — Таких бить надо.

— Бей! Бей! Бап боп батурай! — крикнул Утюгов.

Аменхотеп и Николай Иванович двинулись на земляка.

Власть :

Клох прох манхалуа.

Опустить агам к ногам!

(*Остановка*) Покой. Останавливается свет. Все кто спал — просыпаются. Между прочим просыпается советский чиновник Подхелуков. (На лице аккуратная борода без усов). Подхелуков смотрит в окно. На улице дудит в рожок продавец керосина.

Подхелуков : Невозможно спать. В этом году нашествие клопов. Погляди, как бока накусили.

Жена Подхелукова (*быстро сосчитав сколько у неё во рту зубов, говорит со свистом*): Мне уики — сии — ли — ао.

Подхелуков : Почему же тебе весело?

Жена Подхелукова (*обнимая Аменхотепа*): Вот мой любовник!

Подхелуков : Фу, какая мерзость! Он в одних только трусиках. (*Подумав*) — И весь потный.

Аменхотеп испуганно глядит на Подхелукова и прикрывает ладошками грудь.

Власть : Фы а фара. Фо. (*Берет земляка за руку и уходит с ним на ледник .*)

На леднике, на леднике
морёл сидит в переднике.

КаХаваХа .

Власть говорит : мсан клих дидубей.

Земляк поёт : я вижу сон.

Власть говорит : ганглау гех.

Земляк поёт : но сон цветок.

Власть говорит : сворми твокуц.

Земляк поет : теперь я сплю.

Власть говорит : опусти агам к ногам.

Земляк лепечет : Лили бай.

Рабинович, тот который лежал под кроватями, который не мыл ног, который насиловал чужих жён, — открывает корзинку и кладет туда ребенка. Ребёнок тотчас же засыпает и из его головы растет цветок.

Кухивика .

Опять глаза покрыл фисок и глина.
Мы снова спим и видим сны большого млина.

17 августа 1930

«молвил Карпов: я не кит...»

Молвил Карпов: я не кит
в этом честь моя порука.
Лёг на печку и скрипит.
Карпов думал: дай помру-ка.
Лег и помер. Стрекачёв

плакал: Карпов табуретка
то-то взвоят Псковичёв
над покойным. Это редко.

В ночи длинные не спится
вдовам нет иных мужей
череп к люльке не клонится
мысль бродит веселей.

Мысль вдовы:

Вот люди
была я в ЗАГСЕ
но попала с черного крыльца на кухню.
А на кухне белый бак
кипятился пак пак.

<между январем и августом 1930>

«Двести бабок нам плясало...»

Двести бабок нам плясало
корки струха в гурло смотрели
триста мамок лех воскинув
мимо мчались вососала
хон и кен и кун и по
все походило на куст вербин
когда верблюды ступает по доске
выгнув голову и четырнадцать рожек
а жена мохнач Фефила
жадно клебает гороховый ключ
тут блещет муст
пастух волынку
рукой солдатскою берёт
в гибких жилах чуя пынку
дыню светлую морёт
дыня радостей валиса
гроб небес шептун земли
змёзды выстрые колёса
пали в трещину
пали звезды
пали камни
пали дочки
пали веки
пали спички
пали бочки
пали великие цветочки
волос каменного смеха
жир мечтательных полетов
конь бездонного мореха
шут вороного боя

крест кожаных переплетов
живот роста птиц и мух
ранец Лилии жены тюльпана
дом председателя наших и ваших.

Все похоже на суповую кость.

19 августа 1930

Вечерняя песнь к имением моим существующей

Дочь дочери дочерей дочери Пе
дото яблоко тобой откусив тю
сооблазня Адама горы дото тобою
любимая дочь дочерей Пе.
мать мира и мир и дитя мира су
открой духа зёрна глаз
открой берегов не обернутися головой тю
открой лиственнице со престолов упавших тень
открой Ангелами поющих птиц
открой воздыхания в воздухе рассеянных ветров
низзовущих тебя призывающих тебя
любящих тебя
и в жизни жёлтое находящих тю.

Баня лицов твоих
баня лицов твоих
дото памяти открыв окно огляни расположенное поодаль
сосчитайдвигающееся и беспокойное
и отложи на пальцах неподвижные те
те неподвижные дото от движения жизнь приняв
к движению рвутся и всё же в покое снут
или быстрые говорят: от движения жизнь
но в покое смерть.

Начало и Власть поместятся в плече твоём
Начало и Власть поместятся во лбу твоём
Начало и Власть поместятся в ступне твоей
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
дото лестницы головы твоей
дочь дочери дочерей дочери Пе.

О фы лилия глаз моих
фе чернильница щёк моих
трр ухо волос моих
радости перо отражения свет вещей моих
ключ праха и гордости текущей лонь
молчанию прибежим люди страны моей
дото миг число высота и движения конь.

Об вольности воспоём сестра
об вольности воспоём сестра
дочь дочери дочерей дочери Пе
именинница имени своего
ветер ног своих и пчела груди своей
сила рук своих и дыхание моё
неудобозримая глубина души моей
свет поющий в городе моём
ноги радости и лес кладбища времён тихо стоящих
храбростью в мир пришедшая и жизни свидетельница
приснись мне.

21 августа 1930

«ляки страха гануе...»

Ляки страха гануе
поляки бороды гану
мевы лодочек пята
бевы санок полео
рёх подруги феи фуи
дням тусусы лепы хипы
грех подруги феи дуй
коням и птицам глаза протыкать

нельзя ли мне послушать ваши бредни?

наши бредни
злые мредни
крепче пыни
мельче дыни
ярче камня
длиннее собаки

нельзя ли подруги поцеловать ваши ноги?

наши ноги не целуют
ноги тайные места
нас ласкают и целуют
только в плечи и в уста

поцелуйте если хотите ручку

он смеётся шепчет: гага
ручку ласково берёт
и притопнув как бумага
скачет весело вперёд.

<21–22 августа 1930>

Месть

I

Писатели :

Мы руки сложили,
закрыли глаза,
мы воздух глотаем,
над нами — гроза,
и птица орел,
и животное лев,
и волны морел.
Мы стоим обомлев.

Апостолы :

Воистину Бе —
начало богов,
но мне и тебе
не уйти от оков,
Скажите, писатели:
эФ или Ка?

Писатели :

Небесная мудрость
от нас далека.

Апостолы :

Ласки век,
маски рек,
баски бег,
человек.

Это ров,
это мров,
это кров
наших пастбищ и коров.

Это лынь,
это млынь,
это клынь,
это полынь.

Писатели :

Посмотрите, посмотрите —
поле свежее лежит.
Посмотрите, посмотрите —
дева по полю бежит.

Посмотрите, посмотрите —
дева, ангел и змея!

Апостолы :

Огонь,
воздух,
вода,
земля.

Фауст :

А вот и я.

Писатели :

Мы не медля, отступаем,
отступаем. Наши дамы
отступают. И мы сами отступаем,
Но не ведаем, куда мы.

Фауст :

Мне свыше власть дана:
я сил небесных витязь.
А вы, писатели, <np>.>
растворитесь!

Писатели :

Мы боимся, мы трясемся,
мы трясемся, мы несемся.
мы несемся и трясемся,
но вдруг ошибемся?

Фауст :

Я, поглядев на вас, нахмурил брови,
и вы почуяли мое кипенье крови.
Смотрите, сукины писатели,
не пришлось бы вам плясать ли
к раскаленной плите!

Писатели :

Мы те-те-те-те-те-те,
те-теперь мы поняли.
Почему вы так свирепы,
не от нашей вони ли?

Фауст :

Что-с?
Да как вы смеете меня за нюхателя считать?!
Идите вон! Умрите!
А я останусь тут мечтать
один о Маргарите.

Писатели :

Мы уходим, мы ухидем,
мы ухудим, мы ухедим,
мы укыдем, мы укадем,
но тебе, бородатый колдун, здорово нагадим!

Фауст :

Я в речку кидаюсь,
но речка — шнурок,
за сердце хватаюсь,
а в сердце творог,
я в лампу смотрюсь,
но в лампе гордон,
я ветра боюсь,
но ветер — картон.
Но ты, Маргарита,
ни-ни и не-не,
как сон, Маргарита,
приходишь ко мне.
Усы молодые
колечками вьются,
и косы златые
потоками льются.
Глаза открывают
небесные тени
и взглядом карают
и жгут π^2,
Стою, к Маргарите
склоняя мисон,
но ты, Маргарита, —
и призрак, и сон.

Маргарита :

В легком воздуха течение
столик беленький летит,
ангел, пробуя печенье,
в нашу комнату глядит.
Милый Фридрих, Фридрих милый,
спрячь меня в железный шкаф,
чтобы черт железной вилой
не пронзил меня куда б,
встань, послушный, встань, любезный,
двери камнем заложу,

чтобы черт водой железной
не поймал мои ножи.
Для тебя, покинув горы,
я пришла в одном платке,
но часы круглы и скры,
быстры дни на потолке.
Мы умрем. Потухнут перья,
вспыхнут звезды там и тут,
и серьезные деревья
над могилой возрастут.

II

Фауст :

Что слышу я?
Как будто бы фитиль трещит,
как будто мышь скребет,
как будто таракан глотает гвоздь,
как будто мой сосед,
жилец, судьбою одинокий,
рукой полночной шарит спичку
и ногтем, сволочь, задевает
стаканы, полные воды,
потом вздыхает и зевает,
и гладит кончик бороды.
Иль это, облаками окруженная,
сова, сном сладким пораженная,
трясти крылами начала?
Иль это в комнате пчела,
иль это конь за дверью ржет:
коня в затылок овод жжет?
Иль это я, в кафтане чистом,
дышу от старости со свистом?

Маргарита :

Над высокими домами,
между звезд и между трав,
ходят ангелы над нами,
морды сонные задрал.
Выше, стройны и велики,
воскресая из воды,
лишь архангелы, владыки,
салят божии сады.
Там у божьего причала
(их понять не в силах мы)
бродят светлые Начала,
бестелесны и немые.

Апостолы :

Выше спут Господин Власти.
Выше спут Господин Силы.
Выше спут одни Господства,
мы лицо сокроем, князь
<hrзб.>
Радуйтесь, православные
языка люди.
Хеппи дадим дуб Власти,
хеппи камень подарим Силе,
хеппи Господству поднесем время
и ласковое дерево родным твоим.

III

Бог :

Куф, куф, куф.
Престол гелинеф,
Херуф небо и земля.
Сераф славы твоя.

Фауст :

Я стою
вдали, вблизи.
Лоб в огне,
живот в грязи.
Летом — жир,
зимою — хлод,
в полдень чирки.
Кур. Кир. Кар.
Льется время,
спит Арон,
стонут братья
с трех сторон.
Летом — жир,
Зимою — хлод,
в полдень чирки.
Кур. Кир. Кар.
Вон любовь
бежит груба.
Ходит бровь,
дрожит губа.
Летом — жир,
Зимою — хлод,
в полдень чирки.
Кур. Кир. Кар.
Я пропал
среди наук.
Я комар,

а ты паук.
Летом — жир,
Зимою — хлод,
в полдень чирки.
Кур. Кир. Кар.
Дайте ж нам
голов кору,
ноги суньте нам в нору.
Летом — жир,
Зимою — хлод,
в полдень чирки.
Кур. Кир. Кар.
Маргаритов
слышим бег
стройных гор
и гибких рек.

IV

Апостолы :

Мы подъемлем бронь веков.
Ландыш битвы. Рать быков.

Писатели :

Небо темное стоит.
Птицы ласточкой летят.
Колокольчики звенят.

Фауст :

Вспомним, старцы, Маргариту,
Пруд волос моих, ручей.
Ах, увижу ль Маргариту
Кто поймет меня?

Апостолы :

Свечей
много в этом предложенье.
Сабель много, но зато
нет ни страха, ни движенья.
Дай тарелку.

Фауст :

Готово. Олег трубит. Собаки
Хвосты по ветру несут.
Львы шевелятся во мраке.
Где кувшин — вина сосуд?

Писатели :

В этом маленьком сосуде
есть и проза, и стихи,
но никто нас не осудит:
мы и скромны, и тихи.

Фауст :

Я прочитал стихи. Прелестно.

Писатели :

Благодарим.
Нам очень лестно.

Фауст :

Стихи прекрасны и певучи.

Писатели :

Ах, бросьте.
Это слов бессмысленные кучи.

Фауст :

Ну правда,
есть в них и вода,
но смыслов бродят сонные стада.
Любовь торжественно воспета.
Вот, например, стихи:
«В любви, друзья, куда ни глянь,
всюду дын и всюду дрян».
Слова сложились, как дрова.
В них смыслы ходят, как огонь.
Посмотрим дальше. Вот строфа:

«К дому дом прибежал,
громко говоря:
Чей-то труп в крови лежал
возле фонаря,
а в груди его кинжал
вспыхнул, как слюда.
Я подумал: это труп, —
и, бросая дым из труб,
я пришел сюда».
Это смыслов конь.

Писатели :

Мы писали, сочиняли,
рифмовали, кормовали,
пермадули, гармадели,
фонари, погигири,
магафори и трясли.

Фауст :

Руа рео
кио лау
кони фиу
пеу боу.
Мыс. Мыс. Мыс. —
Вам это лучше известно.

24 августа 1930

«лоб изменялся...»

Лоб изменялся
рог извивался
лоб кверху рос и лес был нос
и рог стал гнуться
рог стал гнуться
стал гнуться
а лоб стал шире и кофа был гриб
а рог склонялся
из прямого стал кривым
чем выше и шире лоб
тем кривее рог
и что бы это значило
что рог стал кружочком
а лоб стал мешочком
Ау! Ау! лоб очень высокий
и рог сосал его жевительные соки.

22 октября 1930

«Где ж? Где ж? Где ж? Где ж?...»

Где ж? Где ж? Где ж? Где ж?
Полубог и полуплешь
Ой люди не могу!
Полубог и полуплешь!

Ты-с Ты-с Ты-с Ты-с
хоть и жид, а всё же лыс
Ой люди не могу
хоть и жид, а всё же лыс

Их! Их! Их! Их!
тоже выдумал жених!
Ой люди не могу
тоже выдумал жених!

Ты б Ты б Ты б Ты б
лучше б ездил на балы б
Ой люди не могу
лучше б ездил на балы б

Там-с Там-с Там-с Там-с
Забавлял бы плешью дам-с
Ой люди не могу
Забавлял бы плешью дам-с.

Мы ж Мы ж Мы ж Мы ж
все же знаем что ты рыж
Ой люди не могу
все же знаем что ты рыж

Мне ж Мне ж Мне ж Мне ж
Надоела полуплешь
Ой люди не могу
Надоела полуплешь.

9 ноября 1930

Радость

Мыс Афилай :

Не скажу, что
и в чём отличие пустого разговора
от разговора о вещах текучих
и, даже лучше, о вещах такого рода,
в которых можно усмотреть
причину жизни, времени и сна.
Сон — это птица с рукавами.
А время — суп, высокий, длинный и широкий.
А жизнь — это времени нога.
Но не скажу, что можно говорить об этом,
и в чём отличие пустого разговора
от разговора о причине
сна, времени и жизни.
Да, время — это суп кручины,
а жизнь — дерево лучины,
а сон — пустыня и ничто.
Молчите.
В разговоре хоть о чём-нибудь
всегда присутствует желанье
сказать хотя бы что-нибудь.
И вот, в корыто спрятав ноги,

воды мутные болтай.
Мы, весёлые, как боги,
едем к тёте на Алтай.

Тётя :

Здравствуй, здравствуй,
путьша пегий,
уж не ты ли, путник, тут
хочешь буквам абевеги
из чернил приделать кнут?
Я — старуха, ты — плечо,
я — прореха, ты — свеча.
То-то будет горячо,
коли в ухо мореча!

Мыс Афилай :

Не вдавайтесь,
а вдавайтесь,
не пугайтесь,
а пугайтесь.
Всё настигнет естегу:
есть и гуки, и снега.

Тётя :

Ну ползи за воротник.
Ты родник и ты крутник.

Мыс Афилай :

А ты, тётя, не хиле,
ты микука на хиле.

Тётя :

Врозь и прямо и вседнев,
мокла радости видней.
Хоть и в Библи был потоп,
но не тупле, а котоп.

Мыс Афилай :

Хваду глэвла говори.
Кто, — сказали, — главари?
Медень в оципе гадай
или <нрзб.>

Тётя :

Я — старуха без очков,

не видать мне пятачков, —
вижу в морде бурачок, —
Ну так значит — пятачок!

Мыс Афилай :

Ты, старуха, не виляй,
коку-маку не верти,
покажу тебе — гуляй! —
будешь киснуть взаперти.
Где контыль? и где монтыль?
Где двудлинная мерла?

Тётя (*трясась*):

Ой-де, люди, не бундыль,
я со страху померла.

Мыс Афилай (*доставая карандаш*):

Прочь, прочь, прочь!
Отойди,
тётя, радости река,
наземь вилы поклади!
Пожалейте моряка.

Тётя :

Ты не ври и не скуври,
вижу в жиле шушность я,
ты мой дух не оскверни,
потому что скушность я.

Мыс Афилай :

Потому что скушность я.

Тётя :

Е, еда мне ни к чему:
ешь, и ешь, и ешь, и ешь.
Ты подумай, почему
всё земное — плешь и грешь?

Мыс Афилай (*подхватывая*):

Это верно, плешь и грешь!
Когда спишь, тогда не ешь,
когда ешь, тогда не спишь,
когда ходишь, то гремишь,
а гремишь, — так и бежишь.
Но варенье — не еда,

сунешь ложку в рот, глядишь —
надо сахару.
Беда!

Тётя :

Ты, гордыни печенег,
полон ласки, полон нег,
приласкай меня за грудь,
только сядем где-нибудь.

Мыс Афилай :

Дай мне руку и цветок,
дай мне зубки и свисток,
дай мне ножку и графин,
дай мне брошку и парафин.

Тётя :

Ляг и спи, и види сон,
будто в поле ходит слон,
нет! не слон, а доктор Буль,
он несёт на палке нуль,
только это уж не по-,
уж не поле и не ле-,
уж не лес и не балко-,
не балкон и не чепе-,
не чепец и не свинья, —
только ты да только я.

Мыс Афилай :

Ах, как я рад и как счастлив,
тётя, радости река,
тётя, слива между слив,
пожалейте моряка.

Тётя :

Ну, влепи мне поцелуйчик
прямо в соску и в ноздрю,
мой бубенчик, херувимчик,
на коленки посади,
сбоку шарь меня глазами,
а руками позади.

Мыс Афилай :

Это, тётя — хм! — чудная
осенила тебя мысль.
Что ты смотришь, как Даная,

мне в глаза, ища блаженство,
что твердишь ты мне: «одна я
для тебя пришла с вершины
Сан-Бернара... — тьпфу! — Алтая,
принесла тебя аршином...»

Тётя :

Ну аршины, так аршины,
ну с вершины, так с вершины.
Дело в том, что я нагая.
Любит кто тебя другая?

Мыс Афилай :

Да, другая, и получше,
и получше, и почище,
посвежей и помоложе!

Тётя :

Боже! Боже! Боже! Боже!

Мыс Афилай (*переменив носки*):

Ты сама пойми, — я молод,
молод, свеж, тебе не пара,
я ударю, будто молот,
я дышу — и много пара.

Тётя :

Я одна дышу, как рота,
но в груди моей мокрота,
я ударю, как машина,
куб навывлет в пол-аршина.

Мыс Афилай :

Верно, вижу, ты упряма,
тётя, радости река,
тётя, мира панорама,
пожалейте моряка.

Тётя :

Погляди — ведь я, рыдая,
на коленях пред тобой,
я как прежде, молодая,
с лирой в пальцах и с трубой.

Мыс Афилай (*прыгая от радости*):

То-то радости поток!
Я премудрости моток!

11 ноября 1930

«Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев...»

Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев³
однажды гуляли в дремучем лесу.
Фадеев в цилиндре, Калдеев в перчатках,
а Пепермалдеев с ключом на носу.
Над ними по воздуху сокол катался
в скрипучей тележке с высокой дугой.
Фадеев смеялся, Калдеев чесался,
а Пепермалдеев лягался ногой.
Но вдруг неожиданно воздух надулся
и вылетел в небо горяч и горюч.
Фадеев подпрыгнул, Калдеев согнулся,
а Пепермалдеев схватился за ключ.
Но стоит ли трусить, подумайте сами, —
давай мудрецы танцевать на траве.
Фадеев с картонкой, Калдеев с часами,
а Пепермалдеев с кнутом в рукаве.
И долго, веселые игры затеяв,
пока не проснутся в лесу петухи,
Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев
смеялись: ха-ха, хо-хо-хо, хи-хи-хи!

18 ноября 1930

«четыре дня над Римом летал пророк»

Аларих :

четыре дня над римом летал пророк
и двести тысяч кельтов через альпы
вёл под уздечку Радагес
я видел гибель Стилихона
он в бездну, друг, скакал на стуле
за ним Евхерий в бездну падал
неся в руках железный крест
я под сосной лежал во мху
в лесу шакал кричал ху ху
мне снился рим в кругу зелёных опахал
сам император на коне в бобровой шляпе хохотал
и я во сне подумал «проще
его убить, какой нахал»

³ В другом варианте: «Халдеев, Налдеев и Пепермалдеев...»

и я проснулся в тёмной роще
и как безумный хохотал...

«всякую мысль оставь...»

Всякую мысль оставь
всякое дело забудь
мир от тебя отвернётся
мы же на помощь придём.

<Ноябрь 1930>

«Ревекка, Валентина и Тамара...»

«Ревекка, Валентина и Тамара
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Прекрасны и ленивы
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Тодстушка, Коротышка и Худышка
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем!

Ах если б обнялись они, то было б
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Но если б и не обнялись бы они то даже так
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем.»

<ноябрь 1930>

«был он тощ высок и строен...»

Был он тощ высок и строен
взглядом женщин привлекал
ел по-барски и порой он
изумительно икал.

ну она была попроще
тоже стройна и тонка
духом немка, с виду мощи
ростом вверх до потолка.

раз в писательской столовой
две склонились головы
подовившись лбом коровы
оба умерли увы.

но забыть они могли ли
друг про друга? Это вра —
ки! Покойники в могиле
оба встретились Ура

Тут она сказала: Боже
как покойник пропищав
и в могиле ты всё тоже
также гнусен и прыщав

он ответил зеленея:
дух свободен от прыщей
ты же стала лишь длиннее
и глупея и тощей.

Но она сказала: Знаешь
будь рябым и будь немым
будь бесплотным понимаешь
ты мне душка м м м

О! — вскричал он. — Ты мне душка!
Что за чудный оборот!
Ты царица! ты индюшка
«Аромат» наоборот!

* * *

И всю ночь соседний прах
лежа пристально в гробу
слышал будто бы в руках
терли пшеничную крупу.

<Ноябрь 1930>

«Неужели это фон...»

Неужели это фон
Пантелей сказал угрюмо
неужели это пон

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

Пантелей вскричал урча
не губите этот ландыш
я племянник сюргуча

я висел прибит к волам
те паслись на Москворечьи
вдруг жестянка пополам

О промолвил Каблуков
сунув лампу под кровать
я конечно не таков

Густо кругло полно врать
всё похоже на ковыль
прокричала громко мать.

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы.

Тут вошла его жена
с петухом на подбородке
в сапоги наряжена

Каблуков сказал ги ги
ты не думай о платенцах
ты себя побереги

за окошком хлопал ветер парусин
в это время из комода
вышел заяц керосин

Пантелей сказал пупу
под ногами Пантелея
все увидели крупу

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

мать воскликнула ва ва
вместо рук её болтались
голубые рукава.

А жена сказала хом
все увидели внезапно
подбородок с петухом.

Ноябрь <1930>

«Где мой чепец?..»

Кулундов :

Где мой чепец? Где мой чепец?

Родимов :

Надменный конь сидел в часах.

Кулундов :

Куда затылком я воткнусь?

Родимов :

За ночью день, за днём сестра.

Кулундов :

Вчера чепец лежал на полке,
сегодня он лежал в шкапу.

Родимов :

Однажды царь, он в треуголке,
гулял по Невскому в плаще.

Кулундов :

Но где чепец?

Родимов :

И царь смеялся,
когда машинку видел он,
в кулак торжественный смеялся,
царицу зонтиком толкал.

Кулундов :

Чепец в коробке!

Родимов :

Царь хранил
своё величье вековое.
«Сафо» двумя пальцами курил,
пуская дым.

Кулундов :

А? Что такое?
Скажите, где мой шарф?

Родимов :

Скакал извозчик.
Скакал по правой стороне.
Кричал царю: сойди с дороги,
не то моментом задавлю!
Смеялся царь, склонясь к царице.

Кулундов :

Простуда в горло попадет,
поставлю вечером горчичник.

Родимов :

И крикнул царь: какой болван!
На мне тужурка из латуни,
а на царице календарь.
Меня так просто не раздавишь,
царицу санками не сдвинешь,
и в доказательство мы ляжем
с царицей прямо под трамвай.

Кулундов :

Потом советую, сам-друг Кулундов,
одень шерстяную рубашку.
На двор, Кулундов, не ходи,
но поцелуй свою мамашку.

Мамаша :

Нет, нет, избавь меня, Кулундов.

Родимов :

И вот, вздымая руки к небу,
царь и царица на рельсы легли,
и взглядом, и пушкой покорны Канебу,
большие солдаты царя стерегли.
Толпа на Невском замерла,
неслась милиция скачками,
но птица — в воздухе стрела —
глядела чудными зрачками.
Царь встал.
Царица встала.
Все вздохнули.
Царь молвил: накось выкуси!
Царица крикнула: мы победили!
Канеб сказал: мы льнем к Руси.
Вдали солдаты уходили.

Но вдруг извозчик взял и ударил
кнутом царя и царицу по лицу.
Царь выхватил саблю
и с криком: смерть подлецу!
пустился бегом по Садовой.
Царица рыдала. Шумела Нева.
Народ волновался, на битву готовый.

Кулундов :

Ну, прощайте, мамочка,
я пошел на Карповку.

Мамаша :

Два поклона дедушке.

Кулундов :

Хорошо, спасибочки.

Родимов (один):

Да, министр Пуришкевич
был однажды на балу,
громко музыка рычала,
врали ноги на полу.
Дама с голыми плечами
извивалась колбасой.
Генерал для развлечения
шлёпал пятками босой.
Царь смеялся над царицей,
заставлял её в окно
для потехи прыгнуть птицей
или камнем всё равно.
Но царица для потехи
в руки скипетр брала
и колола им орехи
при помощи двухголового орла.

Голова на двух ногах (входя):

Родимов, ты заврался.
Я сам бывал на вечеринках,
едал индеек в ананасах,
видал полковника в лампадах.
Я страсть люблю швырять валета,
когда летит навстречу туз,
когда сияет эполета
и над бокалом вьется ус.
Когда, смугла и черноброва,
к тебе склоняется княжна,

на целый мир глядя сурово,
с тобой, как с мальчиком, нежна.
Люблю, когда, зарю почуя,
хозяин лампу тушит вдруг,
и гости сонные, тоскуя,
сидят, безмолвные, вокруг.
Когда на улице, светая,
летают воздушы одни,
когда проходит ночь пустая
и гаснут мёртвые огни.
Люблю, Родимов! Нет спасенья!
В спасенье глупые слова!
Вся жизнь только воскресенье!

Родимов :

Молчи, пустая голова!

Аларих, готский король :

Видел я, в долинах Рога
мчался грозный Ахерон.
Он глядел умно и строго,
точно ехал с похорон.
То долина, то гора
пролетали над водой,
то карина, то мара,
сбоку хвостик золотой.
Бог глядел в земную ось,
все, как суп, во мне тряслось,
вся шаталась без гвоздей
геометрия костей.
Тут открылся коридор,
взвился дубом нашатырь,
мне в лицо глядел хондор,
тучи строгой поводырь.
Эй, душа, колпак стихов,
разом книги расплodi,
сто простят тебе грехов,
только в точку попади.
Ну, Родимов, дай ладонь!

Родимов :

На ладони скачет конь.

Аларих :

Ты, Родимов, попадья,
я как раз тебе судья.

Кулундов (вбегая):

Где мой кушак? Где мой кушак?

Родимов :

Однажды царь лежал в гробу.

Аларих :

Я слышу шёпот, стук и шаг.

Мамаша :

Господь, храни меня, рабу.

Родимов :

Свеча трещала над царем.

Кулундов :

Кушак на мне! Кушак на мне!

Родимов :

Единый Бог сидел втроем.
Царица плакала в окне.
Царь говорил: мои дворцы
стоят пусты, но я вернусь.

Аларих :

Но мне не страшны мертвецы.

Мамаша :

А я покойников боюсь.

Голова на двух ногах :

Спи Кулундов, ночью спи
спи планета под домами
вижу я большое пи
встало облако над нами
дремлют бабочки бобров
спят овечки под шатром
сна сундук и мысли ров
открываются с трудом
но едва светлеет мрак
вижу я стихов колпак
вижу лампы и пучины
из морской большой пучины

поднимают в мир причины
свои зонтики всегда
спи Кулундов спи Родимов
спи Аларих навсегда.

Мамаша :

Однажды царь лежал в болоте...

всё
13 декабря 1930

Он и Мельница

Он :

Простите, где дорога в Клонки?

Мельница :

Не знаю.
шум воды отбил мне память.

Он :

Я вижу путь железной конки.
Где остановка?

Мельница :

Под липой.
там даже мой отец сломал себе ногу.

Он :

Вот ловко!

Мельница :

Ей-богу!

Он :

А ныне ваш отец здоров?

Мельница :

О да, он учит азбуке коров.

Он :

Зачем же тварь

учить значкам?
Кто твари мудрости заря?

Мельница :

Букварь.

Он :

Зря, зря.

Мельница :

Поднесите к очкам
мотылька.
Вы близоруки?

Он :

Очень.
вижу среди тысячи предметов...

Мельница :

Извините, среди сколькá?

Он :

Среди тысячи предметов
только очень крупные штуки.

Мельница :

В мотыльке
и даже в мухе
есть различные коробочки,
расположенные в ухе.
На затылке — пробочки.
Поглядите.

Он :

Погодите.
Запотели зрачки.

Мельница :

А что это торчит из ваших сапог?

Он :

Стручки.

Мельница :

Трите глаза слева направо.

Он :

Фу ты! Треснула оправа!

Мельница :

Я замечу вам: глаз не для
развлечений разных дан.

Он :

Разрешите вас в бедро поцеловать не медля.

Мельница :

Ах, отстаньте, хулиган!

Он :

Вы жестоки. Что мне делать?
Я ослеп. дорогу в Клонки не найду.

Мельница :

И конки
здесь не ходят, на беду.

Он :

вы обманщица.
вы недотрога.
и впредь моя нога
не преступит вашего порога.

всё

26-28 декабря 1930

Виталист и Иван Стручков

живёт и дышет всякий лист, —
сказал однажды виталист.
И глупо превращать вселенную в мешки,
Куда летит поток молекулярных точек,
не ведает рожденный есть,
где туча беленький платочек
задумала с подругой сесть

никто не знает. Всюду воля
отличная от нас. Но лишь
огонь приносит неба весть
Иван Стручков сказал: шалишь
мы всё перещупали, всё разложили
и вся вселенная на шиле
нашего разума острого.
и даже камень с острова
необитаемых просторов
живуч как боров.
и виталист был посрамлён.
Дурак, захлопни медальон!

28 декабря 1930

«довольно в берлоге...»

Довольно в берлоге
ворочился бобр
голодные боги
планету вертели
как рыба дышали
как пчёлы летели
как смыслы бежали
тряслись как рогожи
блондины гвардейцы
скакали о боже!
стрелки как индейцы
но в нашем картоне
не дремлют капланы
и к небу ладони
бросают уланы

декабрь 1930

«боги наги...»

боги наги
боги маги.

Если берег начинает
волю камнями швырять
в бомбе злоба закипает

боги наги
боги маги

Вон хитрец идет на кла...
о хитрец и копуцы...
Злая тень ему легла

вдоль щеки.

в его руке
виден штопор
о хитрец!

боги наги
боги маги

Если крышу сдёрнет вдруг
не смотри тогда наверх
чтобы пыль и штукатурка
не засыпали твой глаз

боги наги
боги маги

Лампа Саша ты карзина
не способная светить
тёмной ванне ты кузина

боги наги
боги маги

<1930>

«Задумали три архитектора...»

Задумали три архитектора
Построить весёлый храм.
Собрали четыре архитектора
Деревяшек и всякий хлам.
И плотники воду носили ведёрками,
Вокруг архитектора шлялись пятёрками.

<1930>

«Человек устроен из трёх частей...»

Человек устроен из трех частей,
из трех частей,
из трех частей.
Хэу-ля-ля,
дрюм-дрюм-ту-ту!
Из трех частей человек!

Борода и глаз, и пятнадцать рук,
и пятнадцать рук,
и пятнадцать рук.
Хэу-ля-ля,

дрюм-дрюм-ту-ту!
Пятнадцать рук и ребро.

А, впрочем, не рук пятнадцать штук,
пятнадцать штук,
пятнадцать штук.
Хэу-ля-ля,
дрюм-дрюм-ту-ту!
Пятнадцать штук, да не рук.

1931

«тогда солдатик маленький...»

Тогда солдатик маленький
вздыхает горячо
он с ног снимает валенки
кладет их на плечо...

<1930>

«видишь основание дома, на гальках покоится с миром...»

Видишь основание дома, на гальках покоится с миром
и мягкий песочек основанию ложе.
Эта дверь с певучей пружиной вход,
а та с замком и латунной ручкой —
выход.

<1930>

«для вас для вас...»

Для вас для вас
я был на юге
где турки ходят завернувшись в ватные халаты.
где лошади, оскалив жёлтые зубы,
кусают яблоко и нахально смотрят на караульного.

<1930>

Скавка

Восемь человек сидят на лавке
вот и конец моей скавке.

1930

«Я был у Шварца...»

Я был у Шварца
слышал его стихи
он их читал стесняясь и краснея
о эти штучки, их видел во сне я
и не считал за полную удачу.

<1930>

«Взяли фризую шинель...»

Взяли фризую шинель
пристрочили кант
положили на панель
вот и вышел музыкант.

<1930>

Третья цисфинитная логика бесконечного небытия

Вот и Вут час.
Вот час всегда только был, а теперь только полчаса.
Нет, полчаса всегда только было, а теперь только четверть
часа.
Нет, четверть часа всегда только было, а теперь только
восьмушка часа.
Нет, все части часа всегда только были, а теперь их нет.
Вот час.
Вут час.
Вот час всегда только был.
Вот час всегда теперь быть.
Вот и Вут час.

1930

Звонить-лететь (третья цисфинитная логика)

I

Вот и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.
Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел.
Конь полетел.

Баня полетела.
Шар полетел.
Вот и камень полететь.
Вот и пень полететь.
Вот и миг полететь.
Вот и круг полететь.
Дом летит.
Мать летит.
Сад летит.
Часы летать.
Рука летать.
Орлы летать.
Копьё летать.
И конь летать.
И дом летать.
И точка летать.
Лоб летит.
Грудь летит.
Живот летит.
Ой, держите — ухо летит!
Ой, глядите — нос летит!
Ой, монахи, рот летит!

II

Дом звенит.
Вода звенит.
Камень около звенит.
Книга около звенит.
Мать, и сын, и сад звенит.
А. звенит
Б. звенит
ТО летит и ТО звенит.
Лоб звенит и летит.
Грудь звенит и летит.
Эй, монахи, рот звенит!
Эй, монахи, лоб летит!
Что лететь, но не звонить?
Звон летает и звенеть.
ТАМ летает и звонит.
Эй, монахи! Мы летать!
Эй, монахи! Мы лететь!
Мы лететь и ТАМ летать.
Эй, монахи! Мы звонить!
Мы звонить и ТАМ звенеть.

1930

«мы письма пишем в ночь друг другу...»

Мы письма пишем в ночь друг другу
закинув плечи как солдат.
моё летит как ветер в Лугу,
твоё несётся в Ленинград
и лишь только путник в поле
наших писем видит бег
он стоять не в силах боле
тихо падает на брег.

<1930>

«Пришла весна...»

Пришла весна.
вздулись камни.
веселее стали нам дни.
пришла весна
тепло и камни
веселее стали нам дни.
Тут весна!
Кричали камни
и теплее стали нам дни
зачем весна
ложиться в камни
отдавайте только нам дни
Где весна?
Смотри на камни.
камням ночь отдай, а нам дни.
уйди весна под камни
на земле оставь лишь нам дни.

1930

«Я глядела на контору...»

Лампа Саша :

Я глядела на контору
кофту муфту и печать
я светила Никанору
ночи стройные читать
слышу в поле Милирея
зубом щелкает кабан
вижу корень сельдерея
ловит муху в барабан
люди люди бросьте мыло
встаньте в комнате как боги
все что будет все что было
все разбудит на пороге.

Никанор :

Понял понял в эту пору
наши гоги наши муки
все подвластны коленкору
но страдали только руки
роту круглую корыты
реки голых деревень
ямы страшные нарыты
в ямах пламя и ремень
Кто поверит в лампу Сашу?
где страница наших ног?
мы сидим и просим кашу
лампу, муху и курок.

Лампа Саша :

Вы светили ваш покой
свет убог и никакой
я светила бегал свет
вы светили света нет
вы сидели на гвозде
на конторе и везде
я сидела бегал свет
вы сидели света нет
вы глядели в камертон
в кофту муфту и в картон
я глядела бегал свет
вы глядели света нет
вы лежали в сундуке
в сапогах и в сюртуке
я лежала бегал свет
вы лежали света нет
вы висели над столом
с топором и помелом
я висела бегал свет
вы висели света нет.

Никанор :

Понял понял в эту пору
понял домом и дугой
все подвластно коленкору
<мы пощупаем рукой>

<1930>

Турка — Турка

1.

Утром рано на заре
ехал турка на горе

летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

2.

Вот и феска и халат
турка любит шеколад
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

3.

Турка скачет в облака
дайте турке молока
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

4.

Турка скачет над рекой
милый турка дорогой
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

5.

Сверху звезды снизу мост
турка скачет во весь рост
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

6.

Здравствуй небо! Здравствуй ночь!
крикнул турка во всю мочь
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

<1930>

«Папа спит...»

Папа спит
и Лиза тоже
Иля дремлет во всю мочь
Я в окно взглянул. О Боже!
Там уж утро, а не ночь.

мне осталось только плюнуть
и раздеться и в кровать
спать и спать и спать и думать
только б десять не проспять

Кто ж энергией томимый
встанет раньше. Помогите
чтобы в десять с половиной
мне обуться в сапоги.

и заботами снедаем
вспомни будучи в штанах
сам быть может за трамваем
будешь гнаться впопыхах

А быть может не догнав
перепрыгнув сто канав
за другим каким трамваем
ты помчишься впопыхах.

<1930>

«Я вам хочу рассказать...»

Я вам хочу рассказать одно происшествие, случившееся с рыбой или даже вернее не с рыбой, а с человеком Патрулёвым, или даже ещё вернее с дочерью Патрулёва.

Начну с самого рождения. Кстати о рождении: у нас родились на полу...

Или хотя это мы потом расскажем.

Говорю прямо:

Дочь Патрулёва родилась в субботу. Обозначим эту дочь латинской буквой М.

Обозначив эту дочь латинской буквой М, заметим, что:

1. Две руки, две ноги, посередке сапоги.
2. Уши обладают тем же, чем и глаза.
3. Бегать — глагол из под ног.
4. Щупать — глагол из под рук.
5. Усы могут быть только у сына.
6. Затылком нельзя рассмотреть, что висит на стене.
17. Обратите внимание, что после шестёрки идёт семнадцать.

Для того, чтобы раскрасить картинку, запомним эти семнадцать постулатов.

Теперь обопрёмся рукой о пятый постулат и посмотрим, что из этого получилось.

Если бы мы упёрлись о пятый постулат тележкой или сахаром или натуральной лентой,

то пришлось бы сказать что: да, и ещё чтонибудь.

Но на самом деле вообразим, а для простоты сразу и забудем то, что мы только что вообразили.

Теперь посмотрим, что получилось.

Вы смотрите сюда, а я буду смотреть сюда, вот и выйдет, что мы оба смотрим туда.

Или, говоря точнее, я смотрю туда, а вы смотрите в другое место.

Теперь уясним себе, что мы видим. Для этого достаточно уяснить себе по отдельности, что вижу я и что видите вы.

Я вижу одну половину дома, а вы видите другую половину города. Назовём это для простоты свадьбой.

Теперь перейдёмте к дочери Патрулёва. Её свадьба состоялась ну, скажем, тогда-то. Если бы свадьба состоялась раньше, то мы сказали бы, что свадьба состоялась раньше срока. Если бы свадьба состоялась позднее, то мы сказали бы «Волна», потому что свадьба состоялась позднее.

Все семнадцать постулатов или так называемых перьев, налицо. Перейдем к дальнейшему.

Дальнейшее толще предыдущего
Сом керосинки толще.
Толще лука морской винт.
Книга толще тетради
а тетради толще одной тетради
Этот стол он толще книги
Этот свод он толще предыдущего
а предыдущий выше лука
Лук же меньше гребёнки
так же как и шляпа меньше кровати
в которой может поместится
ящик с книгами
но ящик
глубже шляпы
шляпа мягче
нежели морской винт
но пчела острее шара.
Одинаково красиво
то что растёт по эту
и по ту сторону забора

Всё же книга гибче супа
ухо гибче книги

Суп желтее и жирнее чем лучинка
и тяжелее чем ключ.

Утверждение:

У зайца вместо усов руки.
У папы на затылке фазан.
У магазина четыре кнопки.
У розалии одуванчик.
У сабли маканаш.
У газеты восемь знаков.

У меня хвост.
У тебя люлька.
У великанов шляпа.

Соединение:

Дом с клювом.
Дитя с татаринком.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос
ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имени Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел Ершов.

Побег:

Петух бежал из воды.
Жан бежал из бороды.
Гвоздь бежал из парафина.
кнутик прыгал из графина.
меч бежал из таракана.
Опыт ехал из-под стакана.
Астроном бежал из ваты
ключ лежал продолговатый.

Соединение.

Дом с клювом.
Дитя с татаринком.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос.

Ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имени Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел Ершов.

Размышление.

Это не кузница, а ведро.
Это не рис, а линейка.
Это не перчатка, а заведывающий складом.
Это не глаз, а колено.
Это не я пришёл, а ты.
Это не вода, а чай.
Это не гвоздь, а винт.
А винт это не гвоздь.
Мех не свет.
Человек с одной рукой не комната с одним окном.

Туфли это не ногти.
Туфли это не почки.
Точно также и не ноздри.

Выводы.

Дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь
Значит и дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь.
Коли так то и дочь. Патрулёва отца
Значит и дочь Патрулёва отца.
Вот и дочь, а отец Патрулёв
Дочь Патрулёва, отец Патрулёв
Значит отец Патрулёвой дочери Патрулёв
И никто не скажет что он Петухов
Это было бы противоестественно.

<1930>

1931

«и птичка горько плачет...»

И птичка горько плачет
в чернильнице своей
фир фир мур мур
фир фир мур мур
та птичка соловей
и валяются дощечки
из птички на песок
и птичка уж не плачет
летит уже в лесок
горюешь моментально
ты птичка соловей —
такой бы быть хотелось и девочке моей.

1 января 1931

Ohne Мельница

Сломались руки
упала ножка
вздохнули духи
блестела ложка
опять Андроний
стоял понурый
немного синий
немного бурый
под ним земля
звала свистела

собак души
сломалось тело
и в землю крак
легло вздыхая.
Андроний шел
ногой махая

<январь 1931>

Андор

Мяч летел с тремя крестами
быстро люди все местами
поменялись и галдя
устремились дабы мяч
под калитку не проник
устремились напрямик
эка вылезла пружина
из собачьей конуры
вышиною в пол-аршина
и залаяла кры-кры
одну минуту все стояли
тикал в роще метроном
потом все снова поскакали
важно нюхая долото
пришивая отлетевшие пуговицы
но это было всё не то
дула смелая железка
импопутный корешок
и от шума и от плеска
солнце сжалось на вершок
когда сам сын, вернее мяч
летел красивый импопутный
подпрыгнет около румяч
руками плещет у ворот
воздушный голубец
потом совсем наоборот
ложится во дворец
и медленно стонет
шатая словарь
и думы палкой гонит:
прочь прочь бродяги
ступайте в гости к Анне Коряге.
И думы шатая живого леща
топчет ногами калоши ища
волшебная ночь наступает
волшебная ночь наступает

волшебная кошка съедает сметану
волшебный старик долго кашляя дремлет
волшебный стоит под воротами дворник

волшебная шишка рисует картину:
волшебную ложадь с волшебной уздечкой
волшебная причка глотает свистульку
и сев на цветочек волшебю свистит
ах девочки куколки где ваши ленточки
у няни в переднике острые щепочки
ах девочки дурочки
полно тужить
холодные снегурочки
будут землю сторожить.

13-14 января 1930

«порою мил порою груб...»

Порою мил порою груб
неся топор шёл древоруб
чуть чуть светлее становилось
стая чашек проносилась
древоруба плакал дух
полон хлеба полон мух
и полон нечеловеческой тоски
от великого мученья
рвался череп на куски
в глазах застревала гребёнка
и древоруб заглядывал туда как это положено
когда походкой жеребёнка
шла нина муфтой загорожена
ведя под ручку велосипед
шла нина к тане на обед
предчувствуя жаркого землю
была зима до этих пор
шёл древоруб и нёс топор
поглядывая в разные стороны
на крыше сидели вороны
и лисицы
и многие другие птицы

<январь 1931>

«милый чайник проглотив...»

Милый чайник проглотив
тем хотел меня привлечь
милый выпий сикатив
отвечала я в ту речь

<январь 1931>

«А ну ка покажи мне руку...»

Он :

А ну-ка покажи мне руку.
Где ты свой палец поцарапала?
Советую помазать иодом.

Она :

Ну вот ещё, нашел что предложить,
как будто я сама не знаю.
мне приходилось головы кружить
неопытным печенегам,
я им приказывала головы сложить
к моим ногам пушистым снегом.
Кто, быстро повинуюсь
меня линейную любил,
кто, пышно волнуясь
злобу копил.

Он :

Наука, мудрости княгиня,
книгу радости захлопни,
а ну-ка, мудрости богиня,
покажи кулак науки глупцу.
Школьник делает успехи,
на скамье долбя науки.
Эти знаки, эти вехи
позабудут наши внуки.
Они лысыми камнями
будут в дырочки глядеть,
они стройными конями
будут мимо молодеть,
они чибу, чибу нами
будут новые цвести,
они вольными табунами
будут землю круглую трясти.

Она :

Знаю, это старинная песня.
Тут кое-где разбросаны горы
разного хлама.
Но нет точки опоры.

Он :

Зато тут мама
нашего потомства и чибирей.

Она :

Оставь, ты мне показываешь сахар,
а где же сладкий плод?

Он :

Скорей сколотим быстрый плот
и поплывем по вьющейся реке.
Мы вмиг пристанем к ангельским воротам.

Она :

Где?

Он :

Там за поворотом.

11 марта <1931>

Окно

Школьница :

Смотрю в окно
и вижу птиц полки.

Учитель :

Смотри в ступку на дно
и пестиком зерна толки.

Школьница :

Я не могу толочь эти камушки:
они, учитель, так тверды,
моя же ручка так нежна...

Учитель :

Подумаешь, какая княжна!
Скрытая теплота парообразования
должна быть тобою изучена.

Школьница :

Учитель, я измучена
непрерывной цепью опытов.
Пять суток я толку. И что же:
окоченели мои руки,
засохла грудь,
о Боже, Боже!

Учитель :

Скоро кончатся твои муки.
Твое сознание прояснится.

Школьница :

Ах, как скрипит моя поясница!

Учитель :

Смотри, чтоб ступка все звенела
и зерна щелкали под пестиком.
Я вижу: ты позеленела
и ноги сложила крестиком.
Вот уже одиннадцатый случай
припоминаю. Ну что за притча!
Едва натужится бедняжка —
уже лежит холодный трупик.
Как это мне невыразимо тяжело!
Пока я влез на стул
и поправлял часы,
чтоб гиря не качалась,
она, несчастная, скончалась,
недокончив образования.

Школьница :

Ах, дорогой учитель,
я постигла скрытую теплоту парообразования!

Учитель :

Прости, но теперь я тебя расслышать не могу,
хотя послушал бы охотно!
Ты стала, девочка, бесплотна
и больше ни гугу!

Окно :

Я внезапно растворилось.
Я — дыра в стене домов.
Сквозь меня душа пролилась.
Я — форточка возвышенных умов.

15 марта 1931

«отец и мать родили сына...»

Отец и мать родили сына

и рота тётушек примчалась.
Мать отдыхала на кровати,
а люлька медленно качалась.

Отец :

Вот господа мой сын.
Глядите как он ещё паршив.

Мать :

Отец, отец,
не говори так убедительно.
Ребёнок право же не худ.
Он глаз едва лишь приоткрыл,
но ничего им в комнате не замечает —
глаз не бежит куда ему приказано,
и ухо музыки не ловит,
и стук лишь по костям попадает в череп.
И что же ты, отец гремучий,
долбишь нескончаемую мысль
о гадости своего сына?

Отец :

Его фигура на гвоздь похожа.
Какие немощные взгляды!
Смотри жена, какая рожа —
такую вспомнят и коляды.
И цвет лица подобен воску,
и губы сковородником
непрестанно тянут соску...
Неужели ты довольна этим греховодником?

Мать :

Ой ли, ты-то не доволен,
сам же батенька сияешь.

Отец :

Цыц, молчи паршивка,
чего люльку не качаешь.

16 марта <1931>

Окнов и Козлов

Окнов :

Всегда всегда в глубине политик
наука умеет много гитик.

Козлов :

Неправ ты дорогой товарищ.
Довольно мы с тобой кувыркались
и Федьку за ноги таскали.

Окнов :

Погибнешь ты,
печаль, тоска ли
заполоснёт тебе мозги.

Козлов :

Не вижу ни зги
в твоих речах.

Окнов :

О ты несомненно зачах,
читая газет скучную структуру.
Вот и дождался с ума сошествия
в живот из головы
и по ногам
и в пятку.
Эй, где хвостик мысли?
а он уж в землю нырк.
Вот прыткий!

Козлов :

Нет, давай по порядку
посмотрим раньше моих речей открытки.

Окнов :

В них я не вижу ни боба —
пощади меня Боже Твоего раба.

Козлов :

Да ты никак религиозный!

Окнов :

Это вопрос очень серьёзный.
Материя по-моему дура,
её однообразная архитектура
сама собой не может колебаться.
Лишь только дух ее затронет робко —
прочь отлетает движения пробка,

из темных бездн плывут акулы
в испуге мчатся молекулы,
с безумным треском разбивается вселенной яйцо,
и мы встав на колени видим Бога лицо.
Тот же, кто в папахе рока
раб ума, слуга порока, —
погибает раньше срока
поражѐнный кочергой.
Пораженный кочергой.

Козлов :

Скверно думаешь товарищ
и несешь одну фасоль,
революции пожарищ
Богом уши не мозоль,
мало мы с тобой кувыркались
Федьку за ноги — фан...

(падает поражѐнный кочергой.)

Окнов :

Как я его трахнул.
Разом смолк.
А теперь, пока не поздно,
дам тягу в окно.

Окно :

Я внезапно растворилось.
Я дыра в стене домов
мне все на свете покорилося
я форточка возвышенных умов.

всѐ

весеннее равноденствие 1931

Молитва перед сном 28 марта 1931 года в 7 часов вечера

Господи, среди бела дня
накатила на меня лень.
Разреши мне лечь и заснуть Господи,
и пока я сплю накачай меня Господи
Силою Твоей.
Многое знать хочу,
но не книги и не люди скажут мне это.
Только Ты просвети меня Господи
путем стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами,
быстрого к управлению слов

и прилежного к восхвалению имени Бога
во веки веков.

28 марта 1931

Вода и Хню

Хню :

Куда, куда
спешишь ты, вода?

Вода :

Налево.
Там, за поворотом
стоит беседка.
В беседке барышня сидит.
Её волос чёрная сетка
окутала нежное тело.
На переносицу к ней ласточка прилетела.
Вот барышня встала и вышла в сад.
Идёт уже к воротам.

Хню :

Где?

Вода :

Там, за поворотом.
Барышня Катя ступает по травам
круглыми пятками.
На левом глазу василёк,
а на правом
сияет лунная горка
и фятками.

Хню :

Чем?

Вода :

Это я сказала по-водяному.

Хню :

Ой, кто-то идёт к нам!

Вода :

Где?

Хню :

Там.

Вода :

Это рыбак Фомка.
Его дочь во мне утонула.
Он идёт побить меня камнем.
Давай лучше громко
говорить о недавнем.

Рыбак :

Один я.
Из меня тянутся ветви.
Грубые руки не могут поднять иголки.
Когда я смотрю в море,
глаза мои быстро слезятся.
Я в лодку сажусь,
но лодка тонет.
Я на берег прыгаю,
берег трясётся.
Я лезу на печь,
где жили мои деды,
но печь осыпается.
Эй, товарищи рыбаки,
что же мне делать?

(Увидя Хню .)

Неужто Хню?

Хню (молча):

Да. Это я.
А вот мой жених Никандр.

Никандр :

Люблю, признаться, вашу дочь.
И в этом вас прошу помочь
мне овладеть её невинностью.
Я сам Бутырлинского края,
девиц насилую, играя
с ними в поддавки.
А вам в награду, рыбачок,
я подарю стальной сачок
и пробочные поплавки.

Рыбак :

Шпасибо, шпасибо!

Никандр :

Лови полтину!

Вода :

Какую мерзкую картину
я наблюдаю.
Старик поймал полтину в рот.
Скорей, скорей за поворот
направлю свои струны звонкие.

Хню :

Прощай, вода.
Ты меня не любишь?

Вода :

Да.
Твои ноги слишком тонкие.
Я ухожу. Где мой посох?

Хню :

Ты любишь черноколых?

Вода :

Жырк, жырк,
лю-лю-лю.
Журч, журч.
Клюб,
клуб,
клуб.

всё

29 марта 1931

«Я не могу читать некоторые книги...»

Я не могу читать некоторые книги
в них мысль заменяет слово
но мысли жалкий фитилёк
надежда мученика злого
мне непонятно восхищенье

перед науки торжеством

<март 1931>

«Короткая молния пролетела над кучей снега...»

Короткая молния пролетела над кучей снега
зажгла громовую свечу и разрушила дерево.
Тут же испуганный баран
опустился на колени
Тут же пронеслись дети олени
Тут же открылось окно
и выглянул Хармс
а Николай Макарович и Соколов
прошли разговаривая о волшебных цветах и числах.
Тут же прошел дух бревна Заболоцкий
читая книгу Сковороды
за ним шёл позвякивая Скалдин
и мысли его бороды
звенели. Звенела хребта кружка
Хармс из окна кричал один
где ты моя подружка
птица Эстер улетевшая в окно
а Соколов молчал давно
уйдя вперёд фигурой.
а Николай Макарыч хмурый
писал вопросы на бумаге
а Заболоцкий ехал в колымаге
на брюхе лёжа
а над медведем Скалдиным
летал орёл по имени Сережа.

<март 1931>

Выбор дней

Скажу вам грозно:
хвост мудрого человека
опасен беспечному лентяю.
Чуть только тот забудет название года
хвост обмахнёт пыль памяти безумца
прощай тогда речей свобода!
Уже выкатывает солнце новые дни
рядами ставит их на выбор.
Скажу вам грозно: лишь мы одни —
поэты, знаем дней катыбр.

все.
4 апреля 1931

«Здравствуй стол...»

Здравствуй стол
ты много лет поддерживал мою лампу и книгу
а также разноцветные котлеты
я над тобой ходил не нагибая головы
собирая подушечки мыслительных коробок
безумный! что тебя толкнуло
все сбросить на пол
что человек доверил твоему благоразумию
постой деревянный негодяй

«Дорогая Наташа...»

Дорогая Наташа, хороводом татарок
благодарю тебя за твой подарок
с вершины белых потолков бежит моё спасение
и силу оков недели кончает воскресение.

Лампа о словах подносящих укромную музыку

Слава Богу кончен бой
лихорадки с молотком
удивили мы с тобой
в старом, тощем, никаком
государстве наших палок
победителя жену
кто был тучен кто был жалок
все разбиты в пух и прах
кое-кто глядел уныло
кое-кто играл во лбы
кое-кто внимал уныло
звукам редьки и пальбы
кое-кто раздвинув руки
умирал всю ночь со скуки
кое-кто шептал молитву
кое-кто в подвал забился
кое-кто смотрел на битву
кое-кто богам молился
кое-кто в просторном фраке
шевелил усы во мраке
кое-кто с часами дрался
кое-кто фасадом крался
вынув нож из рукава
ну и ночка какова
мне в окно глядели вещи
этих ужасов похлеще

мне в окно глядел сюргуч
грозен, красен и могуч
мне в окно мигая глупо
заглянула тётя лупа
мне в окно длиной с вершок
показался артишок
я дрожал и я молился
на колени повалился
быстро двигая перстами
осеял себя крестами
вспоминал смешные книги
но бежали быстро миги
всё быстрее и всё дале
вещи тихо наседали
унося мое спасенье
наступило воскресенье
с незаметных потолков
пала ночи цепь оков
я поднялся понемногу
оглянулся. Слава Богу
кончен бой моих тревог
дети кушайте пирог.

16 апреля <1931>

Хню

Хню из леса шла пешком.
Ногами месила болота и глины.
Хню питалась корешком
рога ворона малины.
Или Хню рвала побеги
Веселого хмеля, туземца рощ.
Боги ехали в телеге.
Ясно чувствовалась мощь
богов, наполненных соком лиан и столетних нев.
И мысль в черепе высоком лежала, вся окаменев.
Зубами щелкая во мху,
грудь выпятив на стяги,
варили странники уху,
летали голые летяги,
подвешиваясь иными моментами на сучках вниз головой.
Они мгновенно отдыхали, то поднимая страшный вой,
в котел со щами устремляясь,
хватая мясо в красную пасть.
То снегири летели в кучу печиков,
то медведь, сидя на дереве и
запустив когти в кору, чтобы не упасть,
рассуждал о правосудии кузнечиков.
То Бог в кустах нянчил бабочкину куколку,
два волка играли в стуколку —

таков был вид ночного свидригала,
где Хню поспешно пробегала
и думала, считая пни сердечного биения.

Аскет в пустыне — властелин,
бомба в воздухе — владычица,
оба вместе — лучшее доказательство человеческого гения.
Пусть комета в землю тычется,
угрожая нарушить бег нашей материи.
И, если пена — подружка огня на черном кратере
выпустит мух с небесными каракульками на лапках,
мы гордо глядим на вулкан
и, в папках
земных дел
отмечая рукой астронома событие,
способное закидать дредноут лепестками вишни,
мы превратили мир в народное увеселение
и всюду увеличили плотность населения.
Еще недавно кверху носом летал Юпитер,
в 422 года раз празднуя свои именины,
пока шутливая комета не проскочила в виде миски
в хрустальном животе Глафиры.
Пропали быстро звездные диски,
Исчезли тонкие эфиры,
даже в пустынях арифметики не стало сил аскету пребывать в
одиночестве.

Хню шла вперед и только отчасти
скользила кверху гибким станом.
Сел свет, рек звон, лесов шуршание
ежеминутно удалялись.
Хню пела. Чистые озера,
кой-где поблескивая, валялись.
То с шумом пролетал опасный овод,
то взвизгивал меж двух столбов гремучий провод,
сидя на белых изоляторах. То лампы
освещали каменные кочки —
ногам приятные опоры
в пути воздушного болота,
то были дерзкие моторы
в большие вечные ворота.
Иной раз беленький платочек садился на верхушку осины.
Хню хлопала в ладоши.
Яркие холмы бросали тонкие стрелы теней.
Хню прыгала через овраги,
и тени холмов превращали Хню в тигрицу.
Хню, рукавом смахнув слезинку.
бросала бабочек в плетеную корзинку.
Лежите, бабочки, и вы, пеструшки,
крестьянки воздуха над полевыми клумбами.
И вы, махатки и свистельки,
и вы, колдунки с бурыми бочками

и вы, лигреи, пружинками хоботков
сосите, милые, цветочные кашки.
И вы, подосиновые грибы
станьте красными ключами.
Я запру вами корзинку,
чтобы не потерять мое детство.

Хню к телеграфному столбу
Для отдыха прислонилась.
Потухли щеки Хню. Во лбу
окно стыдливое растворилось.
В траве бежала змейка,
высунув гибкое жало,
в ее глазах блестела чудная копейка.
Хню медленно дышала,
накопляя растроченные силы
и распуская мускулов тугие баночки.
Она под кофточкой ощупывала груди.
Она вообще была прелестной паночкой.
Ах, если б знали это люди!

Нам так приятно знать прошедшее.
Приятно верить в утвержденное.
Тысячи раз перечитывать книги, доступные логическим
правилам.

Охаживать приятно темные углы наук.
Делать веселые наблюдения.
И на вопрос: есть ли Бог? — поднимаются тысячи рук,
склонные полагать, что Бог — это выдумка.
Мы рады, рады уничтожить
наук свободное полотно.
Мы считали врагом Галилея,
давшего новые ключи.
А ныне пять обэриутов,
еще раз повернувшие ключи в арифметиках веры,
должны скитаться меж домами
за нарушение обычных правил рассуждения о смыслах.
Смотри, чтоб уцелела шапка,
чтоб изо лба не выросло бы дерево, —
тут мертвый лев сильнее живой собаки,
и, право, должен я сказать, моя изба не посещается гостями.

Хню, отдохнув, взмахнула сильными костями
и двинулась вперед.
Вода послушно расступилась.
Мелькали рыбы. Холодело.
Хню, глядя в дырочку, молилась,
достигнув логики предела.
«Меня уж больше не тревожит
земля, ведущая беседу
о прекращении тепла, —
шептала Хню своему соседу. —

Меня уж больше не атакуют
пути жука-точильщика,
и гвозди больше не кукуют
в больных руках могильщика.
И если бы все пчелы, вылетев из чемодана,
в меня направили б свои тупые жала,
то и тогда, поверьте слову,
от страха вовсе б не дрожала.»
— «Ты права, моя голубка, —
отвечает путник ей, —
но земель глухая трубка
полна звуков, ей-же-ей.»
Хню ответила: «Я душой
рождена сидеть в стогу,
полных дней клавиатуры
звуков слышать не могу.
И если бабочки способны слышать потрескивание искр
в корнях репейника,
и если жуки несут в своих котомках ноты расточительных
голосов,
и если водяные паучки знают имя-отчество
оброненного охотником пистолета,
то надо сознаться, что я просто глупая девчонка.»
— «Вот это так, — сказал ей спутник, —
всегда наивысшая чистота категорий
пребывает в полном неведении окружающего.
И это, признаться, мне страшно нравится.»

23-27 апреля 1931

От знаков миг

Морковь (*вылетая из земли*):

Я задыхаюсь в этих кучах,
дай на воздухе побегаю.
Сорок лет жила я в бучах,
не дружна была я с негою.
Корни в землю уходили на много вёрст.
Ой, помогите же мне из ямы вылезти на траву,
дайте мне возможность посчитать блага народов.
Что-то силен турков ропот,
немцев с ангелами прерывания.
Слышу я французов опыт
земледельческих расчётов,
англичан возмущение за травлю быка.
В лодке смерти возмущение
заставило путника от смеха держаться за бока.
Тут русских дела чище,
к ним я кинусь учить азбуки.
Не сложна времён корзинка,
быстрые формулы заменят нам иные способы передвижения.

Всех сын :

Корень, вырази видение твоих праотцов,
им тучные гряды наваяли пророчество.
Многолетнее безделие развило в них способность угадывать
завтра.

Ты, пасынок подземных жрецов,
помнишь наверно мосты древних песней.
Не говорится ли в них о нашествии геометрических знаков?
Мне это всех вопросов интересней.

Морковь :

Как же, как же,
совершенно неслучайно
значки вырабатываются правительствами.
пятиконечную звезду никто не станет вешать вверх ногами,
и плотник сам не ведает больших дел своего труда.
Однако я спешу туда,
где свет вгоняет гвозди в лоб.

Всех сын :

Я за тобой помчусь,
ленивая дочь гряд.
Смотри над облаками
летим с тобой подряд.
Сына пожалей.
Подари меня улыбкой,
из веревочки налей
слезу пущенную глыбкой.
Тут нет сомнения о случаях земного верчения.
Она летит вокруг солнечного шара
без малейшего трения. В кольцах пожара
гибнут мирные домики.
Я вижу зонтик стоит на верхушке Меркурия
это житель, человек иных условий,
он дышит лентами и всю жизнь размышляет о вилке.

Морковь :

Не завидую, не завидую.
Уж лучше в земле монахиней сидеть.

Всех сын :

Ага,
вот проблеск земножительницы ума.
Сидела б в грядке ты кума.

Морковь :

Скорей беги ко мне на подмогу
Илья, веник Чуговой!
Пустим вверх его ко богу,
поднимает пусть он вой.
Хорошо говорить о правилах,
пробыв на поверхности земли с рождения.
Тебе голубок сравнивать-то не с чем.

Всех сын :

Смотри морковь, наш спор затянется.
Ты сама ведь знаешь только одну сторону дела.
Ты когда-нибудь в глаза горы глядела?

Морковь :

Глядения Лебеди слишком ничтожны,
и слуха корзины совсем не цари.
О чувствах я не говорю! о чувствах я не говорю!
Ни осязание, ни вкус,
ни обоняние, ни слух,
ни зрение, ни орхидея
не спасут тебя вертопраха-злодея.

Осязание :

Моя лошадка плюговата,
я то кумир, то вата.

Обоняние :

Мой тетерев сопляк,
я ландыш, дереву земляк.
Добегу до глотки рьяно,
начинаю излучать там
волны синие буяна.
Возбуждение бежит по мачтам
в центр мозговой.
Голос дружит с Иговой.

Слух и зрение :

Мы дочери лета
болонки балета
карты шоколадного пистолета.

Всех сын :

Пройдёт над миром пчела сладости,
переживёт всех нас дух радости.
Не вы ли, чудная морковь,

спешите в нашу кровь
увеселить биенье жил?
Я двадцать пять лет палкой жил,
не зная слов владычества.
Христос однажды спас язычество
от нападения воздушных раков.
А я спасусь от пяти чувств
и от нашествия геометрических знаков.

Морковь :

Удаляюсь в край нетах,
ваше здоровье в летах,
повторяю каждый миг.
Не сводите с неба книг.

все.
8-10 мая 1931

«В МИГ...»

В миг
открыл я сто книг
найти желая средство
установить природу света
я шёл по кочкам малолетства
не видя дерева совета
моя верёвка разума
гремела по числам
глаза ездили по строчкам
собирая смыслов ком
от моих плечь отскакивали легкие трости
я гнул с восторгом свои кости
над журналом жирной жизни
где журавли пользуясь рычагом Архимеда
вытаскивают вёдра воды для варки обеда.

10 мая 1931

«Один монах...»

Один монах
стоял в пустыне
о альманах
тебя отныне
не узнаю.
Ужели ты
оставил келью
молитвы, деньги
и покой

ужели ты
на долг и зубы
махнул единственной рукой.
Однако руль
в твоей ладоне
боится пуль
святой погони
и дребежжит.
прощай монашек
твой лоб стакан
тебя согреет.
в густых колосьях
спасётся рожь
в твоих волосьях
родится вошь
Собачка гнид.
Ребёнку ясно —
ужели можно
оставить сумрачное лето?
Когда летят к земле тревожно
цветы студента и валета.
И в миг
лишившись пуговиц
Наполеон
став голым вдруг произнёс:
отныне я хамелеон.
Ну кто поверит этим бредням
Я ли ты ли или он
или Марья или Федор
или сам наполеон?

<начало января 1931>

«Скажу тебе по совести...»

Скажу тебе по совести,
как делается наша мысль,
как возникают корни разговоров,
как перелетают слова от собеседника к собеседнику.
Для этого надо молча просидеть некоторое время,
стараясь уловить хотя бы звёздочку,
чтобы было, как говорится, с чего распутать свою шею
для поворотов очень приветливым знакомым и незнакомым
собеседникам.

Поздоровавшись, поднеси хозяйке горсть валунов
или иную припасённую ценность
в виде булавки, или южного плода, или ялика
для прогулки по озеру в тихия солнечные погоды,
которыми так скуп северный климат,
где весна приходит иной раз с порядочными опозданиями,
таким образом, что ещё в июне месяце

комнатная собака спит, укрывшись одеялом,
как человек — мужчина, женщина или ребёнок,
и всё же дрожит от озноба.
Иной раз берёт просто злоба
на порядок смены
тепла и холода.
Вот время луны то старо, то молодо,
во много яснее непонятной путаницы погод.
Учёные наблюдают из года в год
пути и влияния циклонов,
до сих пор не смея угадать: будет ли к вечеру дождь.
И я полагаю, что Павел Николаевич Филонов
имеет больше власти над тучами.
Кто хочет возразить, прошу задуманное исполнить.
Для возражений умных, или сильных,
или страстных, своевременных и божественных,
я припас инструменты, способные расковырять любую мысль
собеседника.
Я всё обдумал, взвесил, пересчитал и перемножил
и вот хозяйке подношу,
как дар пустытника,
для спора очень важный набор инструментов.
Держите, милая хозяйка, мой подарок
и спорьте, сколько вам угодно.

28 июня 1931

«Дни дни клонились к вечеру...»

Дни дни клонились к вечеру
и утро было точно обрезано
отсутствовало при начале дня.
Сразу сразу зацветало солнце
поднимая растения в надземные местности
раскрывая чашечки цветов
и заставляя воду из рек испаряться
в надземные местности
То человек спал видя сон
то сразу шёл в мохнатой войлочной шапке
продавать своё имущество
или по иному какому делу
или просто удить рыбу приговаривая: удись удись голубая
сестра
День становился добрым
и вдруг на Неве грохотала пушка называя полдень
так страшно неожиданно,
что на мосту два дровосека подпрыгнули ударив тяжёлыми
сапогами по камню.
В эти дни дьявол разгуливал по улицам в образе часовщика
предлагая свои услуги.

<28 июня 1931>

«Однажды возвращаясь домой с прогулки...»

Однажды возвращаясь домой с прогулки
Я шёл дорогой между двумя городами
насвистывая кое-какие поморские песни
когда вдали показалась чухонка молочница
Я сел в лопух и стал невидим
Высока трава Твоя Господи
она скрывает меня до плеч

<28 июня 1931>

«мне бы в голову забраться козлом...»

Мне бы в голову забраться козлом,
Чтоб осмотреть мозгов устройство.
Интересуюсь, какие бутылки составляют наше сознание.
Вот азбука портных
Мне кажется ясной до последней ниточки:
Все делается ради удобства движения конечностей и корпуса.
легко наклоняться в разные стороны,
ничто не давит на живот.
Ребра сжимаются и отпрыгивают вновь,
как только представится к тому случай.
Мы несравненно лучше сделаны, чем наша одежда.
Портным не угнаться за гимнастами,
одевающими себя в мускульные сюртуки.
И способ гимнастов
мне ближе по духу.
Портной сидит, поджавши ноги
руками же вертит ручку швейной машины
или ногами вертит машинку, а руки ему служат рулями.
Или же двигатель Симменса-Шуккерта
вращает маховое колесо, тычет иглой и двигает челноком.
Так постепенно сшиваются
Отдельные части костюма.
Гимнасты же поступают иначе.
Они быстро наклоняются вперед и назад,
до тех пор, пока их живот не станет подковой,
руки вывертывают,
приседают на корточки,
достигая этим значительного утолщения мышц.
Этот способ, конечно, приносит больше пользы.
Кто, побродив по ночным городским садам,
почувствует боль в пояснице,
знай: это мускулы живота стараются проснуться —
спеши домой и, если можешь, пообедай.
Обед ленивым делает тебя.

Но если нет обеда
еще лучше съесть кусочек хлеба
это придает бодрость твоему духу
а если нет и хлеба даже
то благодари приятель Бога
Ты Богом знать отмечен
для совершения великих подвигов
нельзя лишь испугаться
смотри внимательно в бумагу
зови слова на помощь
и подходящих слов сочетание
немедленно утолит желудочную страсть
вот мой совет
произноси от голода:
я рыба
в ящике пространства
рассуждаю о топливе наших тел
всякая пища попав на зуб
становится жиже выпуская соки целебных свойств
Бог разговаривает со мной
Мне некогда жевать свиное сало
и даже молока винтовки белые
помеха для меня
вот мой дикарь и пища
вот голос моего стола кушетки и жилища
вот совершенство Бога моего стиха
и ветра слов естественных меха

<до июля 1931>

«однажды Бог ударил в плечо...»

Однажды Бог ударил в плечо
воскликнул я: ой горячо!
и в воду прыгнул остудиться
заглушать на теле зной
Я пребывал в воде молиться
сидел на солнце под сосной.

<Начало июля 1931>

«То то скажу тебе брат от колеса не отойти тебе...»

То то скажу тебе брат от колеса не отойти тебе
то то засмотришься и станешь пленником колеса
то то вспомнишь как прежде приходилось жить
да и один ли раз? может много
в разных облициях путешествовал ты, но забыл всё
вот смутно вспоминаешь Бога
отгадываешь незнакомые причины по колесу

чуешь выход в степь, в луг, в море, но живешь пока в лесу
где чудные деревья растут едва заметно глазу
то голые стоят, то прячут ствол в зеленую вазу
то закрывают небо лиственной падогой
где Херувиму поют над радугой
длинные песни приятные слуху
то совы кричат в лесу: ўху! шўху!

Даниэль Хаармсь.
Начало июля 1931

«Узы верности ломаешь...»

Узы верности ломаешь,
от ревности сам друг хромаешь.
Ты ускользнула в дверь с японцем,
дверь тихо притворив,
вошла стройна, неожиданно солнцем
врачей унылых озарив.
Нне ж предоставила помнить твоих прогулок холод.
Ах, если б не сковал меня страх перед женщиной и голод,
и ревность не терзала б мне виски,
я не испытывал бы той нечеловеческой тоски.

18 сентября 1931

«Небеса свернуться...»

Небеса свернуться
в свиток и падут на
землю; земля и вода
взлетят на небо;
весь мир станет
вверх ногами.
Когда ты всё это увидишь,
то раскроется и зацветет
цветок в груди твоей.
Я говорю: это конец
старого света, ибо я
увидел новый свет.
Я о, я сир, я ис
Я тройной, научи меня
чтению. Мы говорим:

вот это я
Я
дарю тебе
ключ,
чтобы ты
говорил

Я.
Я возьму ключ,
когда, как учили нас
наши бабушки, найду
цветок папоротника,
который цветёт
только один раз в
год, в ночь накануне
Ивана Купала.

Но где растёт этот
цветок? Он растёт
в лесу под деревом
которое стоит вверх
ногами.

Ты идёшь в большом
дремучем лесу, но
нет ни одного дерева
которое росло бы вверх
ногами. Тогда ты
выбери самое красивое
дерево и влезь на него.

Потом возьми веревку привяжи один
конец веревки к ветка
а другой конец к своей
ноге. Потом спрыгни с
дерева
и ты повиснешь кверху
ногами, и тебе будет видно,
что дерево стоит кверху
ногами.

Когда ты пойдешь в лес
то посмотри раньше в окно
какая погода.

* * *

Вот я смотрю в окно и вижу
там кончается улица, там начинается
поле, там течёт речка, а там на берегу стоит дерево».

Ноябрь 1931

«два студента бродили в лесу...»

Два студента бродили в лесу
в воду глядели дойдя до речки

ночью жгли костры отпугивать хищников
спал один, а другой на дежурстве
сидел в голубой камилавочке
и бабочки
к нему подлетали
то ветерок
швырял в костер пух пеночки
студент потягиваясь пел:
в костер упала звездочка.

Молча стояли вокруг медведи
мохнатой грудью дыша
и едва копошилась душа
в их неподвижном взгляде
но тихо сзади
шла мягкими лапами ступая по ельнику
рысь
и снилось в лесу заблудившемуся мельнику
как все звери стоя на холму глядели в высь
где нет паров
горел костер
и ветки шаловливого пламени
играли серпом на знамени
и дым и гарь болтаясь в воздухе платком
висели черным молотком

март 1931

«ряд вопросов проносился...»

Ряд вопросов проносился
в виде легких петухов
я лежал, во мне струился
без конца речей грехов

I вопрос:

почему телам небесным
(луны, звёзды и серпы)
по кривым бежать известным
дали волю?

Ответ небесных тел:

Потому что мы слепы

II вопрос:

Людам дан свободный выбор
либо дом, либо лоб.
Почему нам нет котыбр?

Ответ судьбы:

Потому что людям гроб.

<1931>

«Я знаю зачем дороги...»

Я знаю зачем дороги
отрываясь от земли
играют с птицами.
Мне хорошо известно
куда умирает солдат
крикнув последнее слово.
оловянные пуговицы его шинели
стали отметками
новопредставленного.
Тонкая веточка ветра
дует в могилу
солдат огромными взмахами рёбер
ловит воздушные колёса

вертящие кровь для продолжения жизни.
Совсем не трудно высчитать
сколько раз в минуту бьётся сердце врага и воина.
<Ещё> хотел бы я открыть вам способ
исследывать небесные балконы
в них маятник шестого времени
кладёт земные поклоны.
хочу вам указать на путь спасения

<1931>

«Слава радости пришедшей в мой дом...»

Слава радости пришедшей в мой дом.
Слава радости приходящей в дом
когда меньше всего ждешь её.
Всё внезапно пока не придет внезапная радость.
Тогда внезапное становится долгожданным
а имя Господа моего звучит ликованием.

<1931>

«Идет высокий человек и ловко играет на гармоне...»

Идет высокий человек и ловко играет на гармоне
Идут за ним четыре и молча его слушают

Но музыкант идет опять и пальцами танцует

За ним опять идут четыре совсем уже как мертвые
Должно быть он совсем колдун играет тоже самое
он по дороге в парк идет за ним четыре следуют.
Я на скамейке просижу не больше месяца
ты на скамейке просидишь до самой масляницы

он на скамейке просидит четыре праздника
мы на скамейке посидим у самой речки
вы на скамейке посидите возле речки
они сидят они как видно отдыхают
над ними бабочки над ними комары дощатые порхают

<1931>

Далее в черновике следует сценка <«Съезжаются гости»>

«Я подарил вам суп...»

Я подарил вам суп
можете принять его как гостя
хотите в кресло посадите, а хотите съешьте.
Вот вам совет:
режьте зубами картофель
кости ломайте клыками
мясо глотайте не жуя
а воду вливайте через ноздри.

Григорий :

Я подавился корочкой
Постучите в мою спину
авось открою дверце.

Маша :

Тук Тук Тук!

Григорий :

Кто там?

Маша :

Бутылка.

Григорий :

Ну вот ну вот
опять начинается сновидение.

Маша :

Ну что ты видишь?

Григорий :

Я вижу дом
а в доме суп
он сильно грач и сильно уп

Маша :

Зачем же это так?

Григорий :

Не спрашивай меня
не утруждай своё стеклянное горлышко
вот я стою на одной ножке
не качаюсь не падаю
меня толкают в затылок мошки
но воздух поддерживает меня вечерней прохладой
вот ногами быстро двигаю
поднимаюсь от земли
над свечёй лечу над книгой
мухи след мой замели
Догони меня Маша!

Маша :

Хук хук
варежку долой
поймаю тебя за пятки
не уйдёшь комарик
хук хук
юбочку долой
так легче бежать
ногам шире.
Ай, Гриша, забор!
Ну значит улетел

<1931>

«я знаю почему дороги...»

Я знаю, почему дороги,
отрываясь от земли,
играют с птицами,
ветхие веточки ветра
качают корзиночки, сшитые дятлами.
Дятлы бегут по стволам,

держа в руках карандашики.
Вон из дупла вылетает бутылка
и направляет свой полёт к озеру,
чтоб наполниться водой, —
то-то обрадуется дуб,
когда в его середину
вставят водяное сердце.
Я проходил мимо двух голубей.
Голуби стучали крыльями,
стараясь напугать лисицу,
которая острыми лапками
ела голубиных птенчиков.
Я поднял тетрадь, открыл её
и прочитал семнадцать слов,
сочинённых мною накануне, —
моментально голуби улетели,
лисица сделалась маленьким спичечным коробком.
А мне было чрезвычайно весело.

1931

«Убежали стрехи с плечь...»

Убежали стрехи с плеч
Суним плечи хоть бы в печь
Суним звёзды хоть в мешок
Здревья царствия кишок:
То в кишке бежит водами
он со смехом сытый хлев
он в лицо подносит даме
незаметный муки гнев

Та глядит во все зрачки
в мысли тёмные значки
глаз унылых пяточки
смотрит дерзко сквозь очки
Сквозь меня просунут провод
Жалит в сердце милый овод
Смутно вижу образ подметальщицы
ока с веником ходит меня волнуя
я вижу ты собираешься уходить.
Как жаль, что я не могу
пойти с тобой.

<1931>

«Соседка помоги мне познакомиться с тобой...»

Соседка помоги мне познакомиться с тобой
Будь первая в этом деле.

Я не могу понять
Совсем запутался
Что хочешь ты?
Со мной соседка познакомиться
иль просто в улицу смотреть
пренебрегая той прозрачной птицей
которая летит из учреждения
и нам с тобой как почта служит,
переноса желания от сердца к сердцу.

<1931>

«Почто сидишь...»

Почто сидишь
и на меня нисколько не глядишь
а я значёк поставив на бумаге
лишь о твоей мечтаю влаге
ужель затронул вдруг тебя мой взгляд манящий
ужели страсть в твою проникла грудь
и ты глядишь теперь сюда всё чаще
так поскорей же милая моею будь.

<1931>

«Ты шьёшь. Но это ерунда...»

Ты шьёшь. Но это ерунда.
Мне нравится твоя манда
она влажна и сильно пахнет.
Иной посмотрит, вскрикнет, ахнет
и убежит, зажав свой нос.
и вытирая влагу с рук
вернётся ль он, ещё вопрос
ничто не делается вдруг.
А мне твой сок сплошная радость.
ты думаешь, что это гадость,
а я готов твою пизду лизать, лизать без передышки
и слизь глотать до появления отрыжки.

<1931>

«Скорей подними занавеску...»

Скорей подними занавеску
и жадно смотри на меня.
Ты страстной рукой подними
занавеску
и страстно смотри на меня

<1931>

«Почему нелюбопытны...»

Почему нелюбопытны
Эти бабы супротив?
Потому что первобытны
Как плохой локомотив.

<1931>

«Ну с начинаю...»

Роберт Мабр :

Ну с начинаю
движутся года.
Смотреть и радоваться в книгу
сделанную много сотен лет назад не буду
больше никогда.
Садитесь в круг
ученья каждому открою двери.
Без цифр наука как без рук
Начнемте с цифр:
три контуром напоминает перерезанное сердце.
Согласны?

Все хором :

Согласны!

<1931>

«Я буду бить каждого человека...»

Гностик :

Я буду бить каждого человека.

Атрун :

Хвали лучше дев от каждого дома нам доставленных.

Гностик :

Я закрываю глаза на всякое дело,
не помеченное в нашей книге Иисуса Христа.
И если девы показывают свои голые тела,
то пусть глядят на них глаза невольников Сатаны
Но мои глаза будут глядеть на юношей

стоящих по форме торжественных букв
из которых складывается рыба.

Атрун :

Как мало радости в складках твоего измученного лица.
Я не думаю чтобы улыбка была твоей няней.
Ты трусишь при мысли совершить грех
Уверен так же, что грех это конница.

Гностик :

Потом забыли то о чём я думаю.
Простые значки сада, ключа и трости
не трогают наше величество.
Наш путь пробежал по римским владениям
и украсил собою багряницу и виссон.

Атрун :

Ты думаешь об искуплении твоих грехов
Я же думаю о сознаниях Бога.
И мы кровью делаем своё дело.
Но твой неподвижный ум не позволяет
заменить кровь человека бычачей.
Я же кровью легкой птицы
заменяю кровь людскую

<1931>

Воцарение или дверь конца света. Поэма

Утро.
У ворот петербургского дома
стоит человек в бобриковом пальто.
Он то стучит в ворота,
то спокойно гуляет взад и вперёд,
то снова с яростью стучит в ворота.

Пусти! Кто б ты ни был.
Тут твою душу спрашивают.
Я тебе твою голову расшибу,
или ты, чёртов кум, бегом прискачешь,
А то разнесу ворота, садану плечом и вышибу.
Старый мерзавец!
Да что ты, спишь или притворяешься?

<1931>

«Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа...»

Во имя Отца и Сына и Святого Духа
вчера я сидел у окна выставив ухо
земля говорила дереву: произростай
дерево медленно росло — но всё же заметно глазу
то голым стояло то прятало ствол в зелёную вазу
на солнце читая значёк своей радости
планеты порой шевелились меж звёздами
а дерево гнулось махая птичьими гнёздами
семь радуг над деревом возносилось
я видел доски ангельских глаз
они глядели сверху на нас
читая годов добрые числа

<1931>

Бог Подарил Покой. Мистерия времени и покоя

Фараон Тут Анх-Атон :

Успею встать
Успею лечь
Успею умереть и вновь родиться
держу в руках трон, яблоко и меч
умею от всякого черта загородиться

1931 год

«блоха болот...»

Блоха болот
лягушка
ночная погребушка

далекий лот
какой прыжок
бугор высок
стоит избушка

упал висок
загорелся песок
согнулся носок
отвалился кусок
не хватило досок
напустили сорок
плавал сок

1929–1931

«Грянул хор и ходит басс...»

Грянул хор и ходит басс
Бог с икон смотрел анфас
мы в молитвах заблудились
мы в младенцев превратились
наших рук и наших ног
думы слабые плелись
наших был и наших мог
в камни крепкие сплелись
мы живём и жуём
Богом сделанные травы
мы умрём и втроём
выйдем к Богу из дубравы
не с трубой, а с тобой
сядем к Богу на колени
будем петь и глядеть
как небесные олени
пробегают
на врага
устремив свои рога
как тигрицы и ехидны
на цветах сидят невидны.

<1930–1931?>

«Клан: Вот знак моего облака...»

Клан :

Вот знак моего облака
рогиня моих веток
слуги моего дня
послушные мне единым словом
бегите ловкие солдаты
поймайте бабочку
сидящую вон там на ветке
во отцвете лет
уложенных в минуты душные
глядящую в толпу цветов
где одуванчиков головки пушные
дождавшись ночи рассыпаются
хочу знать бабочек законы размножения
вы маленькие голуби
гнезда себе не строя
в капусту на ночь залетаєте
мы в огород идем,
нас трое вы нас узнали?
или вовсе нас не знаете?

бабочки :

незнакомых ваших лиц

мы не знаем не куём
в доки быстрых ваших глаз
в уши боги не поём
не пугаем вовсе вас
не влетаем к вам в окно
не садимся к мамке в рот
что же вы от нас хотите
или временно народ
забывая стыд и срам
ставит жертвенник машине
паровозу белый храм

Клан :

Ко эй слуги знаки буквы и числа
ловите негодниц в зелёные сачки

Слуги и знаки :

Сейчас сейчас поймаем
негодниц и злодеек
мы крылья им обрежем
поверьте в нашу прыть
поверьте в нашу прыть.

1932

«Я ключом укал пана...»

Я ключом укал пана
ноги ноги мои стрелы
пан упал и пели девы
думы думы где вы? где вы?
А над паном пели боги
ноги ноги мои ги ги
где вы где вы мои ноги
где вы руки? где вы книги?
там у пана мысли дуги
мысли дуги мысли боги
мысли в темени подруги
разгибают свои ноги
разгибают свои руки
открывают свои книги
открывают мысли время
открывают мысли миги
а над мигом пели боги
где вы руки мои раки
где вы руки? где вы ноги?
отвечают: мы во мраке

в темноте не видя света
прозябаем боги с лета
нам бы доступ только в книги.
Боги боги! Мíги мíги!

декабрь 1932

«МОЯ ЛЮБОВЬ...»

Моя любовь
к тебе секрет
не дрогнет бровь
и сотни лет.

пройдут года
пройдёт любовь
но никогда
не дрогнет бровь.

тебя узнав
я всё забыл
и средь забав
я скучен был

мне стал чужим
и странным свет
я каждой даме
молвил: нет.

<1932>

1933

«однажды господин Кондратьев...»

Однажды господин Кондратьев
попал в американский шкаф для платьев
и там провел четыре дня.
На пятый вся его родня
едва держалась на ногах.
Но в это время ба-ба-бах!
Скатили шкаф по лестнице и по ступенькам до земли
и в тот же день в Америку на пароходе увезли.
Злодейство, скажете? Согласен.
Но помните: влюбленный человек всегда опасен.

Наблюдение

Два человека в злобном споре
забыли всё вокруг, но вскоре
им стал противен этот спор,
и вот они не спорят больше с этих пор.
Они друг к другу ходят в гости,
пьют сладкий чай, жуют печенье,
угасли в них порывы прежней злости,
они друг к другу чувствуют влечение.
И если нет возможности им встретиться,
то каждый в лоб себе из пистолета метится
и, презирая жизни лодку,
спешит в тартар и восклицает во всю глотку:
«Порвись, порвись моя окова —
держат в разлуке нас нет смысла никакого!»
Счастливые натуры! В наше время
не часто встретишь ловкую пару.
То кнут сломается, то лопнет стремя,
то боком ногу конь прижнет к амбару.
Удачи редки в наши дни.
Вы, в этом случае, одни
в своей удаче двухсторонней.
Мой глаз, хотя и посторонний,
следит за вами со вниманием.
Вот вы расходитесь. За «досвиданием»
вы кажете друг другу спины,
идёте по домам, но чудные картины
витают в вашем пронизательном мозгу, —
об этом вы до этих пор друг другу ни гу-гу,
молчали, чаю в рот набрав.
Но кто из вас неправ,
кто виноват во всей создавшейся никчёмной сложности? —
судить об этом не имею никакой возможности.
При следующем свидании вы сами выйдете из тупика.
Ну, до свидания, пока!

Страсть

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Меня натура победила,
я, озверев, грызу удила,
из носа валит дым столбом
и волос движется от страсти надо лбом.

Ах если б мне иметь бы галстук нежный,
сюртук из сизого сукна,
стоять бы в позе мне небрежной,
смотреть бы сверху из окна,

как по дорожке белоснежной
ко мне торопится она.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти,
они кипят во мне от злости,
что мой предмет любви меня к себе не приглашает в гости.
Уже два дня не видел я предмета.
На третий кончу жизнь из пистолета.

Ах, если б мне из Эрмитажа
назло соперникам-врагам
украсть бы пистолет Лепаж
и, взор направив к облакам,
вдруг перед ней из экипажа
упасть бы замертво к ногам.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти,
они меня как лист иссушат,
как башню временем, разрушат,
нарвут на козьи ножки, с табаком раскурят,
сотрут в песок и измечуют.

Ах, если б мне предмету страсти
пересказать свою тоску,
и, разорвав себя на части,
отдать бы ей себя всего и по куску,
и быть бы с ней вдвоем на много лет в любовной власти,
пока над нами не прибьют могильную доску!..

7 января 1933

«Передо мной висит портрет...»

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
Она прекрасна точно фея,
она коварна пуще знея,
она хитра, моя Алиса,
Хитрее Реинёке Лиса.

<7 января 1933>

«Камнями милая подруга...»

Камнями милая подруга
искала ночью тёмный лес
она бродила как лунатик
её ногами двигал бес

она с дороги быстро сбилась
её сердечко быстро билось
она звала, она кричала
но только эхо отвечало
на одинокий девы крик
да ветер плакал как старик.
тут между скал бродили волки
блистали ночью их глаза.
зрачки волков остры и колки
и если горная коза
завидит волчий блеск зрачка
она несётся с кондачка.

<1933>

Архитектор

Каблуков :

Мария!

Мария :

Кто зовет меня?
Я восемь лет не слышала ни звука,
и вдруг в моих ушах
зашевелилась тайная пружина.
Я слышу грохот ломовой телеги
и стук приклада о каблук при смене караула.
Я слышу разговор двух плотников.
Вот, говорит один, махорка.
Другой, подумав, отвечает: суп и пшенная каша.
Я слышу, на Неве трещит моторка.
Я слышу, ветром хлопает о стену крыша.
Я слышу чей-то тихий шепот: Маша! Маша!
Я восемь лет жила не слыша.
Но кто зовет меня?

Каблуков :

Мария!
Вы слышите меня, Мария?
Не пожалейте ваших ног,
сойдите вниз, откройте двери.
Я весь, Мария, изнемог.
Скорей, скорей откройте двери!
А в темноте все люди звери.

Мария :

Я не могу сама решиться.
Мой повелитель — архитектор.

Его спросите,
может быть, он вам позволит.

Каблуков :

О, непонятная покорность!
Ужель не слышите волненья,
громов могучих близкий бой,
домов от страха столкновение,
и крик толпы, и страшный вой,
и плач, и стон,
и тихое моление,
и краткий выстрел над Невой?

Мария :

Напрасна ваша бурная речь.
Мое ли дело — конь и меч?
Куда идти мне с этого места?
Я буду тут —
ведь я невеста.

Каблуков :

Обязанности брачных уз
имеют свой особый вкус.
Но кто, хоть капельку не трус,
покинув личные заботы
и в миг призвав на помощь муз,
бежит в поля большой охоты.

Мария :

Смотрите!
Архитектор целится вам в грудь!

Каблуков :

Убийца!
твой черед не за горами.

(архитектор стреляет)

Мария :

Ах!
Дым раздвинул воздух сизыми шарами!

Архитектор :

Очищен путь:
восходит ясный день,
и дом закончен, каменный владыка.

Соблюдена гармония высот и тяжести.
Любуйся и ликуй!
Гранита твердый лоб,
изъеденный времён писанием,
упёрся в стен преграду.
Над лёгкими рядами окон
вверху, воздушных бурь подруга,
раскинулась над нами крыша.
Флаг в воздухе стреляет.
Хвала и слава архитектору!
И архитектор — это я.

весна 1933

«Шарики сударики...»

Шарики сударики
блестят шелестят
шарики сударики
блестят шелестят
и люди тоже шелестят
и шарики шелестят
и люди тоже шелестят
блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
и люди блестят шелестят
и шарики блестят шелестят
и люди стоят
и блестят шелестят
а шарики летят
и блестят шелестят
а люди глядят
как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и люди тоже
блестят шелестят
и глядят
как шарики тоже
блестят шелестят
люди с палками стоят
и блестят шелестят
и на шарики глядят
как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и палки тоже
блестят шелестят
и люди блестят шелестят
и палки блестят шелестят

и шарики тоже
блестят шелестят
а люди стоят
и на шарики глядят
и на шарики глядят
и блестят шелестят
и палки тоже блестят шелестят.

13 апреля 1933

«Ходит путник в час полночный...»

Ходит путник в час полночный,
прячет в сумку хлеб и сыр,
а над ним цветок порочный
вырастает в воздух пр.
Сколько влаги, сколько неги
в том цветке, растущем из
длинной птицы, в быстром беге
из окна летящей вниз.
Вынул путник тут же сразу
пулю — дочь высоких скал.
Поднял путник пулю к глазу,
бросил пули и скакал.
Пуля птице впилась в тело,
образуя много дыр.
Больше птица не летела
и цветок не плавал пр.
Только путник в быстром беге
повторял и вверх и вниз:
«Ах, откуда столько неги
в том цветке, растущем из».

17 апреля <1933>.

«игнес игнес...»

Игнес игнес
какой восхитительный лес!
я в миг ослеп
что было цветом
стало вес
кора осины
зверю хлеб
мы набрали полные корзины
волчих ягод
всё это зря.
Новой жизни рухнула заря
игнес игнес
где наши кости лягут?

Игнес :

Нарочно за руку подвел тебя к опушке леса
тут разыграется сейчас одна великая пьеса
Из мысли выдернута шпора
и времени задёрнута глухая штора.
не слышит ухо шум и говор
язык не радуется умелый повар.
и дева плеч не обнимает
и в страсти рук не просит греть
и к небу глаз не поднимает
и в гроб не хочет умереть.

15 мая 1933

«Я с огромной высоты...»

Я с огромной высоты
Не заметил красоты
Ваших плеч и ваших ног
Да, признаться, я не мог
Их заметить в то мгновенье,
Ибо вышло столкновенье
Наших гибких страстных тел.
Я подпрыгнул и взлетел
Вместе с вами в те высоты,
Где земные все красоты
Исчезают словно дым.
А теперь мы с вами, Леля,
Входим вместе в этот дом.
Я взглянул на Ваши плечи,
Я взглянул на Ваши ноги.
Так прекрасны только боги,
И архангелы потом!

«дом с бесконечными фигурами...»

дом с бесконечными фигурами
стоит на табуретке
час проходят люди с абажурами
в зелёном галстуке и фас.
И бочка взрывается тут
и щенки летят как песок
и воздухом человек надут
ладонью трёт висок.
я возбуждаюсь глядя на девушку,
я поражен ей.
стоит свечой над морем нага

«Елизавета играла с огнём...»

Елизавета играла с огнем,
Елизавета играла с огнем,
пускала огонь по спине,
пускала огонь по спине.
Петр Палыч смотрел в восхищенье кругом,
Петр Палыч смотрел в восхищенье кругом
и дышал тяжело,
и дышал тяжело,
и за сердце держался рукой.

3 августа 1933

«Мне всё противно...»

— Мне всё противно.
Миг и вечность
меня уж больше
не прельщают.

Как страшно,
если миг один до смерти,
но вечно жить ещё страшнее.
А к нескольким годам
я безразлична.

— Тогда возьми вот этот шарик —
научную модель вселенной.
Но никогда не обольщай себя надеждой,
что форма шара —
истинная форма мира.
Действительно,
мы к шару чувствуем почтение
и даже перед шаром снимем шляпу:
лишь только то высокий смысл имеет,
что узнаёт в своей природе бесконечной.
Шар бесконечная фигура.

— Мне кажется —
я просто дура.
Мне шар напоминает мяч.
Но что такое шар?
Шар деревянный,
просто дерева обрубок.
В нём смысла меньше, чем в полене.
Полено лучше тем,
что в печь хотя бы легче лезет.

Однако я соображаю:
планеты все почти шарообразны.
Тут есть над чем задуматься,
но я бессильна.

— Однако я тебе советую подумать:
чем ниже проявление природы,
тем дальше отстоит оно от формы шара.
Сломай кусок обыкновенного гранита —
и ты увидишь острую поверхность.
Но если ты не веришь мне, голубка,
то ничего тебе сказать об этом больше не могу.

— Ах нет, я верю,
я страдаю,
умом пытаюсь вникнуть в суть.
Но где мне силы взять,
чтоб уловить умом значенье формы.
Я женщина,
и многое сокрыто от меня.
Моя структура предназначена природой
не для раскрытия небесных тайн природы.
К любви стремятся мои руки.
Я слышу ласковые звуки.
И всё на свете мной забыто —
и время конь,
и каждое мгновение копыто.
Всё погибло. Мир бледнеет.
Звезды рушатся с небес.
День свернулся. Миг длиннеет.
Гибнут камни. Сохнет лес.
Только ты стоишь, учитель,
неизменною фигурой.
Что ты хочешь, мой мучитель?
Мой мучитель белокурый?
В твоём взгляде светит ложь.
Ах, зачем ты вынул нож!

6 августа 1933

«Генрих Левин...»

Генрих Левин
ты цветок
и света удивительный поток
летит из глаз твоих на вещи
и в этом свете мир мы видим резче.
Ты первый двигатель как раз.
Смотри пожалуйста на нас.
Ты колокол воздушных токов
ты человек лишённый всех пороков.

<13 августа 1933>

Знак при помощи глаза

Вот Кумпельбаков пробегает,
держа на палке мыслей пук.
К нему Кондратьев подбегает,
издав губами странный звук.

Тут Кумпельбаков сделал глазом
в толпу направо дивный знак.
Упал в траву Кондратьев разом
и встать не мог уже никак.

Смеётся громко Кумпельбаков.
Лежит Кондратьев точно сор.
От глаза лишь неожиданных знаков
какой случается позор!

21 августа 1933

«Мчится немец меж домами...»

Мчится немец меж домами
мчится в бархатных штанах
мчится быстро в гости к маме
в город славный Штаккельнах.

немца кудри черно-буры
грозди глаз его блестят
по бокам его кабуры
бьют по крупу и свистят

по бокам его кобуры
бьют коня в тяжелый круп
немец немец от натуры
ловок, смел, суров и груб.

гвозди глаз его так хмуры
точно снится немцу сон
по бокам его кобуры
испускают страшный звон.

люди в страхе рассуждают:
кто сей всадник? объясните!
в нас, от страха, мысли тают,
рвутся нервов наших нити.

Немцу жизнь как игрушка

немцу пища невдомёк
вот вдали стоит избышка
светит в окнах огонёк.

21 августа <1933>

О.Л.С

Лес качает вершинами,
люди ходят с кувшинами,
ловят из воздуха воду.
Гнётся в море вода.
Но не гнется огонь никогда.
Огонь любит воздушную свободу.

<21 или 22 августа> 1933

«Из воздухоплавательного парка...»

Из воздухоплавательного парка
бежит с восторгом фермоплаз.
блестит Юпитер. Звёздам жарко.
К трубе подносит Клумбов глаз.
Огромной силы приближенье
увидел Клумбов сквозь трубу.
Звёзд бесконечное движенье
планет безумный танец
фу ослепительно

<Август 1933>

«Где ты?..»

Где ты?
Я тут.
А где твоя подруга?
Подруга в гости не пришла.
А где твоя большая книга?
А книга спрятана в шкапу.
Зачем ты книгу спрятал в шкаф?
Ах, просто по ошибке.
Я вытирал со стула пыль
мохнатой тряпкой.
Смотрю летают мухи
около еды.
и оставляют разные, паршивые следы
на разных, дорогих предметах.

<24 августа 1933>

«Молчите все!..»

Молчите все!
А мне молчать нельзя:
я был однажды в Англии, друзья.
Передо мной открылся пир:
сидело сорок человек
на креслах стиля пол-ампир,
прекрасно приспособленных для нег.
Зал освещало электричество.
Я вижу: вдруг Его Величество,
рукой мантилью скинув с плеч,
произнести готово речь.
Тут сразу мухи полетели,
производя особый шум,
а все испуганно глядели
и напрягали тщетно ум.
Вдруг входит в зал в простой накидке
какой-то странный гражданин
и, королю дав под микитки,
садится мрачно в цеппелин,
и, заведя рукой пружину,
ногами быстро жмёт педаль,
и направляет вверх машину,
и улетает быстро вдаль.
Сначала все остолбенели:
не слышно было вдоха.
Потом тарелки зазвенели,
и поднялась ужасная суматоха.
Король зубами грыз подушки,
то в стену стучал кулаком,
то, приказав стрелять из пушки,
скакал в подштанниках кругом,
то рвал какую-то бумагу,
то, подскочив неожиданно к флагу,
срывал его движеньем воли,
то падал вдруг от страшной боли.

24 августа 1933

«жил был в доме тридцать три единицы...»

Жил-был в доме тридцать три единицы
человек, страдающий болью в пояснице.
Только стоит ему съесть лук или укроп,
валится он моментально, как сноп.
Развивается боль в правом боку,
человек стонет: «Я больше не могу!
Погибают мускулы в непосильной борьбе.

Откажите родственнику карабе...»
 И так, слово какое-то не досказав,
 умер он, пальцем в окно показав.
 Все присутствующие тут и наоборот
 стояли в недоумении, забыв закрыть рот.
 Доктор с веснушками возле губы
 катал по столу хлебный шарик при помощи медицинской
 трубы.
 Сосед, занимающий комнату возле уборной
 стоял в дверях, абсолютно судьбе покорный.
 Тот, кому принадлежала квартира,
 гулял по коридору от прихожей до сортира.
 Племянник покойника, желая развеселить собравшихся гостей
 кучку,
 заводил граммофон, вертя ручку.
 Дворник, раздумывая о привратности человеческого
 положения,
 заворачивал тело покойника в таблицу умножения.
 Варвара Михайловна шарила в покойничком комодe
 не столько для себя, сколько для своего сына Володи.
 Жилец, написавший в уборной «пол не марать»,
 вытягивал из-под покойника железную кровать.
 Вынесли покойника, завернутого в бумагу,
 положили покойника на гробовую колымагу.
 Подъехал к дому гробовой шарабан.
 Забил в сердцах тревогу громовой барабан.

1933

Часовой и Барбара

Запутался в системах черных знаков
 И помощи не вижу. Мир шатается.

Часовой :

Теперь я окончательно запутался.
 Не нужен ум и быстрая смекалка?
 Я в мыслях щепки нахожу,
 а в голове застряла палка,
 отсохли ноги на посту,
 из рук винтовка падает...
 Пройдешь с трудом одну версту,
 и мир тебя не разует.
 Я погиб и опустился,
 бородой совсем оброс,
 в кучу снега превратился, победил меня мороз.

Барбара :

Часовой!

Часовой :

Гу-гу!

Барбара :

Часовой!

Часовой :

Гу-гу!

Барбара :

Часовой!

Часовой :

Гу-гу!

Барбара :

Я замерзаю!

Часовой :

Обожди, помогу!
Обожди мою подсобу.

Барбара :

Что же ты медлишь?

Часовой :

Я из будки вылезаю.

Барбара :

Ах, спаси мою особу!

Часовой :

Двигай пальцы на ногах,
чтоб они не побелели.
Где ты?

Барбара :

Гибну!

Часовой :

Гибнешь?

Барбара :

Ах!

Часовой :

Тут погибнешь в самом деле!

Барбара :

Уж и руки, словно плеть...

Часовой :

Тут недолго околеть.
Эка стужа навернула!
Так и дует и садит!
Из-за каждой снежной горки
зимних бурь встают подпорки,
ходят с треском облака,
птица в тоненьком кафтане
гибнет, крылышки сложив...
Если я покуда жив,
то шинель меня спасала
да кусок свиного сала.

Барбара :

Отмерзают руки-ноги,
снежный ком вползает в грудь.
Помогите, люди-боги,
помогите какнибудь!

Часовой :

Ну чего тебе, злодейка?
Эка баба закорюка!
Ну и время! Вот скамейка.
Посижу — да покурю-ка.

<август> 1933

«О том никто не скажет фразы...»

О том никто не скажет фразы
что не имеет, как Венера, фазы
К тому никто не стукнет в дверь

кто с посетителем как зверь

1 сентября 1933

«Я понял будучи в лесу...»

Я понял, будучи в лесу:
вода подобна колесу.
Так вот послушайте. Однажды
я погибал совсем от жажды,
живот водой мечтал надуться.
Я встал,
и ноги больше не плетутся.
Я сел,
и в окна льется свет.
Я лег,
и мысли больше нет.

2 сентября 1933

«подбегает он ко мне...»

Подбегает он ко мне
говорит: «останься тут»
подъезжает на коне
он под мышкой держит кнут.
Говорит: «останься здесь»
он подходит зол и пешь
с головы до пяток весь
улыбнувшись молвил: «ешь».

<2 сентября 1933>

«Захлопнув сочиненья том...»

Захлопнув сочиненья том
я целый день сидел с открытым ртом.
прочтя всего пятнадцать строк
я стал внезапно к жизни строг.

<Сентябрь 1933>

Приказ лошадям

Для быстрого движенья
по шумным площадям
пришло распоряженье

от Бога к лошадям:
скачи всегда в позиции
военного коня,
но если из милиции
при помощи огня
на тросе вверх подвешенном
в коробке жестяной
мелькнет в движении бешеном
фонарик над стеной,
пугая красной вспышкой
идущую толпу,
беги мгновенно мышкой
к фонарному столбу,
покорно и с терпением
зеленый жди сигнал,
борясь в груди с биением,
где кровь бежит в канал
от сердца расходящийся
не в виде тех кусков
в музее находящихся,
а виде волосков,
и сердца трепетание
удачно поборов,
пустись опять в скитание
покуда ты здоров.

3 сентября 1933

«Вошла Елизавета...»

Вошла Елизавета
в большой, прекрасный дом
центрального Совета.
Вошла с открытым ртом.

<сентябрь 1933>

О водяных кругах

Нуль плавал по воде.
Мы говорили: это круг,
должно быть, кто-то
бросил в воду камень.

Здесь Петька Прохоров гулял —
вот след его сапог с подковками.
Он создал этот круг.
Давайте нам скорей картон и краски,
мы зарисуем Петькино творенье.
И будет Прохоров звучать, как Пушкин.

И много лет спустя
подумают потомки:
«Вот Прохоров когда-то,
должно быть, славный был художник».

И будут детям назидать:
«Бросайте, дети, в воду камни.
Рождает камень круг,
а круг рождает мысль.
А мысль, вызванная кругом,
зовет из мрака к свету нуль».

«На коня вскочил и в стремя...»

На коня вскочил и в стремя
ногу твёрдую вонзил
Пётр Келлер. В это время
сверху дождик моросил.
С глазом шорою прикрытым
в нетерпенье конь плясал
и подкованным копытом
дом и площадь потрясал.
На крыльце Мария с внуком
тихо плакали в платок,
и сердца их громким стуком
отражались в потолок.

25 сентября 1933

Подруга

На твоём лице, подруга,
два точильщика-жука
начертили сто два круга
цифру семь и букву К.

Над тобой проходят годы,
хладный рот позеленел,
лопнул глаз от злой погоды,
в ноздрях ветер зазвенел.

Что в душе твоей творится,
я не знаю. Только вдруг
может с треском раствориться
дум твоих большой сундук.

И тогда понятен сразу
будет всем твой сладкий сон.

И твой дух, подобно газу,
из груди умчится вон.

Что ты ждешь? Планет смятенья
иль движенье звездных толп?
или ждешь судеб смятенья,
опершись рукой на столб?

Или ждешь, пока желанье
из небес к тебе слетит
и груди твоей дыханье
мысль в слово превратит?

Мы живем не полным ходом,
не считаем наших дней,
но минуты с каждым годом
все становятся длинней.

С каждым часом гнев и скупость
ловят нас в свой мрачный круг,
и к земле былая глупость
опускает взоры вдруг.

И тогда, настроив лиру
и услышав лиры звон,
будем петь. И будет миру
наша песня точно сон.

И быстрее помчатся реки,
И с высоких берегов
будешь ты, поднявши веки
бесконечный ряд веков

Наблюдать холодным оком
нашу славу каждый день.
и на лбу твоём высоком
никогда не ляжет тень.

1933

Карпатами — горбатыми

Всю покорив Азию
На метле теперь несусь над Карпатами.
Деревяшка лесная к земле пригнулась
Хромая старуха бежит за цыплёнком
Длинной ногой через лужи скачет
А короткой семенит по травке

Всю покорив Азию
На метле теперь несусь над Карпатами

Треплет ветер колпак на моем затылке
Режет ветер ноздри мне
Под рубашку залетает
Раздувает рукава
Вон гора на моем пути
Палкой гору моментально сокрушаю
Орла тюкнул по голове палкой
Он вниз полетел как бумажка
Хлоп! Воробей в моём кулаке
Ногами болтаю.
Горный воздух глотаю.
Летит моё тело.
Какое мне дело

<1933>

«Когда умно и беспристрастно...»

Когда умно и беспристрастно
в моём отшельническом доме
я сумасшедшими руками
хватаю муху за крыло
меня понять никто не в силах.
Прости природа мой поступок
прости невинное желанье
прости неведение моё.

<14 октября 1933>

Постоянство веселья и грязи

Вода в реке журчит, прохладна,
И тень от гор ложится в поле,
и гаснет в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях.
А дворник с черными усами
стоит всю ночь под воротами,
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо,
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают.
А дворник с черными усами
стоит года под воротами,
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.

И в окнах слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили.
Движение сделалось тягучим,
и время стало, как песок.
А дворник с черными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

14 октября 1933

Сладострастная торговка

Одна красивая торговка
с цветком в косе, в расцвете лет,
походкой лёгкой, гибко, ловко
вошла к хирургу в кабинет.
Хирург с торговли скинул платье;
увидя женские красы,
он заключил её в объятья
и засмеялся сквозь усы.
Его жена, Мария Львовна,
вбежала с криком «Караул!»,
и через пол минуты ровно
хирурга в череп ранил стул.
Тогда торговка, в голом виде,
свой организм прикрыв рукой,
сказала вслух: «К такой обиде
я не привыкла...» Но какой
был дальше смысл её речей,
мы слышать это не могли.
журчало время как ручей.
темнело небо. И вдали
уже туманы шевелились
над сыном лет — простором степи
и в миг дожди проворно лились,
ломая гор стальные цепи.
Хирург сидел в своей качалке,
кусая ногти от досады.
Его жены волос мочалки
торчали грозно из засады,
и два блестящих глаза
его просверливали взглядом;
и, душу в день четыре раза
обдав сомненья чёрным ядом,
гасили в сердце страсти.

Сидел хирург уныл,
и половых приборов части
висели вниз, утратив прежний пыл.
А ты, прекрасная торговка,
блестя по-прежнему красой,
ковра касаясь утром ловко
своею ножкою босой,
стоишь у зеркала нагая.
А квартирант, подкравшись к двери,
увидеть в щель предполагая
твой организм, стоит. И звери
в его груди рычат проснувшись,
а ты, за ленточкой нагнувшись,
нарочно медлишь распрямиться.
У квартиранта сердце биться
перестаёт. Его подпорки,
в носки обутые, трясутся;
колени бьют в дверные створки;
а мысли бешено несутся.
И гаснет в небе солнца луч.
и над землёй сгущенье туч
свою работу совершает.
И гром большую колокольню
с ужасным треском сокрушает.
И главный колокол разбит.
А ты, несчастный, жертва страсти,
глядишь в замок. Прекрасен вид!
И половых приборов части
нагой торговли блещут влагой.
И ты, наполнив грудь отвагой,
вбегаешь в комнату с храпением,
в носках бежишь и с нетерпением
рукой прорешку открываешь,
и вместо речи — страшно лаешь.
Торговка ножки растворила,
ты на торговку быстро влез,
в твоей груди клохочет сила,
твоим ребром играет бес.
В твоих глазах летают мухи,
в ушах звенит орган любви,
и нежных ласк молодые духи
играют в мяч в твоей крови.
И в растворённое окошко,
расправив плащ, влетает ночь.
и сквозь окно большая кошка,
поднявши хвост, уходит прочь.

14-17 октября 1933

«осень быстро наступает...»

Осень быстро наступает
в небе солнце не блестит
в окна муха не влетает
в рощах птица не свистит.

Старуха

Года и дни бегут по кругу.
Летит песок; звенит река.
Супруга в дом идет к супругу.
Седеет бровь, дрожит рука.
И светлый глаз уже слезится,
На все кругом глядя с тоской.
И сердце, жить устав, стремится
Хоть б в земле найти покой.
Старуха, где твой черный волос,
Твой гибкий стан и легкий шаг?
Куда пропал твой звонкий голос,
Кольцо с мечом и твой кушак?
Теперь тебе весь мир несносен,
Противен ход годов и дней.
Беги, старуха, в рощу сосен
И в землю лбом ложись и тлей.

20 октября 1933

Берег и я

Здравствуй берег быстрой реки!
мы с тобой не старики,
нам не надо разных каш,
хлеб и мясо завтрак наш.

Наша кровля, дым и снег,
не стареет каждый миг;
наша речка лента нег,
наша печка грудa книг.

Мы с тобой, должно быть, маги,
разрушаем время песней,
от огня и нежной влаги
все становится прелестней.

Берег, берег быстрой реки!
мы с тобой не старики.
Нам не сорок, как другим.
Нашим возрастом благим
мы собьём папаху с плеч.
Вот и всё. Я кончил речь.

1930–1933?

«Петр выходит с ружьём из ворот...»

Пётр выходит с ружьём из ворот
Птицы летят звеня перьями
Клим Логофет открывает свой рот
Полон глухими поверьями.
Чтобы вспомнить слова позабытых рагат
Повернул Логофет свои взоры назад

<1933>

«Колесо радости жено...»

Колесо радости жено
глупости каша мать
напоим тебя
напоим тебя
а если хочешь
накормим тебя.

Ты открыл уже зубы свои
расчесал на пробор волосы ты
подбежал ко мне
подбежал ко мне
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города города Кыбаду
города Кыбаду милый мой человек по имени Пётр.

Мельница смеха весло
машинка румянца пень
о суп выражений твоих
о палочки рук твоих
о шапочки плеч твоих
о кушачки жен твоих
отойди от меня Пётр
отойди от меня человек по имени Пётр
отойди от меня мастер Пётр.

<июль? 1933>

Кустов и Левин

Кустов :

Генрих Левин
в твоём глазу

я видел гибкую лозу
она качалась как цветок
и света удивительный поток
летит из глаз твоих на вещи.

Левин :

Не знаю так ли в самом деле.
Мои глаза всегда глядели
На мир спокойно без помех.
Я ухом слышу чей-то смех.
Не над моими ли словами?
Мне неприятно спорить с вами.

Кустов :

Однако в чём ты видишь спор.
В твоих речах я вижу удивительный напор.

<1933>

«А ну скажи...»

А ну скажи:
какая сила
вбивает в землю кол?
Сидит на ярмарке могол
и держит слабую дощечку.
куда приткнуться человеку
когда погнут, разбит и сломан
его несчастный организм?

<1933>

«Я влюблена в тебя...»

Я влюблена в тебя.
ты видишь я страдаю.
и каждый день грозит во мне
исчезнуть красота.
Я подхожу к тебе особенной походкой
стараясь выглядеть упругой
Я сплю и сон коварный
твой образ длительно не держит
предо мной.

и я влюблён и я страдаю
исчезло всё и только Нина
собой во всём отражена

Исчезло всё и только Нина
одна владычица моя
передо мной стоит богиня
улыбкой в храм войти маня

и я к ногам её повержен
о Нина ты любви дворец.
один лишь вздох и я отвержен
и выстрел в сердце мой конец.

исчезло всё и только Нина
меня пленяет каждый миг
передо мною как богиня
она стоит, и чудный лик
склонив ко мне и грустным взглядом
питает бурно страсть мою
сама Эсфирь с тобою рядом
не превзойдёт красу твою.

<1933>

«почему любовный фибр...»

Почему любовный фибр
каждый миг меня трясёт
и в толпу девичьих игр
страстный вихрь<ь> меня несёт

удержаться нет сил боле
с диким рёвом точно лев
я несусь туда где в море
плещат груди чудных дев

<1933>

«Положи к моим ногам трофей...»

Положи к моим ногам трофей
Прикажи меня бросать на воздух
Ты охотник, я же скромный житель
Города. Лес меня пугает
Страшно мне смотреть в кусты
Если ветка шевелится я бледнею
Может ветер ветку шевелит,
А может зверь. Или дух лесной
А может птица.
Если птица, я возьму ружьё,
Заряжу его коварной дробью

<1933>

«От Невы поднимается пар...»

От Невы поднимается пар
начинается ба ба бар

Над Невой пролетает колонна мух
полняется в городе мрачный слух

<1933>

«я сделал шаг и вдруг назад...»

я сделал шаг и вдруг назад
бегом пустился в Летний сад.
в саду поднявшись со скамейки
девица шла в берете белом
прямая в верх как по линейке
она играла своим телом.

(Ее догнать моя забота
Бегу вперед изныв от пота
А солнце греет мозжечок
И все прохожие распарены.
И даже старый старичок
Сидел дел на солнце
в виде человеческой развалины.)

<1933>

«открыв наук зелёный том...»

Открыв наук зелёный том
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку.
науки втянут нас в беду
возьмёмтесь лучше за еду.

<1933>

«Птичка с маленькой головкой...»

Птичка с маленькой головкой
о чём так жалобно свистишь?
что ты землю бьешь подковкой?
что ты кверху не летишь?

птичка с маленькой головкой
залетела к нам в окно
с этой маленькой плутовкой
мы знакомы так давно.

прошлый год в начале Марта
мы сидели в лесу густом
вдруг летит как легкая карта
птичка с маленьким хвостом.

птичка с маленькой головкой
выше облака летить
человек идёт с винтовкой
птичку пулей застрелить.

<1933>

«На паровом тромбоне мы играли...»

На паровом тромбоне мы играли
нам жизнь казалась колосом.
Иван Петрович Пятаков
глядел на небо сквозь трубу

Иван Петрович Пятаков
играл на паровом тромбоне
как пуля в ухо звук летел
Иван Петрович поглядел
в тетрадку с нотами и грянул
такой стремительный галоп,
что звук летел как пуля в лоб.

<1933>

«Луиза!...»

Луиза!
Ты моё пристанище
Ты небесный лампион
Ты кораблик с мачтой-пикой
Ты воздушная струя
Ты коробочка с цветочком
Ты бубенчик на шлее

Луиза!
Стань передо мной на стул
Стань на бочку из под яблок
Стань с подсвечником на шляпе
Стань с метёлочкой в зубах

Стань со звёздочкой во взоре
Стань с пером на голове

Луиза!
Покажи мне карту мира покажи мне

<1930–1933>

«Пульхиреев и Дроздов...»

Пульхиреев и Дроздов
Вместе ехали в Ростов.
Пульхиреев на картоне.
Ехал вывернув ладони.

«вода внизу отразила всё то, что наверху...»

Вода внизу отразила все то, что наверху.
Вход закрыт.
Только тому, кто вышел из воды и чист, откроется вход.
Путник идет по зеленому саду.
Деревья, трава и цветы делают свое дело.
И во всем натура.
Вот огромный камень кубической формы.
А на камне сидит и повелевает натурой.
Кто знает больше, чем этот человек?

«Легкомысленные речи...»

Легкомысленные речи
за столом произносив,
я сидел, раскинув плечи,
неподвижен и красив.

<1930–1933?>

«Ветер дул, текла вода...»

Ветер дул. Текла вода.
Пели птицы. Шли года.
А из тучи к нам на землю
падал дождик иногда.
Вот в лесу проснулся волк
фыркнул, крикнул и умолк
а потом из лесу вышел

злых волков огромный полк.
Старший волк ужасным глазом
смотрит жадно из кустов
Чтобы жертву зубом разом
разорвать на сто кусков.
Темным вечером в лесу
я поймал в капкан лису
думал я: домой приеду
лисью шкуру принесу.

12 августа 1933

1934

«Человек свою фигуру...»

Человек свою фигуру
Носит бодро целый день.
И душой свою натуру
Побеждать ему не лень.
Но лишь только ночь сгустится,
Деревенеют ноги вдруг,
И в постель рука стремится,
И противно все вокруг.
Прочь летит сапог скрипучий,
Пояс падает, звеня.
И пиджак суконной тучей
Отлетает от меня.
Отлетает от меня...

Баня

Баня — это отвратительное место.
В бане человек ходит голым.
А быть в голом виде человек не умеет.
В бане ему некогда об этом подумать,
ему нужно тереть мочалкой свой живот
и мылить под мышками.
Всюду голые пятки
и мокрые волосы.
В бане пахнет мочой.
Веники бьют ноздреватую кожу.
Шайка с мыльной водой —
предмет общей зависти.
Голые люди дерутся ногами,
стараясь пяткой ударить соседа по челюсти.
В бане люди бесстыдны,
и никто не старается быть красивым.

Здесь всё напоказ,
и отвислый живот,
и кривые ноги,
и люди бегают согнувшись,
думая, что этак приличнее.
Недаром считалось когда-то, что баня
служит храмом нечистой силы.
Я не люблю общественных мест,
где мужчины и женщины порознь.
Даже трамвай приятнее бани.

13 марта 1934

«Царь вселенной...»

Царь вселенной,
Царь натуры,
Царь безымянный,
не имеющий даже определённой фигуры.
приходи ко мне в мой дом
будем водку вместе жрать
лопать мясо, а потом
о знакомых рассуждать.
может божеский автограф
поднесёт мне твой визит,
или может быть фотограф
твой портрет изобразит.

27 марта 1934

«Я к тебе несусь владыка...»

Я к тебе несусь владыка
полон страсти и младыка
покажи мне воду некую.
Я в кувшине не кумекаю
ветка ветра веселёха
распушила хвост рулевой тучи
серая лепёха груди около лети
это вымпел нулевой вехи
ветхого пути. Посмотри
как я парю над над озером
избегая капканы смерти
знать уж скоро выйдут с мозером
отмечать секунды черти.

«Жили в Киеве два друга...»

Жили в Киеве два друга
Удивительный народ
Первый родиной был с юга
А второй — наоборот
Первый страшный был обжора
А второй был идиот.
Первый умер от запора
А второй — наоборот.

Романс

Безумными глазами он смотрит на меня —
Ваш дом и крыльцо мне знакомы давно.
Темно-красными губами он целует меня —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Он принес мне букет темно-красных гвоздик —
Ваше строгое лицо мне знакомо давно.
Он просил за букет лишь один поцелуй —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Своим пальцем в черном кольце он коснулся меня —
Ваше темное кольцо мне знакомо давно.
На турецкий диван мы свалились вдвоем —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Безумными глазами он смотрит на меня —
О, потухнете, звезды! и луна, побледней!
Темно-красными губами он целует меня —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Даниил Дандан
1 октября 1934

Что делать нам?

Когда дельфин с морским конём
игру затеяли вдвоём,
о скалы бил морской прибой
и скалы мыл морской водой.
Ревела страшная вода.
Светили звёзды. Шли года.

И вот настал ужасный час:
меня уж нет, и нету вас,
и моря нет, и скал, и гор,
и звёзд уж нет; один лишь хор
звучит из мёртвой пустоты.
И грозный Бог для простоты

вскочил и сдунул пыль веков,
и вот, без времени оков,
летит один себе сам друг.
И хлад кругом и мрак вокруг.

15 октября 1934

«Горох тебе в спину...»

Горох тебе в спину.
Попади тебе булыжник
под лопатку.
Падай, падай.
Без движенья
на земле,
раскинув руки,
отдохни.
Много бегал,
утомился.
Ноги стали волочиться.
Взор стеклянный
перестал метать копье
в глубь предметов.
Сядь на стул —
зажги сигару.
Это лучше,
чем лежать, раскинув руки,
на земле.
Посмотри —
на небе солнце,
в светлом воздухе летают
птицы,
на цветах сидят стрекозы
и жуки.
Вон горох, к тебе летящий,
только спину пощекотит,
а булыжник от лопатки,
будто мячик, отлетит.
Встань, встань.
Подойди походкой твёрдой
к центру мира,
где волна реки Батобр
пни срывает с берегов
и на камне умный бобр
держит рыбу меж клыков.
Люди, звери и предметы
ниц падут перед тобой,
и на лбу твоём высоком
вспыхнет яркий лампийон.

23 января 1934

«Стоит средь волн морских пустынный остров...»

Стоит средь волн морских пустынный остров
Над ним скалы громадный остов
Путь ветру лбом пересекает
Порой искрится и сверкает
Порой пустынна и гола
Стоит над морем чёрная скала
И волны дохлых рыб несут к её откосам.

Морские воды разрезая носом
Шёл пароход. Команда пела.
Летела чайка. Солнце грело.
И человек в штурвальной рубке
Смотрел кругом, пуская дым из трубки

Спокойно море. Кое-где мелькнёт акула
Ударит по волне хвостом
И вновь исчезнет. Кое-где
Подскочит рыбка. Чайка рыболов
Её тотчас же на лету хватает клювом.

Другая чайка к ней спешит
И выхватив добычу ловко
Из клюва медленной соперницы
Шумит крылом
И прочь летит.

И вслед разбойнице глядит
Голодным взором чайка рыболов.
И снова скачет рыбка меж валов.
Команда весело смеётся
И по морским волнам домой
Весёлый пароход несётся
И воду пенит за кормой

Сгустились тучи на востоке
Барашки по морю бегут
Бормочет штурман: «будет буря
Придётся нам ослабить блоки
И трубы сбить. Не то капут.
Я знаю будет страшный бой»
И бровь косматую нахмуря
На волн игру глядит перед собой

Свежеет ветер. Бьются снасти.
У волн морских всё больше власти
Всё выше вал. всё больше пены
Бежит на грустный вой сирены
Команда быстро по местам

Из трубки выбив прочь табак
Промолвил штурман: «сто собак
И двести кошек не отдам
За то, что гром сейчас не грянет».
Промолвил штурман. Да как взглянет
Перед собой на волн игру
И видит страшную скалу

Торчит скала земли сучёк
А под скалой земли клочёк
У моря бурного в плену
Никем не веданный. К нему
Летит волна, за ней другая,
И ветер чайку кувырка
Как пух по воздуху несёт
И вдруг с размаха обзёмь бьёт

<1934>

Обращение учителей к своему ученику графу Дэкнру

Мы добьёмся от тебя полезных знаний,
Сломаем твой упрямый нрав.
Расчёт и смысл научных зданий
В тебя из книг напустим, граф.
Тогда ты сразу всё поймёшь
И по-иному поведёшь
Свои нелепые порядки.
Довольно мы с тобой, болван, играли в прятки —
Всё по-другому повернём:
Что было ночью, станет днём.
Твоё бессмысленное чтение
Направим сразу в колею,
И мыслей бурное кипенье
Мы превратим в наук струю.
От женских ласковых улыбок
Мы средство верное найдём,
От грамматических ошибок
Рукой умелой отведём.
Твой сон, беспутный и бессвязный,
Порою чистый, порою грязный,
Мы подчиним законам века,
Мы создадим большого человека.
И в тайну материалистической полемики
Тебя введём с открытыми глазами,
Туда, где только академики
Сидят, сверкая орденами.
Мы приведём тебя туда,
Скажи скорей нам только: да.
Ты среди первых будешь первым.
Ликует мир. Не в силах нервам

Такой музыки слышать стон,
И рёв толпы, и звон литавров,
Со всех сторон венки из лавров,
И шапки вверх со всех сторон.
Крылами воздух рассекая,
Аэроплан парит над миром.
Цветок, из крыльев упавая,
Летит, влекомый прочь эфиром.
Цветок тебе предназначался.
Он долго в воздухе качался,
И, описав дуги кривую,
Цветок упал на мостовую.
Что будет с ним? Никто не знает.
Быть может, женская рука
Цветок, поднявши, приласкает.
Быть может, страшная нога
Его стопой к земле придавит.
А может, мир его оставит
В покое сладостном лежать.
Куда идти? Куда бежать,
Когда толпа кругом грохочет
И пушки дымом вверх палят?
Уж дым в глазах слезой щекочет
И лбы от грохота болят.
Часы небесные сломались,
И день и ночь в одно смешались.
То солнце, звёзды иль кометы?
Иль бомбы, свечи и ракеты?
Иль искры сыплются из глаз?
Иль это кончен мир как раз?
Ответа нет. Лишь вопль, и крики,
И стон, и руки вверх, как пики.

Так знай! Когда приходит слава,
Прощай спокойствие твоё.
Она вползает в мысль, и, право,
Уж лучше не было б её.
Но путь избран. Сомненья нет.
Доверься нам. Забудь мечты.
Пройдёт ещё немного лет,
И вечно славен будешь ты.
И, звонкой славой упоённый,
Ты будешь мир собой венчать,
И бог тобою путь пройденный
В скрижалях будет отмечать.

1934

«Девница, женщина, жена, вдова, дитя и Марфа...»

Девница, женщина, жена, вдова, дитя и Марфа

пугались Римы глаза кар
кого прикрыла тетя арфа
бледнели щёки с плечь сходил загар
кого тянула посмотреться в доску
щемила в рёбрах благодать
и дети чуя тоску
садились на кровать

<1933–1934>

1935

«Деньги время берегут...»

Деньги время берегут
люди к поезду бегут
громко колокол гудит
паровоз уже дудит
морду поднял семафор
поезд поднял разговор
слышен стали грустный стон —
звон вагона об вагон
и поддакивание шпал —
значит поезд побежал.
Быстро дышит паровоз
дама дремлет спрятав нос
лампа в пол бросает свет
спит военный — впрочем нет —
он лишь в даму сотый раз
устремляет светлый глаз
на него взглянуть велит.
Дама ножкой шевелит.

1 января 1935 г.

Зарождение нового дня

Старик умелою рукою
Пихает в трубочку табак.
Кричит кукушка над рекою,
В деревне слышен лай собак.

и в гору медленно вползая
Скрипит телега колесом,
Возница воздух рассекая
Махает сломанным кнутом

И в тучах светлая Аврора
Сгоняет в дол ночную тень.

Должно быть очень очень скоро
Наступит новый, светлый день.

16 января 1935

Размышление о девице

Прийдя к Липавскому случайно,
Отметил я в уме своем:
Приятно вдруг необычайно
Остаться с девушкой вдвоем.

Когда она пройдет воздушной
Походкой — ты не говоришь;
Когда она рукой послушной
Тебя коснется — ты горишь;

Когда она слегка танцуя
И ножкой по полу скользя
Младую грудь для поцелуя
Тебе подставит, — то нельзя

Не вскрикнуть громко и любезно,
С молодой груди пылинку сдуть,
И знать, что молодую грудь
Устами трогать бесполезно.

21 января 1935

Физик, сломавший ногу

Маша моделями вселенной,
выходит физик из ворот.
И вдруг упал, сломав коленный
сустав. К нему бежит народ.
Маша уставами движенья,
к нему подходит постовой.
Твердя таблицу умноженья,
студент подходит молодой.
Девушка с сумочкой подходит,
старушка с палочкой спешит.
а физик все лежит, не ходит,
не ходит физик и лежит.

23 января 1935

Н.М. Олейникову

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник,

О чем задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гёте — глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, — лишь Бунин твой кумир.

Твой стих порой смешит, порой тревожит чувство,
Порой печалит слух иль вовсе не смешит,
Он даже злит порой, и мало в нем искусства,
И в бездну мелких дум он сверзиться спешит.

Постой! Вернись назад! Куда холодной думой
Летишь, забыв закон видений встречных толп?
Кого дорогой в грудь пронзил стрелой угрюмой?
Кто враг тебе? Кто друг? И где твой смертный столб?

23 января 1935

(Следующие строфы были вычеркнуты Хармсом.)

Вот сборище друзей, оставленных судьбою:
Противно каждому другого слушать речь;
Не прыгнуть больше вверх, не стать самим собою,
Насмешкой колкою не скинуть скуки с плеч.

Давно оставлен спор, ненужная беседа
Сама заглохла вдруг, и молча каждый взор
Презреньем полн, копьём летит в соседа,
Сбивая слово с уст. И молкнет разговор.

Неизвестной Наташе

Скрепив очки простой веревкой, седой старик читает книгу.
Горит свеча, и мглистый воздух в страницах ветром шелестит.
Старик, вздыхая гладит волос и хлеба черствую ковригу,
Грызет зубов былых остатком и громко челюстью хрустит.

Уже заря снимает звезды и фонари на Невском тушит,
Уже кондукторша в трамвае бранится с пьяным в пятый раз,
Уже проснулся невский кашель и старика за горло душит,
А я стихи пишу Наташе и не смыкаю светлых глаз.

23 января 1935

На посещение писательского дома 24 января 1935 года

Когда оставленный судьбою
Я в двери к вам стучу друзья
Мой взор темнеет сам собою
И в сердце стук унять нельзя
Быть может радости движенья

Я вам собой не принесу
В груди, быть может, униженья
Насмешек ваших не снесу
Быть может приговор готовый
Моих друзей гремел не раз
Что я в беде моей суровой
Быть может не достоин вас нелеп
Толпу забот и хлад судеб
<...>

<24 января 1935>

«Однажды утром воробей...»

Однажды утром воробей
ударил клювом в лук-пырей.
И крикнул громко лук-пырей:
«Будь проклят птица-воробей!»
Навеки проклят воробей,
от раны чахнет лук-пырей.
И к ночи в мёртвый лук-пырей
свалился мёртвый воробей.

24 января 1934-35

Антон и Мария

Стучался в дверь Антон Бобров.
За дверью, в стену взор направив,
Мария в шапочке сидела.
В руке блеснул кавказский нож,
часы показывали полдень.
Мечты безумные оставив,
Мария дни свои считала
и в сердце чувствовала дрожь.
Смущен стоял Антон Бобров,
не получив на стук ответа.
Мешал за дверь взглянуть тайком
в замочной скважине платок.
Часы показывали полночь.
Антон убит из пистолета.
Марию нож пронзил. И лампа
не светит больше в потолок.

26 января 1935?

Страшная Смерть

Однажды один человек, чувствуя голод, сидел за столом и ел

котлеты,

А рядом сидела его супруга и все говорила о том, что в котлетах мало свинины.

Однако он ел, и ел, и ел, и ел, и ел, покуда не почувствовал где-то в желудке смертельную тяжесть.

Тогда, отодвинув коварную пищу, он задрожал и заплакал.

В кармане его золотые часы перестали тикать.

Волосы вдруг у него посветлели, взор прояснился,

Уши его упали на пол, как осенью падают с тополя желтые листья,

И он скоропостижно умер.

апрель 1935

На смерть Казимира Малевича

Памяти разорвав струю,

Ты глядишь кругом, гордостью сокрушив лицо.

Имя тебе — Казимир.

Ты глядишь, как меркнет солнце спасения твоего.

От красоты якобы растерзаны горы земли твоей.

Нет площади поддержать фигуру твою.

Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!

Что ты, человек, гордостью сокрушил лицо?

Только мука — жизнь твоя, и желание твое — жирная снесь.

Не блестит солнце спасения твоего.

Гром положит к ногам шлем главы твоей.

Пе — чернильница слов твоих.

Трр — желание твое.

Агалтон — тощая память твоя.

Ей, Казимир! Где твой стол?

Якобы нет его, и желание твое — Трр.

Ей, Казимир! Где подруга твоя?

И той нет, и чернильница памяти твоей — Пе.

Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,

Пятьдесят минут простучало в сердце твоём,

Десять раз протекла река пред тобой,

Прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.

«Вот штука-то», — говоришь ты, и память твоя — Агалтон.

Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.

Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего,

Исчезает память твоя и желание твое — Трр.

Даниил Хармс-Шардам.

17 мая 1935

«Господи пробуди в душе моей пламень Твой...»

Господи пробуди в душе моей пламень Твой.

Освети меня Господи солнцем Твоим.

Золотистый песок разбросай у ног моих,
чтобы чистым путем шел я к Дому Твоему.
Награди меня Господи Словом Твоим,
чтобы гремело оно, восхваляя Чертог Твой.
Поверни Господи колею живота моего,
чтобы двинулся паровоз могущества моего.
Отпусти Господи тормоза вдохновения моего.
Успокой меня Господи
и напои сердце моё источником дивных Слов Твоих.

Марсово Поле, 13 мая 1935

Небо

Настало утро.хлопотливый
Уже встаёт над миром день.
Уже в саду под белой сливой
Ложится чёрным кругом тень.

Уже по радио сигналы
Сообщают полдень. На углу
Кричат проворные журналы
О том, что было по утру.

Уже мгновенные газеты
Кричат о том, что было днём,
Дают вечерние советы
Уже проспект блестит огнём.

Уже от пива люди пухнут;
Уже трамваи мчатся прочь;
Уже в квартирах лампы тухнут;
Уже в окно стучится ночь.

Настала ночь. И люди дышат,
В глубоком сне забыв дела.
Их взор не видит, слух не слышит,
Недвижны вовсе их тела.

На чёрном небе звёзды блещут;
Дрожит на дереве листок.
В далёком море волны плещут;
С высоких гор журчит поток.

Кричит петух. Настало утро.
Уже спешит за утром день.
Уже и ночи Брамапутра
Шлет на поля благую тень.

Уже прохладой воздух веет,
Уже клубится пыль кругом.

Дубовый листик, взвившись, реет.
Уже гремит над нами гром.

Уже Невой клокочет Питер,
И ветер вокруг свистит в лесах,
И громоблещущий Юпитер
Мечом сверкает в небесах.

Уже поток небесный хлещет,
Уже вода везде шумит.
Но вот из туч все реже блещет,
Все дальше, дальше гром гремит.

Уже сверкает солнце шаром
И с неба в землю мечет жар,
И поднимает воду паром,
И в облака сгущает пар.

И снова страшный ливень льется,
И снова солнца шар блестит —
То плачет небо, то смеется,
То веселится, то грустит.

17 августа 1935

Первое послание к Марине

За то, что ты молчишь, не буду
Тебя любить, мой милый друг,
И, разлюбив тебя, забуду
И никогда не вспомню вдруг.

Молчаньем, злостью иль обманом
Любовный кубок пролился,
И молчаливым талисманом
Его наполнить вновь нельзя.

Произнеси хотя бы слово,
Хотя бы самый краткий звук,
И вмиг любовь зажжется снова
Еще сильнее к тебе, мой друг.

29 августа 1935

Второе послание к Марине

Я получил твоё посланье,
Да получил.
Я утолил своё желанье,
Да утолил.

Сомнений нет, они далеки,
Пропал их след.
Забудь, забудь мои упреки,
Их больше нет.

Теперь опять я полон силы,
Опять с тобой.
Везде везде твой образ милый
Передо мной.

Теперь опять я полон страсти
К тебе лететь.
Я не имею больше власти
Собой владеть.

Останови, Владыка, ветры
И прекрати!
Сложи, Владыка, километры
И сократи!

19 авг. 1935

Заумная песенка

Милая Фефюлинька
и Филосóf!
Где твоя тетюлинька
и твой келасóf?

Ваши грудки-пúпочки,
ваши кулачки.
Ваши ручки-хрúпочки,
пальчики сучки!

Ты моя Фефюлинька,
куколка-дружок!
Ты моя тетюлинька,
ягодка-кружок.

<1935>

Хорошая песенка про Фефюлю

1

Хоть ростом ты и не высока,
зато изящна как осока.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

2

Твой лик бровями оторочен,
Но ты для нас казиста очень.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

3

И ваши пальчики-колбашки
приятней нам, чем у Латашки.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

4

Мы любим вас и ваши ушки.
Мы приноровлены друг к дружке.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

<1935>

«Если встретится мерзавка...»

Если встретится мерзавка
на пути моём — убью!
Только рыбка, только травка
та, которую люблю.

Только ты, моя Фефюлька,
друг мой верный, всё поймешь,
как бумажка, как свистулька,
от меня не отоидешь.

Я, душой хотя и кроток,
но за сто прекрасных дам
и за тысячу красоток
я Фефюльку не отдам!

<1935>

Марине

Куда Марина взор лукавый
Ты направляешь в этот миг?
Зачем девической забавой
Меня зовешь уйти от книг,
Оставить стол, перо, бумагу
И в ноги пасть перед тобой,
И пить твою младую влагу
И грудь поддерживать рукой.

<1935>

«Засни и в миг душой воздушной...»

Засни и в миг душой воздушной
В сады беспечные войди.
И тело спит, как прах бездушный,
И речка дремлет на груди.
И сон ленивыми перстами
Твоих касается ресниц.
И я бумажными листами
Не шелещу своих страниц.

1935

«Я гений пламенных речей...»

Я гений пламенных речей.
Я господин свободных мыслей.
Я царь бессмысленных красот.
Я Бог исчезнувших высот.
Я господин свободных мыслей.
Я светлой радости ручей.

Когда в толпу метну свой взор,
Толпа как птица замирает
И вокруг меня, как вокруг столба,
Стоит безмолвная толпа.
Толпа как птица замирает,
И я толпу мету как сор.

1935?

«Тебе дано меня боготворить (а это дар небесный)...»

Тебе дано меня боготворить (а это дар небесный),
А дар небесный, это, надо думать, дар святой.
Да, я конечно очень очень очень очень интересный
И даже очень очень очень очень развитой.

Писать без промаха какое наслаждение!
Потом читать написанное вслух.
Да, это лучшее время препровождение
Когда участвуют зараз и плоть и дух.

Тогда я чувствую в себе поток вселенной

<1935>

Хорен

Спит на дереве кукушка
Рак под камнем видит сон
На лугу лежит пастушка
Дуют ветры с двух сторон.

<1935>

«В каждом колоколе злоба...»

В каждом колоколе злоба
В каждой ленточке огонь
В каждой девочке зазноба
В каждом мальчике свой конь.

<1936>

«Гости радостно пируют...»

Гости радостно пируют
За столом сидят гурьбой
Гости радостно пируют
И гурьбой за столом сидят
И говядину едят
И наливки жадно пьют
И чего то там под столом делают
И дамочкам предлагают раздеться.
А дамочки, тру ля ля, танцуют
И под музыку приседают.
Один из гостей на стол полез,
Но его отвели в ванную комнату.
Хозяйка лифчик расстегнула

И пошла плясать вовсю.
Композитор Ваня Конов
Хотел хозяйку схватить за подол.
Но потерял равновесие
И лёг на пол.
А Нина Петухова
Сняла свои панталоны
И дала их Семену Палкину
обнюхивать.

<1935>

«Начало спора...»

Начало спора
произошло вблизи Исаакиевского Собора
Пойдёмте на Неву пешком
сказал Грачёв помахивая гребешком.
Там ветер слишком режет глаз
ответил Фомов ласково и повелительно зараз.

<1933–1935>

Песень

Мы закроем наши глаза
Люди! Люди!
Мы откроем наши глаза
Воины! Воины!
Поднимите нас над водой
Ангелы! Ангелы!
Потопите врага под водой
Демоны! Демоны!
Мы закрыли наши глаза
Люди! Люди!
Мы открыли наши глаза
Воины! Воины!
Дайте силу нам полететь над водой
Птицы! Птицы!
Дайте мужество нам умереть под водой
Рыбы! Рыбы!

<1934–1935>

«Игра больших переговоров, друзья глядят...»

Игра больших переговоров,
друзья глядят, гуляет боров
и тень по воздуху летит.

Смотрите, дятел пролетел,
смотрите с дуба желудь пал.
а в море кит пускал фонтаны
а в небе книга нам видна

<1934–1935>

«Остановись Коньков!..»

Остановись Коньков!
Куда ты бежишь?
Твой бег бестолков,
Остановись Коньков!

Вот сердцу милый дом.
Знакомая дверь.
Знакомый портрет за окном.
Это сердцу милый дом.

Надо в дверь войти не стуча.
Из двери направо.
Там на стене два меча
Что верней: меч или отравя?

Так знайте Коньков, что меч верней.
А так же приятна рукой совершённая расправа.
Три года и восемь недель ты думал о ней,
Так знай же Коньков, что меч верней!

<1934–1935>

Разбойники

Шли разбойники украдкой.
Очень злые. Их атаман
вдруг помахивает бородкой
лезет наскоро в карман
там свинцы валяются,
разбойники молчат
их лошади пугаются
их головы бренчат
и путники скрываются
разбойники молчат.
Но лишь потух костер
проснулись мертвецы:
Бог длани распростер
свирепые дворцы
потухли на горах
влетело солнце на парах
в пустой сарай.

Газетчицы летели в рай
кричали смертные полканы
торчали в воздухе вулканы
домов слепые номера
мне голову вскружили
вокруг махали веера —
разбойники там жили.
В окно кидалась баба вдруг
она трубой визжала.
Девчонки жарились вокруг
любезностью кинжала.
Дымился сочный керосин
грабители вспотели
скакал по крышам кирасир —
родители в постели.
Молчат они. Жуют помидор.
Он зноен? Нет, он хлад.
Он мишка? Нет, он разговор,
похожий на халат.
Украсть его? Кричит паша
и руки живо вздел.
Потом разбойники дрожат
и ползают везде.
Сверкает зубом атаман
и ползает везде.
Сверкает зубом атаман
он вкладывает патрон
поспешно лазает в карман
пугаются вороны.
Свинец летает вдаль и вблизи
кувыркает ворон.
Но утром дворники сплелись
и ждали похорон.
Идут разбойники техасом
тут же бурная пустынь
но звучит команда басом
ветер кошка приостынь.
Вмиг ножи вокруг сверкают
вмиг пространство холодеет
вмиг дельфины ночь плескают
вмиг разбойники в Халдее.
Тут им пища тетерева
тут им братья деревá.
Их оружие курком —
! ну давайте кувырком!
Левка кинет пистолет
машет умное кружало
вин турецких на столе
изображение дрожало.
Вдруг приходит адъютант
к атаману и вплотную
все танцуют отходную

и ложатся в петинант
стынет ветер к облакам
свищут плети по бокам.
Происходит состязанье
виноватым наказанье
угловатым тесаки
а пархатым казаки.

Все
Декабрь 1926 г.

Первая половина 1930-х

«Дремлет стол скамья и стул...»

Дремлет стол, скамья и стул
Дремлет шкаф, сундук и печь
И Петров свечу задул
И глядит куда бы лечь.

Ай Петров Петров Петров
Лучше стой всю ночь стоймя
Если шуба твой покров,
То постель тебе скамья.

первая половина 1930-х

«Иван Петрович падал в воду...»

Иван Петрович падал в воду.
Упал, исчез, но нет, пока
Виднелись там всему народу
Затылок, руки и бока.

<Середина 1930-х>

«Стоит за дверью мой лакей...»

Стоит за дверью мой лакей
С цветочком на носу
Неси мне завтрак поскорей
Извольте принесу

<первая пол. 1930-х>

«Одна минута пробежала...»

Одна минута пробежала
Раздался в замке страшный крик
Стальное лезвие кинжала
Его повергло в этот миг.

<первая пол. 1930-х>

«седьмого мая был прекрасный день...»

Седьмого мая был прекрасный день
деревья в мелких листиках уже
бросали тень
весёлый шум летел со скотного двора.
стояла в воздухе жара.

<Первая половина 1930-х>

«Так я молил твоей любви...»

Так я молил твоей любви
Смеялся пел и плакал горько,
Но ты за все мои мольбы
Мне обещала дружбу только.

<Первая половина 1930-х>

«Эх, голубка, песень ваша...»

Эх, голубка, песень ваша
Не звучала много лет
Эх, голубка! Эх, мамаша!
Спели б вы для нас куплет.

<Первая половина 1930-х>

Середина 1930-х

«Мне стариков медлительный рассказ противен...»

Мне стариков медлительный рассказ противен.
Пока тягучее скрипит повествование,
Начало фразы в памяти бледнеет,
И всё, что будет наперёд, уму понятно.
Старик всегда, особенно разинув рот,
Пытается ненужную фамилию припомнить,

То спотыкается на букву ы ,
То выпучит глаза — молчит,
И кажется, что он способен задохнуться.
То вдруг, подхваченный потоком старческого вдохновенья,
Летит вперёд, местоименьями пересыпая речь.
Уже давно «они» кого-то презирают,
Кому-то шлют письмо, флакон духов и деньги.
Старик торопится и гневно морщит брови,
А слушатель не знает, кто «они».

<Середина 1930-х>

«В окно гляжу на суету людскую...»

В окно гляжу на суету людскую
И думаю: зачем спешить
В покое сладостном тоскую —
Мне право так приятней жить

«Возьмите незабудку...»

Возьмите незабудку
На память обо мне.
Тогда собачью будку
Увидите во сне.

А в будке человечки
На лавочке сидят
Огонь играет в печке
И искры вверх летят.

<Середина 1930-х>

«Дни летят как ласточки...»

Дни летят, как ласточки,
А мы летим, как палочки.
Часы стучат на полочке,
А я сижу в ермолочке.
А дни летят, как рюмочки,
А мы летим, как ласточки.
Сверкают в небе лампочки,
А мы летим, как звездочки.

«Дорогой начальник денег...»

Дорогой начальник денег
Надо в баню мне сходить.
Но, без денег, даже веник
Не могу себе купить.

<Середина 1930-х>

«В этом ящике железном...»

В этом ящике железном
есть и булка есть и хлеб
было б делом бесполезным
их оставить на столе б.
ибо крысы ибо мыши
ибо разные скоты
по законам данным свыше
съели б всё без красоты
и в укусах кумачёвых
все изъедены в клопах
всё семейство ювачёвых бы
осталось на бобах
Но не это важно. Мне ведь
надо рифмой замая
так устроить чтобы в девять
разбудили вы меня.

<Середина 1930-х>

«Лес, в лесу собака скачет...»

Лес, в лесу собака скачет,
Твердой лапой с твёрдым когтем
на коре прямой сосны
ставит знак.
И если волки бродят стаями
и лижут камни спящие во мху
и ветер чёрными носами обнюхивают
Собака поднимает шерсть и воет
и на врага ворчит и пятится.

<Середина 1930-х>

1936

Подслушанный мною спор Золотых Сердец о бешемели

Мчался поезд, будто с гор,
в окна воздуха шумели.
Вдруг я слышу разговор,
бурный спор о бешемели.

Ночь. Не видно мне лица,
только слышно мне по звуку:
Золотые всё сердца!
Я готов подать им руку.

Я поднялся, я иду,
я качаюсь по вагону, —
если я не упаду,
я найду их, но не трону.

Вдруг исчезла темнота,
в окнах станция мелькнула,
в грудь проникла теснота,
в сердце прыгнула акула.

Заскрипели тормоза,
прекратив колес погони.
Я гляжу во все глаза:
я один в пустом вагоне.

Мне не слышно больше слов
о какой-то бешемели.
Вдруг опять, как средь лесов,
ветры в окна зашумели.

И вагоны, заскрипев,
понеслись. Потух огонь.
Мчится поезд, будто лев,
убегает от погонь.

18 февраля 1936

Вариации

Среди гостей в одной рубашке
Стоял задумчиво Петров.
Молчали гости. Над камином
Железный градусник висел.
Молчали гости. Над камином
Висел охотничий рожок.
Петров стоял. Часы стучали.
Трещал в камине огонек.
И гости мрачные молчали.
Петров стоял. Трещал камин.
Часы показывали восемь.
Железный градусник сверкал.

Среди гостей, в одной рубашке
Петров задумчиво стоял.
Молчали гости. Над камином
Рожок охотничий висел.
Часы таинственно молчали.
Плясал в камине огонек.
Петров задумчиво садился
На табуретку. Вдруг звонок
В прихожей бешено залился,
И щелкнул английский замок.
Петров вскочил, и гости тоже.
Рожок охотничий трубит.
Петров кричит: «О Боже, Боже!»
И на пол падает убит.
И гости мечутся и плачут.
Железный градусник трясут.
Через Петрова с криком скачут
И в двери страшный гроб несут.
И в гроб закупорив Петрова,
Уходят с криками: «готово».

15 августа 1936

Сон двух черномазых дам

Две дамы спят, а впрочем нет,
не спят они, а впрочем нет,
конечно спят и видят сон,
как будто в дверь вошел Иван,
а за Иваном управдом,
держа в руках Толстого том
«Война и мир», вторая часть...
А впрочем нет, совсем не то,
вошёл Толстой и снял пальто,
калоши снял и сапоги
и крикнул: Ванька, помоги!
Тогда Иван схватил топор
и трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!
И вся литература русская в ночном горшке.

19 августа 1936

«Бегут задумчивые люди...»

Бегут задумчивые люди
Куда бегут? Зачем спешат?
У дам раскачиваются груди,
У кавалеров бороды шуршат.

1937

«Григорий студнем подавившись...»

Григорий студнем подавившись
Прочь от стола бежит с трудом
На гостя хама рассердившись
Хозяйка плачет за столом.
Одна, над чашечкой пустой,
Рыдает бедная хозяйка.
Хозяйка милая, постой,
На картах лучше погадай-ка.
Ушёл Григорий. Срам и стыд.
На гостя нечего сердиться.
Твой студень сделан из копыт
Им всякий мог бы подавиться.

20 февраля 1937

«Григорий студнем подавился...»

Григорий студнем подавился
И вдруг ушёл из-за стола
В прихожей он остановился
И плюнул в зеркало со зла.

21 февраля 1937

«Я долго смотрел на зелёные деревья...»

Я долго смотрел на зеленые деревья.
Покой наполнял мою душу.
Еще по-прежнему нет больших и единых мыслей.
Такие же клочья, обрывки и хвостики.
То вспыхнет земное желание,
То протянется рука к занимательной книге,
То вдруг хватаю листок бумаги,
Но тут же в голову сладкий сон стучится.
Сажусь к окну в глубокое кресло.
Смотрю на часы, закуриваю трубку,
Но тут же вскакиваю и перехожу к столу,
Сажусь на твердый стул и скручиваю себе папиросу.
Я вижу — бежит по стене паучок,
Я слежу за ним, не могу оторваться.
Он мешает взять в руку перо.

Убить паука!
Лень подняться.
Теперь я гляжу внутрь себя,
Но пусто во мне, однообразно и скучно,
Нигде не бьется интенсивная жизнь,
Все вяло и сонно, как сырая солома.
Вот я побывал в самом себе
И теперь стою перед вами.
Вы ждете, что я расскажу о своем путешествии.
Но я молчу, потому что я ничего не видел.
Оставьте меня и дайте спокойно смотреть — на зеленые
деревья.
Тогда, быть может, покой наполнит мою душу.
Тогда, быть может, проснется моя душа,
И я проснусь, и во мне забьется интенсивная жизнь.

2 августа 1937

«Человек берёт косу...»

Человек берёт косу
Я хочу его спросить:
Что ты делаешь в лесу?
Я траву хочу косить
Отвечает мне косарь
Закрывая правый глаз
И в глазу его фонарь
В тот же миг уже погас.
Ты бы шляпу снял мужик,
Говорю ему, а он
Отвечает: Это шик,
Я ведь франт со всех сторон.
Но такое франтовство
Непонятно никому
Это просто баловство, —
Обращаюсь я к нему.
Нет, сказал он, не скажите,
Я сказал бы, что не так
Вы хоть руки мне свяжите,
Отрубите мне кулак,
Сквозь лицо проденьте нитку,
Суньте ноги под кибитку
Распорите мне живот
Я скажу тогда: ну вот
Вы меня распотрошили,
Рот верёвками зашили
Но кричу я вам в лицо:
Вы подлец и вы яйцо!

Я :

Удивляюсь вашей речи,
Где ответ на мой вопрос?
Вы молчите, только в плечи
Глухо прячите свой нос.
Вы молчите словно пень,
Вам ответить просто лень.
Ваша дерзкая усмешка
Не пристала вам к лицу
Вы глупы как сыроежка.
О, поверте подлецу!

Он :

Я бы рад молчать веками
И дробить бы лбом гранит.
Кто искусными руками
Жизнь до гроба сохранит?
Кто холодною косою
По моим скользит ногам?
Я голодный, я босой
Мимо вас иду к богам.
По дороге вверх бегущей
Я к богам иду с мечом.
Вот и ангел стерегущий
Заградил мне путь плечом.
Стой! — гремит его приказ
Ты в дверях стоишь как раз.
Дальше рай — сады блаженства
Чтобы в рай тебе войти,
Ты достигни совершенства,
Иль назад повороти.
Я задумался: Ну что же,
Если путь мой в райский сад
Преграждён Тобой, о Боже —
Я пойду тогда назад.
Стой! воскликнул ангел грозный
Ты мне чушь не бормочи
Бог слетит к тебе серьёзный
Вынет райские ключи
Хлопнет ими по балкону
И отвесив по поклону
Во все стороны вселенной,
Улетит домой нетленный.
А потом примчится снова
С вихрем звёзд и тучей птиц
И как бури неба слово
Вдруг на землю рухнет ниц.
Дрогнет мир. Померкнет свет
И тебя исчезнет след.
Тут я поднял страшный вой:
О небесный часовой
Мысль твоя течёт обратно

Как ручей бегущий в гору,
Мне безумцу непонятно
Моему не ясно взору
Моему не близко уху
Слушать неба смутный гла<c>.
Пропусти меня как муху
Через двери в рай как раз.
Ангел молча улыбнулся,
Поднял камень из-под ног,
Осторожно оглянулся,
Вдруг рукою размахнулся
И пустил мне камень в бок.
Этот камень был по счастью бестелесный,
Потому что этот камень был небесный.

2 августа 1937

«Я плавно думать не могу...»

Я плавно думать не могу
Мешает страх
Он прорезает мысль мою
Как лучь
В минуту по два, по три раза
Он сводит судоргой моё сознание
Я ничего теперь не делаю
И только мучаюсь душой.

Вот грянул дождь,
Остановилось время,
Часы беспомощно стучат
Расти трава, тебе не надо время.
Дух Божий говори, Тебе не надо слов.

Цветок папируса, твоё спокойствие прекрасно
И я хочу спокойным быть, но всё напрасно.

Детское Село, 12 августа 1937

«Мы — это люди...»

Мы — это люди
Вы — это боги
Наши деревни
Ваши дороги

Детское Село, 12 августа 1937

«Желанье сладостных забав...»

Желанье сладостных забав
меня преследует.
Я прочь бегу, но бег мой слаб,
мне сапоги не впору.
Бегу по гладкой мостовой,
но тяжело, как будто лезу в гору.
Желанье сладостных забав
меня преследует.
Я прочь бегу, но бег мой слаб,
я часто, часто отдыхаю,
потом ложусь на мостовой
и быстро, быстро засыпаю.
Желанье сладостных забав
меня во сне преследует
Я прочь бегу, но бег мой слаб.
О да! Быстрее бежать мне следует,
но лень как ласковая тень
мне все движенья сковывает.
И я ложусь. И меркнет день,
и ночь мне мысли стягивает.
И снова сладостных забав
желанье жгучее несётся.
Я прочь бегу, бегу всю ночь,
пока над миром первый солнца луч взовьётся.
И сон во мне кнутом свистит,
и мыслей вихри ветром воют...

А я с открытыми глазами
встречаю утро.

13 августа <1937>

«Я видел: медленные веки...»

Я видел: медленные веки
Она лениво подняла
И взглядом ласковые реки
Она лениво обвела

<после 13 августа 1937>

«Я руку протянул. И крикнул...»

Глоб :

Я руку протянул. И крикнул:
вот потеха!
Стоял тут некогда собор.
а нынче — вежа!
А тут когда-то был пустырь,

а нынче — школа.
А там когда-то монастырь
Святителя Николы,
А ныне только сад фруктовый
качает сочные плоды
да храм Святителя Николы
стоит в саду без головы.

Селлей :

Молчи, молчи, безумный Глоб!
Не то пущу тебе я пулю в лоб.
Довольно выть. И горю есть предел.
Но ты не прав. Напрасно ноешь.
Ты жизни ходы проглядел.
Ты сам себе могилу роешь.

Глоб :

Какие жизни ходы,
Селлей, Селлей?
Нам не открыть закон природы,
Селлей, Селлей!
Пройдет с годами увлечение,
устанет ум,
Селлей, Селлей!
Забудет мир свое ученье
и сладость дум,
Селлей, Селлей!

Селлей :

Молчи, несносное создание,
Унылых мыслей философ.
Хотя бы раз в твоё сознание
проник ли жизни мощный зов?

после 13 авг. 1937

«Деды жили, деды знали...»

Деды жили, деды знали
Как им жить и как им быть
Мы же внуки всё забыли
Мы плывём, не зная куда нам плыть.

Деды строили заборы
Разводили скот и птиц
Деды были инженеры
Своих задумчивых и гордых лиц.

Мы же дедов наших внуки
Сильно двинулись вперед
Верим только лишь науке,
А наука, всегда почти, врёт.

Врёт проклятая наука,
Что бессмертья людям нет.
Врёт! И в том моя порука,
Что науке скоро капут.

Потому что нет науки,
А бессмертье людям есть
Я видал такие знаки.
Я слышал такую весть.
Очень скучно было б миру,
Человеку и душе
Если б жил и бух в могилу!
И вот уже на том свете атташе.

<сентябрь 1937>

«Я сегодня лягу раньше...»

Я сегодня лягу раньше,
Раньше лампу погашу,
Но зато тебя пораньше
Разбудить меня прошу.

Это просто удивленье
Как легко меня будить!
Ты поставь на стол варенье, —
Я проснусь в одно мгновенье.
Я проснусь в одно мгновенье,
Чтобы чай с вареньем пить.

2 ноября 1937

«Не маши колесом, не стругай...»

1.

Не маши колесом, не стругай колесо,
не смотри в воду, не грызи камни.

2.

Колесом не бей, не крути колесо,
не ложись в воду, не дроби камни.

3.

Не дружи с колесом, не дразни колесо,
опусти его в воду, привяжи к нему камень

«Вечер тихий наступает...»

Вечер тихий наступает.
Лампа круглая горит.
За стеной никто не лаёт
И никто не говорит.
Звонкий маятник, качаясь,
Делит время на куски,
И жена, во мне отчаясь,
Дремля штопает носки.
Я лежу, задравши ноги,
Ощущая в мыслях кол.
Помогите мне, о Боги!
Быстро встать и сесть за стол.

1936?

Прогулочка

Мужик и баба играют на свободе,
Стоит оголтелый народ на пароходе
Глядит в зелёную воду.
В закуской доктор накапливает силу;
Мужик и баба напарываются на виду,
И доктор спешит к пароходу.

Стоит пароход озарённый луною.
Я мимо иду, и Марина со мною,
Погода нам благоприятна.
Мужик и баба громко стонут,
Под пароходом люди тонут,
И доктор уходит обратно.

<1935–1937>

Дактиль

Девушка с рыжими косами
Ходит в тени под откосами
Громко стучит каблучок
Юноша, сидя на стуле,
Бросив кинжал и две пули,
Держит вязальный крючок.

<1935–1937>

«Люблю порой смотреть в окно...»

Люблю порой смотреть в окно
И наблюдать других людей заботы
Люблю порой смотреть в окно
Тем самым уклоняясь от работы.

Я долго, пристально смотрю
В лицо молоденькой еврейки
Стараясь прочитать в чертах её лица
Законы женских чар

«Да, я поэт забытый небом...»

Да, я поэт забытый небом
<Забытый небом> с давних пор.
А были дни, когда мы с Фебом
Гремели вместе сладкий хор.
А были дни, когда мы с Фебом
Гремели вместе сладкий хор.
А были дни когда мы с Гебой
Носились в тучах над водой.
И свет небес летал за Гебой
И гром смеялся молодой
И гром гремел летя за Гебой
И свет струился золотой.

<1935–1937>

«Шёл Петров однажды в лес...»

Шел Петров однажды в лес.
Шел и шел и вдруг исчез.
«Ну и ну, — сказал Бергсон, —
Сон ли это? Нет, не сон».
Посмотрел и видит ров,
А во рву сидит Петров.
И Бергсон туда полез.
Лез и лез и вдруг исчез.
Удивляется Петров:
«Я, должно быть, нездоров.
Видел я: исчез Бергсон.
Сон ли это? Нет, не сон.»

1936-37

1938

«Гнев Бога порастил наш мир...»

Гнев Бога порастил наш мир.
Гром с неба свет потряс. И трус
не смеет пить вина. Смолкает брачный пир,
чертог трещит, и потолочный брус
ломает пол. Хор плачет лир.
Трус в трещину земли ползёт как червь.
Дрожит земля. Бог волн срывает вервь.
По водам прыгают разбитые суда.
Мир празднует порока дань. Сюда
ждет жалкий трус, укрыв свой взор
от Божьих кар под корень гор, и стон
вой псов из душ людей как сор
несет к нему со всех сторон, —
сюда ждёт жалкий трус удар,
судьбы злой рок, ход времени и пар,
томящий в жаркий день глаз, вид, зовущий вновь
зимы хлад, стужами входящий в нашу кровь.
Терпеть никто не мог такой раскол небес —
планет свирепый блеск, и звёздный вихрь чудес

<конец 1937>

«Зима рассыпала свои творенья...»

Зима рассыпала свои творенья.
Пушистый снег лежит среди дубров.
На санки положив поленья,
везет их под гору Петров.
За ним собака в кожаном ошейнике
бежит, сверкая белым зубом.
И вот папаха на мошейнике
уже горит под старым чубом.
Петров конечно рад ужасно,
смеется, воет, стонет, плачет,
потом, как стройный бог, прекрасно
через веревку с криком скачет.
Мошенник вышел из-под дуба
и говорит Петрову грубо:
«Кому ты здесь ломаешь спину?
Иди туда, куда идёшь,
не то тебя коленом двину,
тогда костей не соберёшь.»

<начало 1938>

«Но сколько разных движений...»

Но сколько разных движений
Стремительно бегут к нему навстречу
К нему спешит другой помощник
И движется еще одна колесница.

Открывается окно
Смирно подходит к нему
слон. Вот он призрачный
голубчик. Вот он
призрачный голубчик.
Вот он призрачный
голубчик. Вот он
призрачный голубчик.
Вот он страдания
полный день. Нет пищи,
нет пищи, нет пищи.
Есть хочу. Ой ой ой!

Хочу есть. Хочу есть.
Вот моё слово.
Хочу накормить мою
жену. Хочу накормить
мою жену. Мы очень
голодаем.
Ах сколько чудных
есть вещей! Ах сколько
чудных есть вещей!
Вино и мясо. Вино и мясо.
Вино приятнее каши.
Бля, бля, бля!
Вино приятнее каши.
Берим бериг чериконфлинь!
Мясо лучше теста!
Мясо лучше теста!

Я ем только мясо и овощи.
Я пью только пиво и водку.
Чяки ряки!
Я не люблю русских женщин.
А русская женщина, да ещё похудевшая,
да ещё похудевшая,
фириньть перекриньть!
Да ещё похудевшая, —
это дрянь!
Фу! Фу! Фу!
Это гадость!
Я люблю полных евреек!
Вот это прелесть!
Вот это прелесть!

Вот это,
вот это,
вот это прелесть!
Нахально веду себя я,
я веду себя пренахально.
(Перепрыгни через бочку!)
Я веду себя нахально.
Чяки ряки!
Я люблю есть мясо,
пить водку и пиво,
есть мясо и овощи
и пить водку и пиво.
Фиринть перекринть!
Я хочу есть мясо
и пить водку и пиво!
Вот как!
(Перепрыгни через бочку!)

3 января 1938

«Красиво это, очень мило...»

Красиво это, очень мило:
Отнять у женщины часы
И подарить на память мыло,
Духи, цыгарки и усы.

13 марта 1938

«Меня закинули под стул...»

Меня засунули под стул,
но был я слаб и глуп.
Холодный ветер в щели дул
и попадал мне в зуб.

Мне было так лежать нескладно,
я был и глуп и слаб.
Но атмосфера так прохладна
когда бы не была б,

я на полу б лежал беззвучно,
раскинувши тулуп.
Но так лежать безумно скучно:
я слишком слаб и глуп.

23 апреля 1938

«Да что же это в самом деле?..»

Да что же это в самом деле?..
Такая вялость в теле,
Мучительно ежесекундно чувствовать своё бессилие
Стихи совсем не сочиняются.
И каждый день мои пороки
С утра нахально начинаются.
Нет, жили иначе пророки!
Морщины изрезали мои руки.
Я целый день по комнате брожу от скуки.
Во мне не стало силы воли
Я начал пухнуть от душевной боли.
Оставьте меня сознания мухи!

9 мая 1938

Смерть дикого воина

Часы стучат,
Часы стучат,
Летит над миром пыль.
В городах поют,
В городах поют,
В пустынях звенит песок.
Поперек реки
Поперек реки
Летит копье свистя.
Дикарь упал,
Дикарь упал
И спит, амулетом блестя.
Как легкий пар,
Как легкий пар,
Летит его душа.
И в солнце-шар,
И в солнце-шар
Вонзается, косами шурша.
Четыреста воинов,
Четыреста воинов,
Мигая, небу грозят.
Супруга убитого,
Супруга убитого
К реке на коленях ползет.
Супруга убитого,
Супруга убитого
Отламывает камня кусок.
И прячет убитого,
И прячет убитого
Под ломаный камень, в песок.
Четыреста воинов,
Четыреста воинов
Четыреста суток молчат.

Четыреста суток,
Четыреста суток
Над мертвым часы не стучат.

27 июня 1938

«Ума своего недостойный внук...»

Ума своего недостойный внук
Давно окруженный пороками
Ключом отопри вдохновенья сундук,
Упомянутый в стари пророками.
Только где этот ключ:
В небесах между тучь
Или в море под холодными волнами?
Или в чёрных горах,
Или в тёмных дарах

28 июня 1930

«И вдруг из пола вылезает страшный дух...»

И вдруг из пола вылезает страшный дух
И, указав на нас коленом, «Который, — говорит — из двух?»
Тогда Хлипатский подбегает к нерастворенному окну
И хочет прыгнуть вниз на камни, но я кричу: «Не прыгайте —
всплакну!»

<28 июня 1938>

«Гремит вина фиал...»

Гремит вина фиал,
Упав из рук нетвёрдых.
Умолкло всё вокруг
В смущенье мы встаём
Поникнув головой,
умолкнул председатель
И гости, замолчав,
не смотрят на него
Гремит вина фиал,
на доски брошенный рукой
Густая влага плещет в пол
Тогда со скрипом председатель
Встаёт из кресла. Перед нами,
Главу седую преклонив,
Он говорит: «Разбита чаша
Застольной дружбы многих лет наша»

29 июня 1938 года

«От свиста ненавистных пчёл...»

От свиста ненавистных пчел
Я лечь в коробку предпочел
Но так лежать без всякого дела
Не в силах молодое тело
Закрылся фартуком,
А в уши сунул пробки
Лежу задумчив и суров
А в это время, около моей коробки
Гулял с красавицей Антон Перов
«Да, — говорит Перов красавице, — вот эта местность
Вполне пригодна для гуляющих вдвоем.
Отсюда видно всю окрестность
И речки быстрой водоём».
«Да, — говорит красавица, — прекрасная прогулка,
Но только для чего здесь эта глупая шкатулка?»
Перов, не зная что ответить, сказал: «О чем ведете речь?
Я не могу того заметить, но предлагаю тут прилечь».

29 августа 1938 г.

«Журчит ручей, а по берегам...»

Журчит ручей, а по берегам
По берегам
По берегам
По берегам того ручья
Разбойники спят на песке.

Опасно плыть вдоль по ручью,
Вдоль по ручью,
Вдоль по ручью,
Вдоль ручью на прохладной волне
Девице плыть молодой.

Приснятся разбойникам жаркие сны,
Жаркие сны,
Жаркие сны,
Коварные сны про весёлый ручей,
С девицей в прохладной воде.

Спасайся девица! Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши,

18 августа 1938

Сладострастный древоруб

Когда вдали сверкнули пилы,
И прозвенели топоры —
Мне все подруги стали милы,
И я влюблён в них с той поры.

Подруги, милые подруги,
Приятно трогать вас рукой.
Вы так нежны! Вы так упруги!
Одна прекраснее другой!

Приятно трогать ваши груди,
Скользить губами вдоль ноги...
О помогите люди люди!
О Боже, Боже помоги!

24 августа 1938

«Синее Божество!..»

Синее Божество!
Да наступит мое торжество!
Ваше Благородие,
пошли мне небывалое плодородие!
Пожалей меня неудачного верзилу,
пошли мне огромную поэтическую силу!
Гибну я, — тако

<1938?>

1939

«Я долго думал об орлах...»

Я долго думал об орлах
и понял многое:
орлы летают в облаках,
летают никого не трогая.
Я понял, что живут орлы на скалах и в горах
и дружат с водяными духами.
Я долго думал об орлах,
но спутал, кажется, их с мухами.

15 марта 1939

Неизвестных годов

«В ночной пустынной тишине...»

В ночной пустынной тишине
Вдоль клумб и гряд в большом саду
Брабантов шёл к моей жене
Дрожа от страсти на ходу.

Он даже снял воротничок
И расстегнул слегка жилет
И весь дрожал как старичок
Хотя он был в расцвете лет.

Переводы

М.Д. Омайс. «Пришёл конец. Угасла сила...»

Пришёл конец. Угасла сила
Меня зовёт к себе могила.
И жизни вдруг потерял след.

Всё тише тише сердце бьётся,
Как туча смерть ко мне несётся
И гаснет в небе солнца свет.

Я вижу смерть. Мне жить нельзя
Земля прощай! Прощай земля!

<1937>

Неизвестный автор. «Как страшно тают наши силы...»

Как страшно тают наши силы,
как страшно тают наши силы,
но Боже слышит наши просьбы,
но Боже слышит наши просьбы,
и вдруг нисходит Боже,
и вдруг нисходит Боже к нам.

Как страшно тают наши силы,
как страшно!
как страшно!
как страшно тают наши силы,

но Боже слышит наши просьбы,
но Боже слышит наши просьбы,
и вдруг нисходит Боже,
и вдруг нисходит Боже к нам.

<1937–1938?>

Драматические произведения

Комедия города Петербурга (часть II)

Пётр

Я помню день. Нева шумела в море
пустая, легкая, небрежная Нева
когда пришел и взглядом опрокинув тучу
великий царь, подумал в полдень тусклый
и мысль нежная стянув на лбу морщину
порхая над Невой над берегом порхая
летела в небо реяла над скучным лесом
тревожила далекий парус в чудном море.
Тогда я город выстроил на Финском побережьи
сказал столица будет тут. И вмиг
дремучий лес был до корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин.

Николай II

Ты Петр был царем.
О слава дней минувших!
взлети как пламя трепанное ввысь. А я
уйду. Уйду с болот жестоких,
прощай Россия! навсегда прощай!
Но нет я тут я тут как чорт иль печка
руби! стреляй и тысяча пик коли!
Очисти путь. И я наследник Божий
взойду держась за сердце на престол
и годы длинные железного монарха
пройдут под жизнями кочующих племен
благословенна ты Российская держава
а я твой царь и Бог и властелин.
Да Петр. Я живу. Ты мне смешон и жалок
ты памятник бездушный и скакун
гляди мне покорятся все народы. И царица
родит мне сына крепкого как бук
но только силы у меня нет Петр силы
брожу ли я у храма ль у дворца ль
мне все мерещится скакун на камне диком!
Ты Петр памятник бесчувственный ты царь!

Комсомолец Вертунов (указывая на Николая II)

Связать его.

Щепкин

Закройте двери. Сквозняк невозможный. Царь простудится.

(Смеется).

Свита

Ха ха ха ха ха ха ха...

Балалаечник

В лес ли девка бегала
юбку ль девка дергала
пила меду катوشку
за царицу матушку.

Комсомолец Вертунов

Э-э мундирчик-то бумазейный. Царь тебе холодно?

Николай Второй

Отстаньте комсомолец Вертунов отстаньте!

Комсомолец Вертунов

Что? разговаривать? тебе же дурак добра желают.
Пожалели тебя. Видно человек избалованный.
Ты мне скажи, чай и плевал не иначе как в подушки
бархатные? а?

Щепкин

Да закройте же вы двери. Простудится же.

Комсомолец Вертунов

Нет ты мне скажи в подушки плевал бархатные? а?

Николай II *(безразлично)*

Плевал.

Комсомолец Вертунов

Вишь ты! Ну а еще чего делал? Ты парень не пужайся
прямо говори делал чего еще?

Николай II *(безразлично)*

Делал.

(повысив голос)

Не хочу я говорить с вами, я плясать хочу. Ей музыка!

Балалаечник

Царь танцует
ветер дует
люди плачут
слезы льют
все танцую
ветер дует
царь не скачет
ходит лют.

Николай II

О Петр где твоя Россия?
где город твой, где бледный Петербург?
куда попал я в Кострому на Небо, иль в Парламент?
скажи мне Петр внуку своему.
Меня спросили: не плевал ли я в подушку
но я не знаю, я не помню, я забыл.
Забыл, мне память изменяет, Петр, Петр
скажи куда плюются все цари?

Пётр

В плевательницу или под стол.

Николай II

Позвать Комсомольца Вертунова.

Дворецкий

Слушаюсь ваше величество!

Комсомолец Вертунов

Что прикажете Ваше Величество?

Николай II

Здрасте. Как на улице тепло или холодно?

Ком. Верт.

Тепло Ваше Величество.

Николай II

А я под стол плевать умею!

Ком. Верг.

Очень интересно В. В.

Николай II

Хочешь покажу?

Ком. Верг.

Ну покажи!

Ник. II

тпфу!

Ком. Верг.

Вот это здорово!

Ник. II

тпфу!

Ком. Верг.

Замечательно!

Щепкин (вбегая)

Господа закройте дверь.
Оттепель это самое опасное время!
Моя тетя подарила мне перчатки,
а папа сказал, что у меня и усы и борода и брови
и все все рыжее как у учительницы.

Комсомолец Вертунов

Беги в Москву, окаянный.

Щепкин (поет)

Я бегу верчу ногою
в небо прыгаю как лев
мне кричали: не сдавайся
не смотри по сторонам
ну-ка саблю вынь из ножен

и взмахни над голым пнем
твой удар и тих и нежен
рубят немца под сосну.

Комсомолец Вертунов

Беги беги скорей!

Щепкин (поет)

Дремлет сокол в небе белом
я как птица в ночь бегу
звери под гору ложатся
рыбы спят на берегу
только ты моя царица
в поле круглое глядишь
только ты головку ниже
опускаешь и грустишь.

Комсомолец Вертунов

Ваня Ваня торопись! Еще немного.
Перепрыгни канавку. Вон Москва блестит
пуще озера, домики плывут. Церковки
послушные виднеются. Торопись Ваня!

Ваня Щепкин (поет)

Я пришел к заветной цели
вот и пышная Москва
надо мной хлопчут люди
а кругом тоска тоска.

Николай II

Господи какая проклятая жизнь!

Комсомолец Вертунов

Царь опомнись!
Тебе ли падать духом!
Тебе ли выть! прислушайся мучим ухом
и жизнь прошлую забудь навек.
Тебе не много жить осталось. А ты
Зачем зачем тревожил Ваню Щепкина
зачем позвал меня и с хохотом
промчался мимо стана в поле крысой?
расплату Бог послал. Прими в гробу недавнем
ее. И щеки впадшие как букли осуши.

Николай II

Молчи. Не стоит говорить.
Я знаю все. На этой стенке
повесился великий полководец
когда прекрасная Мария горевала
и клавиши держала под рукою
тут вечный Бисмарк об землю томился
но дочь его казалась нам другой.
Смотри как лань визжат телеги
бегут погонщики. Смотри
под звоны шустрые калеки
несутся пламенем с утра
и всюду меч летит крылатый.
над опрокинутой палатой
смотри тоскующие латы
висят как медные ветра
я знаю все...

Комсомолец Вертунов

А помнишь день?
погода зимняя была и выюга
шаталась около Москвы
трещала хижина и дом не шевелился
и птицы падали в безжалостный сугроб
и чьих-то ног следы мелькали
французская шумела речь
откуда вы? издалека ли
страну идете пересечь?
Ты помнишь царь Наполеона?
тебе гранитный вызов был
Москва врагом была спалена
ты помнишь это?

Николай II

Нет забыл.

Комсомолец Вертунов

Забыл? Еще бы!
Хотя постой. Ты помнишь Фамусова?

Николай II

Помню.

Ком. Верт.

А Катеньку?
Она тебя встречала поцелуем на Морской
и зонтиком помахивая шла под ручку.
Вы заходили в ювелирный магазин

ты шел как подобает Императору
а Катенька как виселица шла.

Николай II

Да да мне Катенька знакома
но где она?

Ком. Верт.

Неважно...
тише к нам идут
вон Фамусов а с ним Кирилл Давыдыч
и даже... даже Катенька. Пойдемте царь.

Фамусов

Друзья! мы снова в этом доме!
Я вам сейчас представлю Комсомольца Вертунова
такой почтенный... Катенька вы покраснели?
и ты Кирилл Давыдыч? Вот некстати!
Чего ты загрустил смутившись как дитя?

Катенька

Нет Павел Афанасьевич я рада
а покраснела просто так.

Комсом. Вертунов

Скажите Фамусов,
как поживает князь Мещерский?

Фамусов

Спасибо. В здравствии.
Разводит канареек.

Ком. Верт.

А дочь его прекрасная Мария?

Фамусов

Мария? Мария Богу душу отдала.

Комс. Верт.

Зачем же Богу? Вот чужак
не можете оставить предрассудки.

Обернибесов

Бог — это я!
Моя Мария!
Четырнадцать лот мы познакомились.
Она впорхнула в мой тихий домик.
Я лежал.
Смотрю как будто дверь пошевелилась
как будто дунул ветер в комнату
и вдруг вошла Мария.
На стене кинжал. Ты видишь это?
Мария видишь это? Она сказала:
«Нет мне это все равно!
люблю тебя Кирилл Давыдыч
бежим мне здесь противно! Кира!
ты весь распух и злостью переполнен
бежим на лошади на шарике воздушном!
Нырнем под океян и снова в даль промчимся
и легкой амазонкой через горы
задребезжим в туманное окошко
мелькнет отец мы крикнем: до свиданья!
!бежим! Кирилл Давыдыч — мы свободны!»
А я сказал: ты видишь Бога?
Бог — это я, а ты, Мария
не двинешься от бренного испуга.
Очей не вскинешь. И как птица
умрешь от ласковой руки!

Щепкин *(поет)*

Жил разбойник под горою
в тихом домике с окном
люди разные боялись
к той горе детей водить
но лишь только звезды кинут
взоры нежные к ручью
над горой печальный житель
теплит белую свечу.

Николай II

Свяжите его! это не человек а береза какая-то!

Фамусов

Успокойтесь Ваше Величество. Ну мы свяжем
его, убьем. Какая польза?
Он послезавтра оживет и снова
будет петь как нищий у перил
не в жизни цель, а в песне
как говорил мой друг Мещерский, князь,
пройди всю землю, но хоть тресни
ты не найдешь такую грязь.

Николай II

А как по-вашему
Кирилл Давыдыч злой Обернибесов
он лучше что ли или как?

Фамусов

Свежей. Спросите князя
он знаток души и тела.

Николай II

Но где достать такого мудреца?

Фамусов

Мой князь живет в Швейцарии прилежной
пускай Кирилл Давыдыч нам гонцом послужит
ему в дорогу дайте спирт и порученье.

Николай II

Садись голубчик в аэроплан
лети голубчик через Мон Блан
на поворотах стягивай живот
ты прилетишь где князь живет
Скажи ему чтоб он был здесь
Скажи ему что я его тесть
и как-то будучи повешен
за мой язык среди орешен
я в руки брал перо стальное
макал, но мимо пузырька
писал приветствие шальное
в кусты чихая изредка.
Лети к нему Обернибесов
аэроплан я тебе подарю
бутылку на, там спирт древесный
его положи в летучий трюм.
Ты им в пути себя согреешь
Мон Блан увидишь на заре лишь
тогда нажми вот эту кнопку
и выбрось прочь бутылку с пробкой.

Катенька

Прощай Кирилл Давыдыч!

Фамусов

Смотри как следует за элеронами!

Ниже трехсот метров не спускайся.
Когда прилетишь спроси куда попал.
убегает со сцены за аэропланом

Комсомолец Вертунов

Чудак.
Вообразил себя чорт знает кем!
Зритель какого мнения ты об этом человеке?

Зритель

А уж будьте покойны, вильнет хвостом и ищите где хотите.

Комсомолец Вертунов

Ну да! Не хватит решимости. Ваня что скажешь?

Щепкин

Николай II кровью харкает. Доктора бы позвать. Кстати было бы.

Комсомолец Вертунов

Постой не до этого.

Зритель

То-то и оно-то! Как не все дома ничего и не попишешь.

Комс. Вертунов

Ну ты там, тебе волю дали так ты и нахальничать. Мне лучше
знать что я делаю.

Зритель

А я маме пожалуюсь.

Комс. Верт.

Иди и жалуйся. Жалко что ли.

Зритель

Вот и пойду!

Комс. Верт.

Вот и иди!

зритель уходит
Комс. Верт.

Фу! будто камень с плеч сняли.

Фамусов (*входя*)

А где же царь?

Комс. Верт.

Чорт их знает. Когда нужно ни одного чорта
под рукой не найдешь. Что улетел?

Фамусов

Да уж скоро и назад будет. Катюша тоже ушла?

Комс. Вертунов

А ну их всех.

уходит

Фамусов (*один, задумчиво*)

раз два
раз два
раз два три
раз два три
раз два
Порр-тугалец

по сцене пробегает человек

Эй куда бежишь!
раз два
раз два

занавес

действие II

Князь Мещерский

Эй отворите!
Я князь Мещерский
приехал в Питер
хочу проведать кто тут мерзавцем
меня светлейшего назвал.
Всех разобью одной рукою
и к чертовой матери пошлю
попробуй только выйди! Дважды

убью такого смельчака
сожгу и пеплом разбросаю
по всей земле!
Ты кто такой?

Сторож

Вы здесь потише! Не скандальте!

Князь Мещерский

Скажите? Он меня...
Нет послушайте...
да ты-то знаешь
вот эти руки гнут пятак!

Сторож

А если вы сейчас не замолчите
я вас могу арестовать.

Князь Мещерский

Арестовать? валяй попробуй!
Я это так и ожидал!

Сторож

Вы арестованы! Пойдемте.

Кн. Мещ.

Не толкайся!
Веди хоть к чорту на рога.

Ком. Вертунов (входя)

Ах это вы!

Кн. Мещ.

Да. Приехал. Тут проживает Николай II?

Ком. Верг.

Тут, но сейчас он болен
лежит в кровати как бревно.

Князь Мещерский

Эй служивый! Чего глядишь?
Веди к нему!

Сторож

К кому тоись.

Князь Мещерский

К царю что как бревно лежит.
Четыре шага до ворот осталось
а лужа тут валяется как чорт!

Сторож

А вы ее с размаху перепрыньте!

Князь Мещерский (*прыгнув*)

Куда идти
направо или вбок?

Сторож

Сюда пожалуйста.
открываются ворота

Николай II (*в кровати*)

Куда смотреть?
Везде злодеи. Вон один
открыл безумную рубашку
и слушает зажмурясь граммофон.
Вон рыцарь ходит с алебардой
хранит покой чиновника.
Вон сторож, комсомолец Вертунов,
а с ними кто-то мне доселе не известный.
должно какой-нибудь проситель.

Князь Мещерский

Здравствуй царь!
Я прилетел на крыльях быстрых
Кирилл Давыдыч мчался тут же.
Казань мелькнула, вышел Питер
раздулся в голову и треснул
Фонтанкой бился, клокотал
и шлепнулся к Неве у самого болота.
Мы вылезли и прочитали:
«Город Ленинград».

Николай II

Да. Это правда.

Боже Боже!
Еще совсем недавно
я бегал мальчиком
и кушал апельсин,
таскал невинные конфетки из кармашка
и падал в ужасе при виде мужика.

Комсомолец Вертунов

Но мало ли что было!
Я однажды купался в речке.
Вдруг смотрю плывет как будто рыба.
Но вглядевшись
я крикнул как сарыч
и выскочил на берег.

Князь Мещерский

Что же это было?

Николай II

Ну?

Ком. Верт.

Это был простой комочек
нежных прутиков и мха
я кричал что было мочи
испугавшись как блоха.
А потом четыре ночи
жизнь казалась мне плоха.

Николай II

Вот это здорово! Ты трус. И все вы такие,
испугался прутика? А если бы увидел палку?

Ком. Верт. (в сторону)

Каждый день вижу дубину тупоголовую.
И ничего! Не страшно.

Князь Мещерский

Ну к делу. Господа! Зачем вы меня вызвали?

Николай

Твой ум понадобился.

Ком. Верт.

Решите нам. Кто лучше.
Ваня Щепкин или этот
Кирилл Давыдович Обернибесов
один печальный и ненужный
другой с корзинкой на плече.

Князь Мещерский

По-мойму лучше тот
который из пеленок
уже кричал «брависсимо»
и дергал за усы
папашу или дядю
когда ему покашливая
в сторону и в тряпочку
пели ирмосы.

Николай II

Восхитительно!
Какая мощь бесстрастного суждения.
Мы позовем Кирилл Давыдыча и спросим
каков он был в младенчестве своем.

Щепкин (вбегая)

Сейчас только что из Москвы.
Прибежал туда а там все так же как и у нас.
Такие же дома и люди. Говорят только наоборот.
«Здравствуйте» это значит у них «прощайте».
Я и побежал обратно. Только где-то по-моему
окно открыто — дует. Я бежал — так вспотел.

Николай II

А! нам-то тебя и нужно. Скажи пожалуйста,
когда ты был еще в пеленках, дергал ты папашу
или, ну скажем, дядюшку своего за усы?

Щепкин

Что?

Николай II

Ты дергал за усы папу или маму?

Щепкин

Зачем?

Николай II

Значит не дергал?

Щепкин

Ваше величество не погубите.

Николай II

Ну ладно, ступай себе.
А что, Кирилл Давыдович пришел?

Комсомолец Вертунов

Нет его все еще нету. Вон идет Фамусов, но кажется один.
Павел Афанасьевич где же ваш друг?

Фамусов *(входя)*

Он отказался идти сюда!
Я говорил ему: Послушай! Пойдем!
а он в накидку завернувшись
стоял у входа.
Я тотчас же все понял.
Он тоскует.
В его руках виднелась книга
он пальцем заложил страницу.
Молчал. И только грудь качалась
да плащ казался мне крылом.

Щепкин

Смотрите он идет сюда.

Комс. Верт.

Что Фамусов?
Не вышло дело?
Хотел прикинуться ягненком?
Вон щеки выкрасил шафраном
но выстричь когти позабыл.

Николай II

Ну, где же он?

Щепкин

Вон там шагает по мосту.

Князь Мещерский

По-мойму это лошадь.

Щепкин

Нет вон там.

Николай II

Ах да теперь я вижу
в руках он держит колокол.

Князь Мещерский

Не колокол, а выстрелы!

Щепкин

Бежимте господа!

Комсомолец Вертунов

Постой, куда бежать?
Царь не волнуйся.
Я приказал стоять у входа Крюгеру
он смел и безобразен
мальчишка не пройдет
и ветер не промчится
он всякого поймает за рукав
толкнет в кибитку
свистнет пальцем,
не бойтесь!
Крюгер — это воин.
Он хранит.

Щепкин *(поет)*

У дверей железный Крюгер
саблей немцу погрозил
но всплеснув руками падал
выстрел Крюгера сразил.

Комсомолец Вертунов

Как его убили?!

Сторож *(вбегая)*

Ваше Величество! Стоящий на посту Эммануил Крюгер
только что убит неизвестной женщиной.

Николай II

Что же это такое?

Сторож

Не смею знать Ваше Величество!

Николай II

Измена! или ты мерзавец лжешь!
Подать мне Крюгера!
Хочу чтоб все ушли!
Я с ним наедине желаю разговаривать.
Поставьте самовар
и заварите чай.

Князь Мещерский

Но ведь его кажись прихлопнули?

Николай II

Молчи и не пытайся...
Я буду ждать пока он не придет.
Пускай шагает по мосту Обернибесов
не в этом дело. Он злодей.
А ты лети к себе в Швейцарию
там лучше.
Уйди от солнца, скройся от людей.
Мне нужен Крюгер.
Кто сказал: «он умер?»
Где Крюгер? Петр! Крюгер где?
Вон Щепкин говорит его убили!
где Крюгер? Петр, где?!
Я жду!

Комсомолец Вертунов

Напрасно ждешь.
Не слышит Петр
и Крюгер в комнате лежит
его рука бездумно машет
свисая тучей со стола
не подходи к нему он тих
он сочинил последний стих.

Фамусов

Что же мы будем ждать Обернибесова или пойдем?

Князь Мещерский

Вот город!
Вот страна!
Я прилетел на родину
и что же
не родина
а ящик из-под шляп.
На улице танцуют мандарины
в окошко залетает борода
я вижу лес, квадратные долины
а сбоку приютились города,
и там сидят еще цари
играют в карты до зари
потом ложатся. Боже мой!
Улечу-ка я домой.

Факельщики (*вносят Крюгера, поют*)

Умер Крюгер как полено
ты не плачь и не стони
вон торчит его колено
между дырок простыни.
Он лежит не вздыхает
он и фыркает и рад.
В небе лампа потухает
освещая Ленинград.

* * *

Обернибесов и Сторож на мосту
Сторож

Кто идет!
Откликнись кто идет!
Эй слушай кто ты такой!
Стой, не пущу!
Ответь куда идешь и как зовут.

Обернибесов

Меня зовут Обернибесов
иду в пространство. Я один.
На пароходе плыл сегодня в пустую гавань
Был обед.
Я сел на палубе за столик одинокий.
Смотрю идет Мария.
Я кадет.
Но я сказал: «Мария ты прекрасна
иди ко мне за мой печальный стол.
Иди сюда». Но было все напрасно.
Она прошла. И суп остыл.

Сторож

Ай ай караул!

Обернибесов

Молчи.
Я создал мир.
Меня боятся.
Но ты мой друг не бойся. Я поэт
схвачу тебя за ножки
и как птицу
ударю с возгласом о тумбу головой.

Сторож (*вырывается и бежит*)

Караул! Грабитель!

Обернибесов (*бежит за ним*)

Ах-ыр рар, рар-ррр

Второй план.

Пётр

С тех пор как умер Крюгер
я опечален. Хожу по городу
в рубахе. Все коряво!
и ты двубортный замок тем не блещешь
что пыль хранишь и чествуешь царя
и ты на мостике голодная избушка
не чудо кутаешь в солому средь коней
пройдет ли мимо князь
ну ладно! ты хромаешь
взлетит ли туча быстрая к немоу потолку.
Опять зима! на улице смятение.
Вон баба щелкает орехи на суку.
Тогда у Зимнего дворца печален
стоит как прежде Крюгер на часах
глядит в безоблачное небо Крюгер...
тпфу-ты!
не Крюгер в небо посмотрел
а ты.

Часовой

Который час?

Пётр

Четыре.
Да! нечего сказать, кругом

лохань безбожная! Вон Катенька спешит
должно быть на свиданье с комсомольцем Вертуновым.
Россия где же ты!

Обернибесов

Тут. В кулаке.
Красиво? Схватил и все тут.
Я пришел сюда на трубочках.
Я Бог.
Вон хочешь эта девка обернется?
я брошу камень в мыльницу и он
распухнет от тоски нечеловеческой. А девка
свернет в кусты и ляжет на траву.
Мне это все знакомо. Я копыто.
Не веришь? Посмотри сюда.
В моих глазах шумит водичка далеко.
Мария как-то увидела птицу
и говорит: Кирилл Давыдович
убей на память!
и тут же посмотрела мне в глаза.
С тех пор я все тоскую. Мне не скучно
но некого ударить по зубам.

Пётр

Я тоже все искал
кого бы изнеможить
кому бы хрустнуться.
Но тоже без следа.
Обернибесов
А я нашел.
Смотри как пудель обрежу подбородок
и вздохнув
среди бела дня тебя перекалечу.
Беги!

Пётр бежит

Обернибесов (*бежит за Петром*)

Ага! я Бог но с топором!!

Первый план.

Князь Мещерский (*сидя в аэроплане*)

Ну ладно! прочь из этих мест.
Какой позор!
Я больше тут не буду повторяться.
Мерзавцы! Вызвали меня!
Светлейшего и мудрого как чорт.
Судить какого-то Обернибесова и Ваню Щепкина.
Эх тети! Куда уж вам!

входит Катенька

bonjour!

Катенька

Я так ужасно торопилась
что даже юбку порвала.

Князь Мещерский

Катенька! скажите мне на милость
откуда здесь у вас на кофточке трава.

Катенька

Соринка выпала из глаза.

Князь Мещерский

Я не видал еще ни разу
таких зеленых попереч.

Катенька

Вон пастушок идет по реч.

Князь Мещерский

Но вы прелестная кокотка
передо мной чуть-чуть коротка.

Катенька

Не говорите глупости. Я млею
и целоваться не умею.

Князь Мещерский

Ого стоп стоп, не уходите.

входит комсомолец Вертунов

и не жардар пр пр.

Комс. Вертунов

Чего это вы тут друг друга обнимаете?

Катенька

Я вся в слезах.
Он так нахален
и так безумен как свинья.

Князь Мещерский

Позвольте я пробовал на искренних струнах...

Комс. Вергунов

Довольно!
Мне ложь противна!
Лети откуда прилетел!
Мы с Катей по-другому обойдемся.

Обернибесов (входя)

На крыше ходит кот.
Он мясо нюхает в амбаре
идет в катушку. Я смотрю
килями жерла. Дороден мир!
Ликуй черкешенка! Сверкает.
Базиль повойники несет
то кучер сани запрягая
шумит в убогие уста.
А я владыка над Москвою
Марию в кухне целовал
ложился в ямочки с тоскою
и руки в мыльницу совал.
Она умрет. Я сверху вижу
вонзаю ножик под бока.
Я в колыбель бросаю лыжу,
еще холодную пока.
Она поет: Кирилл Давыдыч
ну обернись еще разок.
А я подумал: это чудо
и повернулся как зрачок
Князь Мещерский
Улетаю под небесья
Катя сумочкой наши
и поклон ему отвеса
мне любовную пиши.

Катя

Мой жених меня бросает
он другую полюбил
я приду к тебе босая
только б ты его убил.

Князь Мещерский

Я как птица над горою
говорю тебе: блесни.
видишь холодно, закрой
двери настежь и усни.

улетает

Комс. Вертунов

Закатилась гора.
Катя поздно. Спать пора.

Комс. Вертунов и Катя уходят

Обернибесов (один)

Да. Лучше не смотреть.
Ну что это за люди?
Я создал их в поспешности.
Теперь я понял.
Когда я проходил с улыбкой по Пассажу
мне вдруг мелькнула мысль:
«верно ты меня Мария позабыла».
Но тут же спохватился
и вынув папиросу закурил.
«Не может быть, — сказала казначейша,
не в наше время забывать его».
Тогда пробило десять вечера.
Я посмотрел в чуланчик.
А там Мария волосы плетет
и называет Бога: «мой хороший»
и на меня глядит как зверь.
Я понял — это хитрость небольшая
потом сказал: «Бог это я,
а ты Мария дитя бесславное.» Казалось,
она молчит. Но это ложь.
Она тихонько попадала
в бездонный город Петербург.
И взоры нежные кидала
и улыбалась наверху
а я стоял как на помостах
трубил в подкову горячо
потом совсем по-детски просто
я целовал ее плечо:
она визжала и косилась
мне ночью кораблем приснилась
и я схватив железный меч
рубил сырую мачту с плеч.

зававес

третий акт

I офицер

Ох и время. Все клопы
баня грязна. Я брезглив
лучше в море окунусь
ноги потные заголив.
Не спасет меня мундир
буйной молодости сувенир
женских ласок покоритель
царской милости свидетель.

II офицер

Ты смешон и старомоден
рассуждаешь невпопад
ручеек из самовара
принимаясь за водопад.
Ты возьми с меня пример
я среди житейских волн
стал хороший землемер
и работаю как вол.
Жизнь полная труда
мне приятна и мила
так и ты иди туда
куда всех революция привела.

I офицер

Оставь я создан для другого
я таю свечкой на дожде
ты помнишь Петю Пирогова?
он мой товарищ по нужде.

II офицер

Как хочешь, поступай как знаешь,
Хотя по правде говоря
все это ложь, а жизнь иная ж
придет в начале января.

I офицер

О если бы! О Невский! о кареты!
О княжеский покой, народа тихий ропот.
Россия! ты владычеством согрета
орлом двухглавым вознесешься над Европой
твои сыны запрыгают как дети
как юноши в подтяжках на снегу
и буду я вдыхать минуты эти
с блаженством божеским на невском берегу.

Оба (поют)

Коммунистам и татарам
скоро крах, скоро крах.
Англичане ведь не даром
на парах на парах.

пляшут раскидывая ноги

I офицер

Что это?

II офицер

По-моему это стол.

I офицер

Но он несется как покойник!

II офицер

Да это призрак современный
летит в пивную. Вот и стул.
А вот и Пьяница и дама
и мы с тобой и вся земля!
Бежим на улицу, посмотрим
бутылку выпьем и назад.

Стол

Мне хлаблости недостаточно. Одной.

Пьяница

Вре-ешь врешь врешь.
Это ты врешь.

Стол

Потому что ни для циво не употлеблен.

Дама

Фу какие глупости говорите!

Пьяница

Это ему наше поведение не ндравится.

Дама

Сашка, мерзавец! не хватай меня...!

Пьяница

Подожди ж подожди ж...

Дама

Нельзя, не хочу.

отбивается, пьяница целует ее

I офицер

Поцелуемся и мы!

II офицер

А! валяй!

целуются

I офицер

Какая чудная погода!

II офицер

Немножечко пресна.

I офицер

Но это лучшее время года:
петербургская весна

II офицер

Давай поцелуемся.

I офицер

Давай поцелуемся.

целуются

комсомолец Вертунов едет на велосипеде

II офицер

Гражданин!
Вы что-то уронили.

Комс. Вертунов останавливается и слезает

I офицер

С первым Апрелем!

Комсомолец Вертунов

Как?

I офицер

Ну мы просто пошутили!

II офицер

Первого Апреля это так и полагается.

молчание

Мы с вами пошутили.

молчание

I офицер

Потому что когда хорошая погода... Первое Апреля... он вам крикнул...

комсомолец Вертунов молча уходит с велосипедом

Видел?

II офицер

Видел. Дело дрянь. Он понял кто мы такие.

I офицер

Да, мы опасные люди

шепотом

мы опасные люди

с возвышения

мы опасные люди!

II офицер

Я уверен что мы опасные люди.

идет Николай II с портфелем

II офицер

Здравствуйте Николай Александрович.

Николай II

Добрый день. Что нового?

I офицер

Плохи дела! Здравствуйте.

Николай II

Добрый день. Что же случилось?

II офицер

Вы знаете какие мы с вами опасные люди.
Большевики это прекрасно знают.
Сейчас мы видели комсомольца Вертунова,
он явно следит за нами.

I офицер

Еще бы. Народ на нашей стороне.

Николай II

Армия тоже. Я видел на днях как солдаты
заметив меня шли опустив голову
и кидая изподлобья такие взгляды
на своих командиров что я все понял.
Скажи я слово и они как один
умрут за освобождение отечества.

II офицер

Но нас могут выследить и самым спокойным образом убить.

Николай II

Ничего. В больнице вместе со мной служит некий
бывший человек Иван Аполлонович Щепкин.
Он всюду имеет доступ. И уж в случае чего
сказал бы мне что у них там неладное.

I офицер

Дай-то Бог. Недолго и осталось. Я слышал
Николай Николаевич готовит 100-тысячное войско,
вооруженное такими газами
от которых помрут только коммунисты.

Николай II

Да это правда. Мне Щепкин рассказывал уже.

закуривают и уходят

Голос за сценой I офицер

Николай Александрович, — а скоро это все-таки случится?

* * *

входят: комсомолец Вертунов и Катя

Катя

Что же это ты как долго?

Комсомолец Вертунов

Да вот по дороге задержали меня два дурака. Еще издали еду
смотрю

пляшут двое ногами дрыгают. Когда я подъехал один кричит:
«Гражданин!

Потеряли что-то». Я слез, а они в восторге что надули с 1
апрелем.

**к III-й части «Комедии города Петербурга»
Интермедия**

взмахнули плечи круглые
девица ты недобрая
уйди Мария в просеку
кричи оттуда тетерем
маши оттуда зонтиком
скачи оттуда кренделем
танцуй оттуда в комнату
в чуланчик или в комнату

малый Хор

в том чулане
в том чулане
залетала
птица рыжая
на скамейке
дева желтая
расплетала
косу черную

большой Хор

проходили
звери дутые
закрывались
окна с трепетом

малый Хор

проходили
звери дутые
разбивалася
птица рыжая
а по морю-ту по согнутому
плыли дружные разбойнички
подплывали ночью к домику-то те
бессердечные разбойнички
все-то ручками они да перещупывают
за волосья деву сонную захватывают
просыпалася голубка потревоженная
матка плакала и в горницу заглядывала

Разбойники хором

Ну-ка девка пошевеливайся ты
Левка по́ полу притопнет каблуком,
зашатается по городу кабак
опрокинутся дороги в пустоту.

Мария

Я... прошу... отпустить... меня...

Разбойники

Ты по воздуху от нас не убежишь
опрокинулись дороги в пустоту.

малый Хор

Стены кубарем попадали в моря
и уплыли звери дутые домой.

I-ый разбойник

Хочешь нам варить мясо?

Мария

Нет не хочу.

II-й разбойник

Хочешь нам завязывать галстуки?

Мария

Нет не хочу.

4-й разбойник

Хочешь нам рассказывать о тучах?

Мария

Нет. Я с воздухами не знакома
и в тучах птицей не была
я косы черные плела
меня искал Обернибесов
стучал в кривую дверь порой
и тихо плакал на колесах
над горой
он точил о камни ножик
теплил белую свечу
человек летать не может
он же крикнул; полечу!
Он умчался из окна
я осталась одна.
Не была я птицей в тучах
был мой друг
был мой друг
вейтесь бубы и лучи!
он придет и постучит
вдруг!..

(значит, улетает).

Разбойники

Стой! Стой! Стой! Стой!
Возврати твою цидулину душа
Левка по полу притопнет каблуком
зашатается по городу кабак
опрокинутся дороги в пустоту.

малый Хор

Улетела девка соколом от них
и разбойники танцуют без нее
матка плачет и приплясывает эх!
все откидывает голову назад
проплывает мимо горницы топор
а за ним Иван Иваныч Самовар
Левка падает в кривое решето
Тухнет солнышко как свечка на ветру

свет тухнет и музыка затихает

III часть

Щепкин (вбегая)

Закройте двери! Сквозняки-то какие!
Вон и то окно надо закрыть. Тут и простудиться немудрено.

Фамусов

Бумажка по ветру летит
колышутся портьеры, шторы
взовьется пыль из-под ковра
гусары шепчутся: пора.
Сейчас гофмейстер сняв покров
чуть слышно скажет: будь готов
и машет вдруг на колокольню.
Уже в дверях собачий лай
скрипенье санок, звон, пальба
отбросив двери Николай
ступает в комнату. Тогда
бегут в погоню канделябры
лучи согнутые трясутся
мелькнет карета, обожжется
глядишь! под голову ныряет
и криком воздух оглашая
ворвется в дом струя большая.
Дудит в придворные глаза
в портьеры, в шторы, в образа
колышет перья, фижмы, пудру
вертится, трогает струну
дворцы ломает в пух и к утру
потокотом льется на страну.
Летит волна, за ней другая
царицу куклой кувырка
козлиный комкая платок
царя бросая в потолок.

Щепкин *(поет)*

Вьются шторы, вьются перья
дует ветер вдоль плетня:
я пойду закрою двери
только ты подожди меня.

Фамусов

Да брось ты мы окна закроем
ты видишь я: иду иду
толкаю раму, танцуют запоры
и винтики глянь заскользят по льду.

Щепкин *(поет)*

Закройте раму, закройте двери
ветер не злился и к нам не лети

темною ночью выйдут звери
выйдут крылатые нас найти.

Фамусов

Не бойся Ваня
пройдет ликование
звериные тысячи
круглая барыня
чудо кошачье
горе лежачее.

Щепкин (*кричит*)

Не боюсь я Павел
не страшусь я Афанасьевич
я ружье направил
на врага летучего
на врага презренного
без копыт и паруса.

Зверь

Пропади мерзляк
я за мерелю каля
вѣлю плю на кулю коку
дулю в каку кiku пулю.

Щепкин

Да это что же такое?!
Человек похожий на колбасу
Он без зубов потому что.

Щепкин

А ты-то кто?
Караул!

роняет ружье

из ящичка выскакивает пугáлка с головой на длинной пружине

Пугалка

Молчать-чать-чать-чать-чать

Чудовища хором

Мы любимцы сквозняка
сквозняка сквозняка
мы летим издалека́
далека́ ка́.

Фамусов

Убирайтесь вон!
Здесь я хозяин.
А вы ничто, пустое, миф
вы плод фантазии досужной
живете солнце осралив.

Чудовища хором (с музыкой)

О любезный Фамусов
!-!!-!
ты киргиз но без усов
!-!!-!

влетает Мария
Мария

Ах, куда я попала?

Щепкин

Батюшки.

Фамусов

Гм.

Мария

Я тихо по морю каталась
но потеряла вдруг весло
тут паруса мои надулись
и лодку ветром понесло
ко мне пришла теперь идея
она проста: скажите где я?

Щепкин

Вы в городе Петербурге.

Мария

Где?

Фамусов

В Ленинграде.

Мария

В столицу значит я попала

прекрасно! очень хорошо
здесь на Неве живет хороший мой знакомый
Трехэтажный, он служит в банке
старший счетовод.
Его зовут Кирилл Давыдыч Трехэтажный
он ходит, милый мой, с корзинкой на плече.

Фамусов

Скажите Трехэтажный вам не дядя?

Мария

О нет. Он мне жених и друг.

Щепкин

Странно он мне кого-то напоминает.
Вот так в глазах и вьется
так и вьется.

Фамусов

Он верно пуп земли?
Человек похожий на колбасу
Растительность природы?

Зверь

Квúлячья кумáнда?

Мария

Нет, просто человек.

Щепкин

Но все же вьется в ухо
в глаза проклятый вьется
и память растревожив
не сходит с языка
какой-то Трехэтажный
Кирилл Давыдыч как-то
он вьется так и вьется
на вьюгу на вьюгу.

Николай II (входя)

Ба! вся честная компания!

Щепкин

Здраво желаю Ваше Величество.

Николай II

Поклон.
А это кто?

Мария

Меня зовут Мария
я с бабушкой жила в чулане
гуляла в парке ездила в Казань
потом вскочила в лодку и веслом кружа
умчалась в поцелуй ножа
летела к вам на шарике воздушном
держа канат в простуженной руке
и вдруг увидя золотые башни
шипенье труб и щелканье ракет
подумала: вот это город. Уплывает море.
Наступает утро. В небе синева.
А сквозь колыхнется Нева.

Пётр

Да это я построил город здесь на Финском побережье
сказал столица будет тут. И вмиг
дремучий лес был до корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин.

Николай II

Ты Петр был царем
а я брожу как дева
шатаюсь вдоль реки. О бражная Нева!
Пройдут года, недели пронесутся
но ты красавица в моря не уплывешь.
Варяга ли набег иль немца крик досчатый
иль ярость косая Урал перелетит
тебя красавица и гром не потревожит
и город не падет на берегу твоём.
А я прощай, прощай моя подруга
уйду с болот в бесславии своём.
Прощай Россия. Потухает жизнь...
Ну что ж Мария, что же скажешь ты?

Мария

Здесь мой жених. Кирилл Давыдыч
он служит в банке. Я люблю.
Его фамилия как будто Трехэтажный
а ходит он с корзинкой на плече.

Николай П

Ах как же знаю знаю
вот так штука! Кирилл Давыдыча назвать!
Мы даже спорили и Щепкин в том свидетель
...А, мое почтение!

Комсомолец Вертунов

Здравствуй царь.
Моя жена — позвольте вам представить
зовут ее Катюша.

Николай П

Очень рад.

Ком. Верт.

А это Павел Афанасьевич Фамусов.

Катюша

Но мы уже знакомы!

Комс. Верт.

А это Ваня Щепкин.

Щепкин

Ваш слуга.

Комс. Верт.

А это кто?

Ник. П

Мария Павловна
приехала в столицу к жениху.

Комс. Верт.

В какую столицу?

Ник. П

В Петербург.

Щепкин

В Ленинград Ваше величество.

Комс. Верг.

В какой такой Петербург?!

Ник. П

В город Пе-тер-бург.

<февраль-сентябрь 1927 года>
Сохранились только отрывки из «Комедии».

Елизавета Бам

Елизавета Бам . Сейчас, того и гляди, откроется дверь и они войдут... Они обязательно войдут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Что я наделала? Если бы я только знала... Бежать? Но куда бежать? Эта дверь ведет на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? *(Смотрит в окно.)* Ууу, высоко! мне не прыгнуть! Ну что же мне делать?.. Э! чьи-то шаги! Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Стук в дверь, потом голос . Елизавета Бам, откройте! Елизавета Бам, откройте!

Голос издалека . Ну что она там, двери не открывает?

Голос за дверью . Откройте, Елизавета Бам, откройте.

Голоса за дверью.

Первый : Елизавета Бам, я Вам приказываю немедленно же открыть!

Второй : Вы скажите ей, что иначе мы сломаем дверь. Дайте-ка я попробую.

Первый : Мы сами сломаем дверь, если Вы сейчас не откроете.

Второй : Может, ее здесь нету?

Первый *(тихо)* : Здесь. Где же ей быть? Она взбежала по лестнице вверх. Здесь только одна дверь. *(Громко)* : Елизавета Бам, говорю Вам в последний раз, откройте дверь. *(Пауза.)* Ломай.

Второй : У Вас ножа нету?

Первый : Нет, Вы плечом.

Второй : Не поддается. Постой-ка, я еще так попробую.

Елизавета Бам : Я Вам дверь не открою, пока Вы не скажете, что Вы хотите со мной сделать.

Первый : Вы сами знаете, что Вам предстоит.

Елизавета Бам : Нет, не знаю. Вы меня хотите убить?

Первый : Вы подлежите крупному наказанию!

Второй : Вы все равно от нас не уйдете!

Елизавета Бам : Вы, может быть, скажете мне, в чем я провинилась?

Первый : Вы сами знаете.

Елизавета Бам : Нет, не знаю.

Первый : Разрешите Вам не поверить.

Второй : Вы преступница.

Елизавета Бам : Ха-ха-ха-ха! А если Вы убьете меня, Вы думаете, Ваша совесть будет чиста?

Первый : Мы сделаем это, сообразуясь с нашей совестью.

Елизавета Бам : В таком случае, увы, но у Вас нет совести.

Второй : Как нет совести? Петр Николаевич, она говорит, что у нас нет совести.

Елизавета Бам : У Вас-то, Иван Иванович, нет никакой совести. Вы просто мошенник.

Второй : Кто мошенник? Это я? Это я? Это я мошенник?!

Первый : Ну подожди, Иван Иванович! Елизавета Бам, прика...

Второй : Нет, постойте, Петр Николаевич, Вы мне скажите, это я мошенник?

Первый : Да отстаньте же Вы!

Второй : Это что же, я, по-Вашему, мошенник?

Первый : Да, мошенник!!!

Второй : Ах так, значит по-Вашему я мошенник! Так Вы сказали?

Первый : Убирайтесь вон! Балда какая! Я еще пошел на ответственное дело. Вам слово сказали, а Вы уж и на стену лезете. Кто же Вы после этого? Просто идиот!

Второй : А Вы шарлатан!

Первый : Убирайтесь вон!

Елизавета Бам : Иван Иванович мошенник!

Второй : Я Вам этого не прощу!

Первый : Я Вас сейчас спущу с лестницы!

Елизавета Бам открывает двери.

Иван Иванович : Попробуйте скиньте!

Петр Николаевич : Скину, скину, скину, скину!

Елизавета Бам : Руки коротки!

Петр Николаевич : Это у меня-то руки коротки?

Елизавета Бам : Ну да!

Иван Иванович : У Вас! У Вас! Скажите, ведь у него?

Елизавета Бам : У него!

Петр Николаевич : Елизавета Бам, Вы не смеее так говорить.

Елизавета Бам : Почему?

Петр Николаевич : Потому что Вы лишены всякого голоса. Вы совершили гнусное преступление. Не Вам говорить мне дерзости. Вы — преступница!

Елизавета Бам : Почему?

Петр Николаевич : Что почему?

Елизавета Бам : Почему я преступница?

Петр Николаевич : Потому что Вы лишены всякого голоса.

Иван Иванович : Лишены всякого голоса.

Елизавета Бам : А я не лишена. Вы можете проверить по часам.

Петр Николаевич : До этого дело не дойдет. Я у дверей расставил стражу, и при малейшем толчке Иван Иванович икнет в сторону.

Елизавета Бам : Покажите. Пожалуйста, покажите.

Петр Николаевич : Ну, смотрите. Предлагаю отвернуться. Раз, два, три. *(Толкает тумбу.)*

Елизавета Бам : Еще раз, пожалуйста! Как это вы делаете?

Петр Николаевич : Очень просто. Иван Иванович, покажите.

Иван Иванович : С удовольствием.

Елизавета Бам : Да ведь это же прелесть как хорошо *(Кричит.)* Мама! Пойди сюда! фокусники приехали. Сейчас придет моя мама... Познакомьтесь, Петр Николаевич, Иван Иванович. — Вы что-нибудь нам покажете?

Иван Иванович : С удовольствием.

Петр Николаевич : Халэ оп! Сразу, сразу.

Иван Иванович : Тут негде упереться.

Елизавета Бам : Хотите, может быть, полотенце?

Иван Иванович : Зачем?

Елизавета Бам : Просто так. Хи-хи-хи-хи.

Иван Иванович : У вас чрезвычайно приятная внешность.

Елизавета Бам : Ну да? Почему?

Иван Иванович : Ы-ы-ы-ы потому что вы незабудка. *(Громко икает.)*

Елизавета Бам : Я незабудка? Правда? А вы тюльпан.

Иван Иванович : Как?

Елизавета Бам : Тюльпан.

Иван Иванович (*в недоумении*) : Очень приятно-с.

Елизавета Бам (*в нос*) : Разрешите вас сорвать.

Отец (*басом*) : Елизавета, не дури.

Елизавета Бам (*отцу*) : Я, папочка, сейчас перестану. (*Иван Ивановичу, в нос*) :
Встаньте на четверинки.

Иван Иванович : Если позволите, Елизавета Таракановна, я пойду лучше домой. Меня ждет жена дома. У ней много ребят, Елизавета Таракановна. Простите, что я так надоел Вам. Не забывайте меня. Такой уж я человек, что все меня гоняют. За что, спрашивается? Украл я, что ли? Ведь нет! Елизавета Эдуардовна, я честный человек. У меня дома жена. У жены ребят много. Ребята хорошие. Каждый в зубах по спичечной коробке держит. Вы уж простите меня. Я, Елизавета Михайловна, домой пойду.

Мамаша (*поет под музыку*) :

Вот вспыхнуло утро,
румянятся воды,
над озером быстрая чайка летит

и т. д.

Петр Николаевич : Ну вот и приехали!

Папаша : Слава Тебе, Господи!

Уходят.

Елизавета Бам : А ты, мама, не пойдешь разве гулять?

Мамаша : А тебе хочется?

Елизавета Бам : Страшно.

Мамаша : Нет, не пойду.

Елизавета Бам : Пойдем, ну-у-у-у.

Мамаша : Ну пойдем, пойдем. (*Уходят.*)

(*Сцена пуста*)

Иван Иванович и Петр Николаевич (*вбегая*) :

Где, где, где

Елизавета Бам,

Елизавета Бам,

Елизавета Бам.

Петр Николаевич : Тут, тут, тут.

Иван Иванович : Там, там, там.

Петр Николаевич : Где мы оказались, Иван Иванович?

Иван Иванович : Петр Николаевич, мы с вами взаперти.

Петр Николаевич : Что за безобразие! Прошу меня не тычь!

Иван Иванович : Вот Вам фунт, баста пять без пяти.

Петр Николаевич : Где Елизавета Бам?

Иван Иванович : Зачем ее надо Вам?

Петр Николаевич : Чтобы убить!

Иван Иванович : Хм, Елизавета Бам сидит на скамейке там.

Петр Николаевич : Бежим тогда во всю прыть.

Оба бегут на одном месте. на авансцену выносят полено, и пока П.Н. и И.И. бегут, распиливают это полено.

Хоп, хоп,
ногами
закат за

горами
облаками розовыми
пух, пух
паровозами
хук, хук
филина бревно! —
— распилено.

Отодвигается кулиса и за кулисами сидит Е.Б.

Елизавета Бам : Вы меня ищете?

Петр Николаевич : Вас! Ванька, она тут!

Иван Иванович : Где, где, где?

Петр Николаевич : Здесь под фарлушкой.

На сцену выходит нищий.

Иван Иванович : Тащи ее наружу!

Петр Николаевич : Не вытаскивается!

Нищий (*Елизавете Бам*) : Товарищ, помогите.

Иван Иванович (*заикаясь*) : Вот следующий раз у меня больше опыта будет. Я как все подметил.

Елизавета Бам (*нищему*) : У меня ничего нет.

Нищий : Копеечку бы.

Елизавета Бам : Спроси того вон дяденьку. (*Указывает на Петра Николаевича.*)

Петр Николаевич (*Ивану Ивановичу, заикаясь*) : Ты гляди, что ты делаешь!

Иван Иванович (*заикаясь*) : Я корни выкапываю.

Нищий : Помогите, товарищи.

Петр Николаевич (*нищему*) : Давай. Залезай туда.

Иван Иванович : Руками обопрись о камушки.

Нищий улезает под кулису.

Петр Николаевич : Ничего, он это умеет.

Елизавета Бам : Садитесь и вы. Чего смотреть?

Иван Иванович : Благодарю.

Петр Николаевич : Сядем.

(Садятся.)

Елизавета Бам : Что-то муж мой не идет. Куда он пропал?

Петр Николаевич : Придет. (*Вскакивает и бежит по сцене.*) Чур-чура!

Иван Иванович : Ха-ха-ха. (*Бежит за Петром Николаевичем.*) Где же дом?

Елизавета Бам : Тут вот, за этой черточкой.

На сцену выходит Папаша с пером в руке.

Петр Николаевич (*хлопает Ивана Ивановича*) : Ты пятнашка!

Елизавета Бам : Иван Иванович, бегите сюда!

Иван Иванович : Ха-ха-ха, у меня ног нет!

Петр Николаевич : А ты так, на четверенках!

Папаша : Про которую написано было.

Елизавета Бам : Кто пятнашка?

Иван Иванович : Я, ха-ха-ха, в штанах!

Петр Николаевич и Елизавета Бам : Ха-ха-ха-ха!..

Папаша : Коперник был величайшим ученым.

Иван Иванович (*валится на пол*) : У меня на голове волосы.

Петр Николаевич и Елизавета Бам : Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Иван Иванович : Я весь лежу на полу!

На сцену выходит Мамаша.

Петр Николаевич и Елизавета Бам : Ха-ха-ха-ха-ха!

Елизавета Бам : Ой, ой, не могу!

Папаша : Покупая птицу, смотри, нет ли у нее зубов. Если есть зубы, то это не птица.
(Выходит.)

Петр Николаевич (поднимая руку) : Прошу как следует вслушаться в мои слова. Я хочу доказать Вам, что всякое несчастье наступает неожиданно. Когда я был еще совсем молодым человеком, я жил в небольшом домике со скрипучей дверью. Я жил один в этом домике. Кроме меня были лишь одни мыши и тараканы. Тараканы всюду бывают; когда наступала ночь, я запирали дверь и тушил лампу. Я спал, не боясь ничего.

Голос за сценой : Ничего!

Мамаша : Ничего!

Дудочка за сценой : |—|

Иван Иванович : Ничего!

Рояль : |—|

Петр Николаевич : Ничего. (Пауза.) Мне нечего было бояться. И действительно. Грабители могли бы прийти и обыскать весь домик. Что бы они нашли? Ничего.

Дудочка за сценой : |—| (пауза.)

Петр Николаевич : А кто бы еще мог забраться ко мне ночью? Больше некому ведь? Правда?

Голос за сценой : Ведь некому же больше?

Петр Николаевич : Правда? Но однажды я просыпаюсь...

Иван Иванович : ...и вижу, дверь открыта, а в дверях стоит какая-то женщина. Я смотрю на нее прямо в упор. Она стоит. Было достаточно светло. Должно быть, дело близилось к утру. Во всяком случае, я видел хорошо ее лицо. Это была вот кто. (Показывает на Елизавету Бам.) Тогда она была похожа...

Все : На меня!

Иван Иванович : Говорю, чтобы быть.

Елизавета Бам : Что Вы говорите?

Иван Иванович : Говорю, чтобы быть. Потом, думаю, уже поздно. Она слушает меня. (Все, кроме Елизаветы Бам и Ивана Ивановича уходят.) Я спросил ее, чем она это сделала. Она говорит, что подралась с ним на эспадронах. Дрались честно, но она не виновата, что убила его. Слушай, зачем ты убила Петра Николаевича?

Елизавета Бам : Ура, я никого не убивала!

Иван Иванович : Взять и зарезать человека! Сколь много в этом коварства! Ура! ты это сделала, а зачем!

Елизавета Бам (уходит в сторону и оттуда) : Ууууууууу-у-у-у-у.

Иван Иванович : Волчица.

Елизавета Бам : Ууууу-у-у-у-у-у-у-у.

Иван Иванович : Во-о-о-о-о-лчица.

Елизавета Бам (дрожит) : У-у-у-у-у — черносливы.

Иван Иванович : Пр-р-р-рабабушка.

Елизавета Бам : Ликование!

Иван Иванович : Погублена навеки!

Елизавета Бам : Вороной конь, а на коне солдат!

Иван Иванович (зажигает спичку) : Голубушка Елизавета!

Елизавета Бам : Мои плечи, как восходящее солнце! (Влезает на стул.)

Иван Иванович (сидя на корточках) : Мои ноги, как огурцы!

Елизавета Бам (влезая выше) : Ура! Я ничего не говорила!

Иван Иванович (ложась на пол) : Нет, нет, ничего, ничего. Г.г. пш. пш.

Елизавета Бам (поднимая руки) : Ку-ни-ма-га-ни-ли-ва-ни-баууу!

Иван Иванович (лежа на полу, поет) :

Мурка кошечка

молочко приговаривала
на подушку прыгала
и на печку прыгала
прыг, прыг.
Скок, скок.

Елизавета Бам (*кричит*) : Дзы калитка! Рубашка! веревка!

Иван Иванович (*приподнимаясь*) : Прибежали два плотника и спрашивают: в чем дело?

Елизавета Бам : Котлеты! Варвара Семенна!

Иван Иванович (*кричит, стиснув зубы*) : Плясунья на проволо-о-о!

Елизавета Бам (*спрыгивая со стула*) : Я вся блестящая!

Иван Иванович (*бежит вглубь комнаты*) : Кубатура этой комнаты нами не изведена.

Кулисы подают Папашу и Мамашу.

Елизавета Бам (*бежит на другой конец сцены*) : Свои люди, сочтемся!

Иван Иванович (*прыгая на стул*) : Благополучие Пенсильванского пастуха и пасту-у-у-у!

Елизавета Бам (*прыгая на другой стул*) : Иван Ива-а-а-а!

Папаша (*показывая коробочку*) : Коробочка из дере-е-е-е!

Иван Иванович (*со стула*) : Пока-а-а!

Папаша : Возьми посмо-о-о!

Мамаша : Ау-у-у-у-у!

Елизавета Бам : Нашла подберезови-и-и-и!

Иван Иванович : Пойдемте на озеро!

Папаша : Ау-у-у-у-у!

Елизавета Бам : Ау-у-у-у-у!

Иван Иванович : Я вчера Кольку встретил!

Мамаша : Да что Вы-ы-ы?

Иван Иванович : Да, да. Встретил, встретил. Смотрю, Колька идет и яблоко несет. Что, говорю, купил? Да, говорит, купил. Потом взял и дальше пошел.

Папаша : Скажите пожалуйста-а-а-а-а!

Иван Иванович : Нда. Я его спросил: ты что, яблоки покупал или крал? А он говорит: зачем крал? Покупал. И пошел себе дальше.

Мамаша : Куда же это он пошел?

Иван Иванович : Не знаю. Не крал, не покупал. Пошел себе.

Папаша : С этим не совсем любезным приветствием сестра привела его к более открытому месту, где были составлены в кучу золотые столы и кресла, и штук пятнадцать молодых девиц весело болтали между собой, сидя на чем Бог послал. Все эти девицы сильно нуждались в горячем уюте и все отличались странной манерой вертеть глазами, ни на минуту не переставая болтать.

Иван Иванович : Друзья, мы все тут собрались. Ура!

Елизавета Бам : Ура!

Мамаша и папаша : Ура!

Иван Иванович (*дрожа и зажигая спичку*) : Я хочу сказать вам, что с тех пор, как я родился, прошло 38 лет.

Папаша и мамаша : Ура!

Иван Иванович : Товарищи. У меня дом есть. Дома жена сидит. У ней много ребят. Я их сосчитал — 10 штук.

Мамаша (*топчаь на месте*) : Дарья, Марья, Федор, Пелагея, Нина, Александр и четверо других.

Папаша : Это все мальчики?

Елизавета Бам (*бежит вокруг сцены*) :

Оторвалась отовсюду!
 Оторвалась и побежала!
 Оторвалась и ну бегать!
Мамаша (*бежит за Елизаветой Бам*) : Хлеб ешь?
Елизавета Бам : Суп ешь?
Папаша : Мясо ешь? (*Бежит.*)
Мамаша : Муку ешь?
Иван Иванович : Брюкву ешь? (*Бежит.*)
Елизавета Бам : Баранину ешь?
Папаша : Котлеты ешь?
Мамаша : Ой, ноги устали!
Иван Иванович : Ой, руки устали!
Елизавета Бам : Ой, ножницы устали!
Папаша : Ой, пружины устали!
Мамаша : На балкон дверь открыта!
Иван Иванович : Хотел бы я подпрыгнуть до четвертого этажа.
Елизавета Бам : Оторвалась и побежала! Оторвалась и ну бежать!
Папаша : Караул, моя правая рука и нос такие же штуки, как левая рука и ухо!
 Хор (*под музыку на мотив увертюры*) :

До свидания, до свидания.
 ||—|
 Наверху говорит сосна,
 а кругом говорит темно.
 На сосне говорит кровать,
 а в кровати лежит супруг.
 До свидания, до свидания.
 ||—|
 ||—|
 Как-то раз прибежали мы
 |—| в бесконечный дом.
 А в окно наверху глядит
 сквозь очки молодой старик.
 До свидания, до свидания.
 ||—|
 ||—|
 Растворились ворота,
 показались |—|

(*Увертюра*)

Иван Иванович :

Сам ты сломан
 стул твой сломан.

Скрипка :

па па пи па
 па па пи па

Петр Николаевич :

Встань Берлином
надень пелерину.

Скрипка :

па па пи па
па па пи па

Петр Николаевич :

Восемь минут
пробегут незаметно.

Скрипка :

па па пи па па
па па пи

Петр Николаевич :

Вам счет отдан
будите трудыны
взвод или роту
вести пулемет.

Барабан :

|—|—
|—|—
|—|—|—|

Петр Николаевич :

Ключья летели неделю за неделей.

Сирена и барабан :

виа-а бум, бум виа-а-а бум.

Петр Николаевич :

Капитанного шума первого не заметила сикурая невеста.

Сирена :

виа, виа, виа, виа.

Петр Николаевич :

Помогите сейчас, помогите, надо мною салат и водица.

Скрипка :

па па пи па
па па пи па

Иван Иванович :

Скажите, Петр Николаевич, Вы были там на той горе.

Петр Николаевич :

Я только что оттуда, там прекрасно.
Цветы растут. Деревья шелестят.
Стоит избушка — деревянный домик,
в избушке светит огонек,
на огонек слетаются черницы,
стучат в окно ночные комары.
Порой шмыгнет и выпорхнет под
крышей разбойник старый козодой,
собака цепью колыхает воздух
и лает в пустоту перед собой,
а ей в ответ невидные стрекозы
бормочут заговор на все лады.

Иван Иванович :

А в этом домике, который деревянный,
который называется избушка,
в котором огонек блестит и шевелится,
кто в этом домике живет?

Петр Николаевич :

Никто в нем не живет
и дверь не растворяет,
в нем только мыши трут ладонями муку,
в нем только лампа светит розмарином
да целый день пустынником сидит
на печке таракан.

Иван Иванович :

А кто же лампу зажигает?

Петр Николаевич :

Никто, она горит сама.

Иван Иванович :

Но этого же не бывает!

Петр Николаевич :

Пустые, глупые слова!
Есть бесконечное движение,
дыханье легких элементов,
планетный бег, земли вращенье,
шальная смена дня и ночи,
глухой природы сочетанье,
зверей дремучих гнев и сила
и покоренье человеком
законов света и волны.

Иван Иванович (*зажигая спичку*) :

Теперь я понял,
понял, понял,
благодарю и приседаю,
и как всегда, интересуюсь —
который час? скажите мне.

Петр Николаевич :

Четыре. Ой, пора обедать!
Иван Иванович, пойдемте,
но помните, что завтра ночью
Елизавета Бам умрет.

Папаша (*входя*) :

Которая Елизавета Бам,
которая мне дочь,
которую хотите вы на следующую ночь
убить и вздернуть на сосне,
которая стройна,
чтобы знали звери все вокруг
и целая страна.
А я приказываю вам
могуществом руки забыть Елизавету Бам
законам вопреки.

Петр Николаевич :

Попробуй только запрети,
я растопчу тебя в минуту,
потом червонными плетьюми
я перебью твои суставы.
Изрежу, вздую и верхом
пущу по ветру петухом.

Иван Иванович :

Ему известно все вокруг,
он повелитель мне и друг,

одним движением крыла
он двигает морями,
одним размахом топора
он рубит лес и горы —
одним дыханием своим
он всюду есть неуловим.

Папаша :

Давай, сразимся, чародей,
ты словом, я рукой,
пройдет минута, час пройдет,
потом еще другой.
Погибнешь ты, погибну я,
все тихо будет там,
но пусть ликует дочь моя
Елизавета Бам.

Сражение двух богатырей

Иван Иванович :

Сражение двух богатырей!
Текст — Иммануила Красдайтейрик.
Музыка — Велиопага, нидерландского пастуха.
Движение — неизвестного путешественника.
Начало объявит колокол!

Голоса с разных концов зала :

Сражение двух богатырей!
Текст — Иммануила Красдайтейрик.
Музыка — Велиопага, нидерландского пастуха!
Движение — неизвестного путешественника!
Начало объявит колокол!

Сражение двух богатырей!

и т. д.

Колокол : Бум, бум, бум, бум, бум.

Петр Николаевич :

Курыбыр дарамур
дыньдири
слакатырь пакарадагу
ды кы чири кири кири
занудила хабакула
хе-е-ель
ханчу ана куды
стум чи на лакуды
пара вы на лыйтена
хе-е-ель
чапу ачапали
чапатали мар
набалочина
хе-е-ель

(поднимает руку).

Папаша :

Пускай на солнце залетит
крылатый попугай,
пускай померкнет золотой,
широкий день, пускай.
Пускай прорвется сквозь леса
копыта звон и стук,
и с визгом сходит с колеса
фундамента сундук.
И рыцарь, сидя за столом
и трогая мечи, поднимет чашу, а потом
над чашей закричит:
Я эту чашу подношу
к восторженным губам,
я пью за лучшую из всех,
Елизавету Бам.
Чьи руки белы и свежи,
ласкали мой жилет...
Елизавета Бам, живи,
живи сто тысяч лет.

Петр Николаевич :

Ну-с, начинаем.
Прошу внимательно следить
за колебанием наших сабель, —
куда которая бросает острие
и где которая приемлет направление.

Иван Иванович :

Итак, считаю нападение слева!

Папаша :

Я режу вбок, я режу вправо,
Спасайся кто куды!
Уже шумит кругом дубрава,
растут кругом сады.

Петр Николаевич :

Смотри поменьше по сторонам,
а больше наблюдай движение
железных центров и сгущение смертельных сил.

Папаша :

Хвала железу — карборунду!

Оно скрепляет мостовые
и, электричеством сияя,
терзает до смерти врага!
Хвала железу! Песнь битве!
Она разбойника волнует,
младенца в юноши выносит
терзает до смерти врага!
О песнь битве! Слава перьям!
Они по воздуху летают,
глаза неверным заполняют,
терзают до смерти врага!
О слава перьям! Мудрость камню.
Он под сосной лежит серьезной,
из-под него бежит водица
навстречу мертвому врагу.

Петр Николаевич падает.

Петр Николаевич :

Я пал на землю поражен,
прощай, Елизавета Бам,
сходи в мой домик на горе
и запрокинься там.
И будут бегать по тебе
и по твоим рукам глухие мыши, а затем
пустынник таракан.
Звонит колокол.
Ты слышишь, колокол звенит
на крыше бим и бам.
Прости меня и извини, Елизавета Бам.

Иван Иванович : Сражение двух богатырей окончено.

Петра Николаевича выносят.

Елизавета Бам (входя) :

Ах, папочка, ты тут.
Я очень рада,
я только что была в кооперативе,
я только что конфеты покупала,
хотела, чтобы к чаю был бы торт.

Папаша (растегивая ворот) : Фу, утомился как.

Елизавета Бам : А что ты делал?

Папаша : Да... я дрова колол и страшно утомлен.

Елизавета Бам : Иван Иванович, сходите в полпивную и принесите нам бутылку пива и горох.

Иван Иванович : Ага, горох и полбутылки пива, сходить в пивную, а оттуда сюда.

Елизавета Бам : Не полбутылки, а бутылку пива, и не в пивную, а в горох идти!

Иван Иванович : Сейчас, я шубу в полпивную спрячу, а сам на голову одену полгорох.

Елизавета Бам : Ах, нет, не надо, торопитесь только, а мой папочка устал колоть дрова.

Папаша : О что за женщины, понятия в них мало, они в понятиях имеют пустоту.

Мамаша (*входя*) : Товарищи. Маво сына эта мержавка укокосыла.

Из-за кулис высовываются две головы.

Головы : Какая? Какая?

Мамаша : Эта вот, с такими вот губами!

Елизавета Бам : Мама, мама, что ты говоришь?

Мамаша : Все из-за тебя евонная жизнь окончилась вничью.

Елизавета Бам : Да ты мне скажи, про кого ты говоришь?

Мамаша (*с каменным лицом*) : Их! их! их!

Елизавета Бам : Она с ума сошла!

Мамаша : Я каракатица.

Кулисы поглощают Папашу и Мамашу.

Елизавета Бам : Они сейчас придут, что я наделала!

Мамаша : $3 \times 27 = 81$.

Елизавета Бам : Они обязательно придут, чтобы поймать и стереть с лица земли. Бежать. Надо бежать. Но куда бежать? Эта дверь ведет на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (*Смотрит в окно.*) О-о-о-о-х. Мне не прыгнуть. Высоко очень! Но что же мне делать? Э! Чьи-то шаги. Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Запирает дверь.

Стук в дверь, потом голос : Елизавета Бам, именем закона, приказываю Вам открыть дверь.

Молчание.

Первый голос : Приказываю Вам открыть дверь!

Молчание.

Второй голос (*тихо*) : Давайте ломать дверь.

Первый голос : Елизавета Бам, откройте, иначе мы сами взломаем!

Елизавета Бам : Что вы хотите со мной сделать?

Первый : Вы подлежите наказанию.

Елизавета Бам : За что? Почему вы не хотите сказать мне, что я сделала?

Первый : Вы обвиняетесь в убийстве Петра Николаевича Крупернак.

Второй : И за это Вы ответите.

Елизавета Бам : Да я не убивала никого!

Первый : Это решит суд.

Елизавета Бам открывает дверь. Входят Петр Николаевич и Иван Иванович, переодетые в пожарных.

Елизавета Бам : Я в вашей власти.

Петр Николаевич : Именем закона Вы арестованы.

Иван Иванович (*зажигая спичку*) : Следуйте за нами.

Елизавета Бам (*кричит*) : Вяжите меня! Тащите за косу! Продевайте сквозь корыто! Я никого не убивала. Я не могу убивать никого!

Петр Николаевич : Елизавета Бам, спокойно!

Иван Иванович : Смотрите в даль перед собой.

Елизавета Бам : А в домике, который на горе, уже горит огонек. Мыши усиками шевелят, шевелят. А на печке таракан тараканович, в рубахе с рыжим воротом и с топором в руках сидит.

Петр Николаевич : Елизавета Бам! Вытянув руки и потушив свой пристальный взор, двигайтесь следом за мной, хроня суставов равновесие и сухожилий торжество. За мной.

Медленно уходят.

Занавес

Писано с 12 по 24 декабря 1927 года. М.

Гвидон :

Ликует серна,
бежит ручей.
Твоих безмерно
больших очей
мне мил и дорог
шутливый взгляд,
твоих желаний морок
упрямой Лизы.
Твоё молчанье, твои капризы
меня не разозлят.

Лиза :

Одна первушка
в лесу жила,
со мной шутила
и в чащу плотную звала
ноги в камнях спотыкать.
Мне не хотелось там скакать.
Я чуть слышно лепетала:
мне бы лапки не стереть.
Я под ёлкой трепетала
мокрых сосен посередь.
Худо в чаще мне гулять —
ножки быстро заболят.
Туман в голову заберётся,
душа к небу оторвётся.

Гвидон :

Сосны скрипят,
липы скрипят,
воздух — гардон,
ветер — картон,
треплет шинель,
крутится ель,
падает снег —
логово нег.
Мысли коня
входят в меня.
Вносят аршин,
кнут и кувшин.
В упряжке стою
подобен коню.
Воздух — дуга,
ветер — слуга.

Лиза :

Коль скоро час утра —
на башне звон,
мне в церковь с матушкой пора.
Гляди: народ гуляет. Вон
моя скамья в углу налево,
под Магдалиной.
Гляди: внизу пастушка Ева
спешит долиной.
Священник строг:
я опоздаю — он накажет.
Запрёт меня в острог
и шёлк распутывать прикажет,
а может быть, казнить меня священник порешит.
Авось Гвидон спасти меня скорее поспешит.

Ведьма :

Льются токи дивных слез,
бросьте плакать, лучше в лес,
в кучи мха снегов зимы,
убежимте, Лиза, мы.
Дятла-птичку мы вдвоём
круглым камушком убьём.
Будем кровь его сосать,
перья по ветру бросать.
Ночь наступит. Мы в дупло
сядем вместе. Там тепло.
Выйдет сон. Уснут орлы.
Мы заснем: урлы-мурлы.
Я, когда сомкнете глаз,
околдую, Лиза, вас.
Все проснутся. Минет ночь.
Ну, скорей бежимте прочь.

Лиза :

Мне что-то страшно
бежать с тобой.
Хочу обратно
бежать домой.
Но гнутся ноги,
скрипит хребет.
Спасите, Боги!
Вперед, вперед!

Лесное чучело :

Ха-ха-ха!
Куда спешишь?
Мысли — воздух.
Камни — шиш.

Лиза :

Кто ты, чучело небес?
Ангел добрый или бес?

Лесное чучело :

Ляг, девчонка, на дороге,
подними свои коленки.
Не видать с небесной вышки
твои чудные лодыжки.

Лиза :

Это, бес, твоя обитель —
мох и чаша хворостин.
Пощади меня, святитель,
преподобный Августин.

Лесное чучело :

Хо-хо-хо!

Гвидон (*просыпаясь*) :

Где я? Где я?
Ах, это комната моя.
Во сне пришла ко мне идея,
мысль благородного коня:
разбить копытами темницу
и мчаться, мчаться вдоль реки.
Я вижу лес, орла, зарницу,
законам натуры вопреки,
копьём глядящую в верхи.
Я слышу звон в монастыре —
бегут замаливать грехи
монахи в церковь на горе,
поцеловать святого Августина тёмную ризу,
мгновенно позабыв недуг,
потом, украдкой взглянув на Лизу,
бегут монахи в акведук.
Скорей, скорей, напялив сапоги,
и ты, Гвидон, с монахами беги,
и ты, Гвидон, с монахами беги,
быстро, быстро, ги-ги-ги.

Святой Августин :

Занимается заря.
На цветах
пчёлы толстые сидят.
А земля

поворачивается на китах.
Так у матери в утробе
поворачивается сын.
Лицо его гладко,
хранит его матка
и кормит пупок.
Вон и солнце встало в бок —
начинается обедня.
С колокольни звонари
сходят парами. Намедня
падал дождик до зари.
Пойду в церковь.

Монахи :

К нам, к нам
идёт посланник божий,
устелим путь ему рогожей
до алтаря.
Пойте, монахи: Virgo Maria.

Настоятель :

Занимается заря.

Святой Августин :

Еще вдали я.
Холм высокий
уже пройден.
Часовня позади.
Вон монастырь,
а вон колодец.
Шумит дыхание в груди.
Ноги дряхлые, тоскуя,
гнутся подо мной.
Мысли темя покидают,
сердце не стучит.
Земля поднимается в лоб,
монахи, несите гроб.

(Падает.)

Монахи :

Кто-то в поле пал,
о монахи
Бог велик и мал,
аллилуйя
Смерть — кондуктор могил,
о монахи.
Бог свиреп и мил,
аллилуйя

Рухнут жижа и твердь,
о монахи
но не рухнут Бог и Смерть,
аллилуйя.

Гвидон (вбегая) :

А Лиза где?

Настоятель монастыря :

Не волнуйтесь, молодой человек.
Садитесь.
Но не сюда, тут масло пролито.

Гвидон :

Беда, беда.
Ночные птицы
разбили купол храма.
Когда я быстро шёл сюда,
весны мелькала панорама.
Орёл мохнатый развевался,
я быстро шёл и запыхался.

Настоятель :

Вы папироску закурите.

Гвидон :

Спасибо.
Значит, было так:
на синем небе, точно флаг,
орел задумчивый летел,
я молча вслед ему глядел,
куда крылами маховыми
начальник ветра держит путь,
куда ночами столбовыми
со свистом воздух режет грудь.
И долго ль путь его надзвёздный
собой пленять захочет.
Орёл в лесу,
орёл над бездной,
орёл задумчивый грохочет.

Настоятель :

Вопросов не решая,
отвечу вам шутя:
стряслась беда большая,
над нами пролетя.

Мне слышен плач надгробный
и колокол крестин —
скончался преподобный
святитель Августин.

Гвидон :

Когда дубов зелёный лист
среди росы,
когда в ушах мы слышим свист
кривой косы,
когда земля трещит в длину
и пополам,
тогда мы смотрим на луну
и страшно нам.
Но лишь в ответ ударит в пень
стальной топор —
умчится ночь, настанет день,
и грянет хор,
тогда во мне, открыв глаза,
проснётся вновь
волна морей, небес гроза,
моя любовь.

Настоятель :

Грусти полны ваши неги
синих морок и луны,
это к буквам абевеги
мчатся ваши каплуны,
это, сделав дикий крик,
мчится разум, ошалев,
нашей мысли материк,
сокол духа, тела лев.
Так любовь из тела недр
разгорается как пламя,
и любви могучий кедр
над рассудком держит знамя.
Тут являются сомненья —
дара мира страшный ров,
меч натуры, гром смятенья,
гриб желудка, страсти кров.
Сохнут реки наших знаний,
в нашем черепе великом
скачет стадо быстрых ланей,
наполняя воздух криком,
полным неги. Это грех —
череп треснет как орех.

Монах Василий :

В калитку входит буква ять,

принять её?

Настоятель :

Да, да, принять.

Лиза (входя) :

Я только что в лесу была,
играла в прятки с лисенятами.
Цветы головками махали
на небе ласточки порхали,
в пруду лягушки квакали,
мои браслеты звякали.
Мне было жарко.
Я оглянулась, обнажиться не смея.
Лишь на реке плыла барка,
на ней мужик пускал воздушного змея.
Всё громче, громче сердце билось,
шалила кровь.
Я перекрестилась
и, платье тонкое срывая,
я встала, стыд рукой скрывая.
А на барке мужичок
в меня глядел сквозь кулачок.
А я колени растворяла,
повесив платье на сучок,
бесстыдная стояла.

Гвидон :

Лиза, ваше поведение
недостойно ваших уст.
Вас посадят в заведение
Веры Яковлевны Пруст.
Не хотите вы понять, иль
надоела вам судьба?
Объясните, настоятель.

Настоятель :

Я не бог и не судья.

Лиза :

В наше время наши нравы,
знаю, пали бесконечно.

Гвидон :

Бросьте, Лиза, вы не правы.
Вы поступаете беспечно.

Лиза :

Да, Гвидон, вы мой жених,
вы жених из женихов.
Я избрала среди них
вас, вершителя стихов,
не затем, чтоб вы страдали
поминутно, милый мой.

Гвидон :

Ах, как дивно! Но всегда ли
вы останетесь такой?

Настоятель :

Уж небо не мореет,
не сыплется земля.
Смотрите: вечереет,
и купол храма рассмотреть нельзя.
И крутятся планеты,
волнуются моря.
Гвидон и Лиза,
две кареты
вас ждут у фонаря.

Лиза :

Спасибо, настоятель, мы сядем в одну карету.

Гвидон и Лиза уходят. Настоятель расправляет на клумбе помятый цветок. За сценой слышен голос Гвидона.

Гвидон :

Ну, с богом, трогай.

17-20 декабря 1930 года

Дон-Жуан

Действующие лица:

Духи. Один дух. Другой дух. III, IV, V, VI, VII духи.

Проходящие Облака.

Расцветающие цветы.

Пролетающие журавли.

Озёра и реки.

Заходящее Солнце.

Соловей в роще.

Голос.

Сатана.

Инквизитор.

Фискал.
Член священного трибунала в Севилье. II член.
Лепорелло.
Шпион.
Дон Жуан.
Командор.
Дон-Октавио.
Донна-Анна.
Первый кавалер. Второй кавалер.
I Дама. Супруг. II, III дамы.
Пролетающие жуки.
Мальчик.
Девочка.
Гений Д. Х.
Нисета.
Боабдил.
I Приятель Дон-Жуана из Кадикса. II Приятель.
Дон Цезарь.
I, II и III солдаты.
Офицер.
Слуга.
Музыканты.
Пираты.
Статуя.
Настоятель. I Монах. II Монах. Хор Монахов.

Пролог

Духи :

быть — это быть
и тот, кто был, тот будет
быть — это радость
и тот, кто хочет быть, — тот будь.
И в колыбель его кладут
в младенчестве
и кормят молоком,
и с молоком впервые
он вкушает радость.
А в детстве он идет
и посещает школу,
а в школе получает знание,
и в знаниях он видит радость.
А в юности он сильно любит
и чувствует большую радость.
А в зрелости он получает силу
и в силе ощущает радость.
А в старости он получает мудрость
и мудростью он произносит слово,
и это слово — радость.

Дух Фирмапелиус :

Тому, кто хочет быть, и стал
тому всегда прилична глупость.

Дух Бусталбалиус :

Быть это значит быть умом.
И тот, кто хочет быть,
тот будет умным.

Дух Фирмапелиус :

А тот, кто хочет быть — и будет,
того тотчас же одолеет глупость.

Дух Бусталбалиус :

А я твержу и утверждаю:
быть, это значит быть неглупым
и ты, приятель Фирмапелиус
жестоко ошибаешься

Дух Фирмапелиус :

Скажу тебе, друг Бусталбалиус,
что ты прямое доказательство
того, что значит быть

Дух Бусталбалиус :

Я не был и буду никогда
и ты не будешь никогда
и никогда ты не был.

Проходящие облака :

А потому и разговор небывших
мы будем называть небывшим.

Расцветающие цветы :

А размышление проходящих
мы называем проходящим.

Заходящее солнце :

Что не успело расцвести,
то не успело мудрости приобрести.

Озёра и реки :

Течение всегда приятно

и радостен покой.
Когда мы пристально
глядим на что-нибудь,
то наши мысли быстро несутся
и мы, не в силах оглянуться,
летим с порога на порог
журчим рекой на поворотах
и поднимаем в верх волну.
Но вот затихло быстрое течение
мы видим шире, больше,
видим сразу много
и не спешим, а тихо разливаемся
и делаем свою поверхность гладкой.
И гладкая поверхность отражает небо.
А в небе, ночью, светят звезды,
а днём летят по небу птицы
и отражаются в воде.

Пролетающие журавли :

В этих водах, наши крылья
очень чёрны, журавли.
В этих водах, наши крики
очень громки, журавли.
В этих водах, наши ноги
могут быстро обмануть.
В этих водах, наши дети
могут быстро утонуть.
Эти воды, нашим детям,
очень гладки, журавли.
Эти воды, нашим детям,
не годятся, журавли.

Голос :

Эй тварь живая и неживая,
такая и не такая, от
племяни и не от племяни,
во времяни и не во времяни
расступись перед ним,
перед самим, господином
и таким и не таким!

Сатана :

Вселенная стой!

Часть I

Инквизитор : Стой! Я ещё не всё тебя спросил. Ты не сказал мне как зовут его слугу.

Фискал : Сейчас скажу. Я только справлюсь в этой книжечке. Тут, у меня, всё нужное

записано. Вот перечень главнейших книг, а вот литература, которая меня интересует; всё больше, кажется, по математике. А вот таблица чисел, их свойства и значения. Вот непонятные слова, которые мне приходилось слышать. Вот перечень породы бабочек...

Инквизитор : Довольно! Эти глупости меня не занимают. Мне нужно имя, или я пушу в тебя четыре пули.

Фискал : Вот имена погибших. Вот имя Дон-Жуана, а вот его слуги.

Инквизитор : Ну как же?

Фискал : Лепорелло.

Член священного трибунала :

<1932>

«Николай II. Я запер дверь...»

Николай II .

Я запер дверь.
Теперь сюда никто войти не сможет.
Я сяду возле форточки
и буду наблюдать на небе ход планет.
Планеты, вы похожи на зверей!
Ты, солнце, — лев, планет владыка,
ты неба властелин. Ты — царь.
Я тоже царь.
Мы с тобой два брата.
Свети ко мне в окно,
мой родственник небесный.
Пускай твои лучи
войдут в меня, как стрелы.
Я руки разверну
и стану, как орел.
Взмахну крылами и на воздух,
с землей простившись, отлечу.
Прощай, земля! Прощай, Россия!
Прощай, прекрасный Петербург!
Народ бросает кверху шапки,
и артиллерия гремит,
и едет в лентах князь Суворов,
и князь Кутузов едет следом,
и Ломоносов громким басом
зовет солдат на поле брани,
и средь кустов бежит пехота,
и едет по полю фельдмаршал.

Голос Александры Федоровны .

Коля? Ты тут?

Николай II .

Да тут. Войди пожалуйста!
Александра Федоровна.

Я не могу войти. Ты запер дверь.
Открой скорее. Мне надо тебе что-то сказать.

Николай II . Сейчас открою.
(Открывает дверь. Входит Александра Федоровна.)
Александра Федоровна .

Ты что-то делал у окна.
Тебя Адам Адамыч со двора увидел
и, сильно напугавшись,
прибежал ко мне.

Николай II .

Да, это совершенно верно.
Я протирал оконное стекло.
Оно немножко запотело,
а я подумал: дай протру!

Александра Федоровна .

Но ты же мог позвать лакея?

Николай II .

Я Митьку звал, но Митька не пришел.

Александра Федоровна .

Тогда позвал бы Вальтазара.

Николай II .

А Вальтазар сидит на кухне,
он крутит с девками любовь.
А ты скажи мне, где Адам Адамыч?

Александра Федоровна .

Адам Адамыч в розовой гостиной
ведет беседу с Воробьевым,
у Воробьева дочь Мария
сбежала в Тулу с женихом.

Николай II .

Да что ты говоришь?
Вот это новость!
А кто жених ее?

Александра Федоровна .

Как будто Стасов.

Николай II .

Как Стасов?
Да ведь он старик почтенный!

Александра Федоровна .

И старики бывают притки на ходу.

Николай II .

Да, удивительно, как создан мир!
Все мертвое спешит исчезнуть,
а все живое день и ночь
себя старается увековечить.
И будь то роза, рыба или человек —
езде, везде любовь царица!
О Стасов! Ты старик,
и борода твоя серебряного цвета,
перо дрожит в твоей руке,
твой голос потерял былую силу,
твоя нога на поворотах стала шлепать,
и многих блюд желудок твой
уж больше не приемлет,
но все по-прежнему стучит в волненьи сердце,
и все по-прежнему шалит в тебе коварный бес.

Александра Федоровна .

Сюда идут Адам Адамыч с Воробьевым.
Поправь прическу и одерни свой шлафрок.

Воробьев и Адам Адамыч (входя) .

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Николай II.

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Воробьев .

Оставив личные заботы
и суету бесчисленной родни,

сойдемся лучше для работы
и посвятим работе наши дни.

1933 год, 7 октября.

«Факиров. Моя душа болит...»

Факиров .

Моя душа болит.
Перед глазами все как прежде,
а в книгах новая вода,
не успеваю прочитать страницу,
звонит над ухом телефон
и в трубку говорит мне голос:
Петр Нилыч, сегодня в три часа обед у Хвалищевского,
вы будете?
Да, отвечаю, буду.
И книгу в сторону кидаю,
и одеваю лучшую пару,
и свою келью покидаю,
и стол, и кресло, и гитару.
И бреюсь, одеваю лучший галстук,
и выхожу к трамвайной остановке.
А вот вчера я покупал себе зубную щетку
и встретил в магазине Ольгу Павловну, ужасную трещотку.
И 1.5 часа выслушивал рассказ о комнатных перегородках,
о том, что муж ее без брюк и ходит в парусиновых обмотках,
о Верочке в зеленых трусиках
и о Матвее с дьявольской улыбкой
в черных усиках.
А я всю жизнь, минуту каждую
премудрость жду, коплю и жаждую,
то в числа вглядываюсь острым взглядом,
то буквы расставляю друг за другом рядом,
то в соль подбалтываю соду,
то баламучу вилкой воду,
то электричество пытаюсь разглядеть под микроскопом,
то повторяю все эксперименты скопом.
Я сам дошел до биквадратных уравнений
и, сидя в комнате, познал весенний бег олений,
я сам, своею собственной рукой,
поймал молекулу.
Вот я какой!

Достает из шкапа сложную машину.

А эту сложную машину
я сделал сам из ячменя.
Кто разберет мою машину?
Кто мудростью опередит меня?

Задумывается.

Проект «Земля разнообразна»
я в Академию носил.
Но было пасмурно и грязно,
и дождик мелкий моросил.
И мой проект постигла неудача:
он на дожде насквозь промок,
его прочесть была великая задача,
и в Академии его никто прочесть не мог,
пойду сегодня к Хвалищевскому,
он приобрел себе орган.
Послушаем Себастиана Баха
и выпьем чай с вареною морошкой.
Где трость моя?
И где папаха?
Нашел.
Теперь пойдем, свернув табак собачьей ножкой.

Уходит. На сцену выбегает Верочка.

Верочка .

Все хочу,
все хочу
и ежедневно забываю
купить баночку толмачу.
В магазинах не бываю.
Мое хозяйство —
это нож
прямо в сердце.
Жизнь — ложь.
Лучше лечь и умереть.

(Звонок.)

Надо двери отпереть.

Убегает. Из шкапа выглядывает студент.

Студент .

Ах, Верочка! Как я люблю тебя!

Опять прячется в шкап. Входят Верочка и Антон Антонович.

Антон Антонович .

Мне приятно видеть Вас.
Вы прелестны, Вера. Да-с.
Я ценитель красоты.
Перейдемте с «Вы» на «Ты».

Верочка .

Без вина, Антон Антоныч,
говорите мне на «Вы»
и целуйте только руки,
не касаясь головы.

Антон Антонович .

Вера! Верочка! Голубка!
Не отталкивай меня.

Верочка .

Это что у Вас?

Антон Антонович .

Что? Трубка!

Верочка .

Отойдите от меня!

Антон Антонович .

Я ужасно задыхаюсь.
Вера! Верочка! Кись-кись!

Верочка .

Отойдите! Я кусаюсь!

Антон Антонович .

Ну, не надо! Не сердись!

Верочка .

Вы купили шоколад?

Антон Антонович .

Извините. Виноват.
Идя к Вам, любовный пыл
охватил меня. Забыл
все на свете, только Вас
представлял себе как раз
и в разных позах и видах,
и в рубашке и без...

Верочка .

Ах!

Антон Антонович .

Без рубашки ваши груди...

Верочка .

Караул! Спасите! Люди!

Студент (*выскакивая из шкапа*) .

Стой, мерзавец! Пусти руку! Не волнуйтесь, Верочка.
Пойдемте со мной в шкап.

Верочка .

Пустите меня. Кто вы такой?

Студент .

Я студент.

Верочка .

Что вам от меня нужно? Почему вы оказались в шкапу?

Антон Антонович .

Что вам угодно?

Верочка .

Почему вы вмешиваетесь не в свое дело?

Антон Антонович .

Врывается в частную жизнь?

Верочка .

Да кто вы такой, в самом деле?

Студент .

Я студент.

Верочка .

А как вы сюда попали?

Студент .

Я пришел к Петру Нилычу Факирову.

Верочка .

Ну?

Студент .

Петр Нилыч любит, чтобы его слушали, когда он что-нибудь говорит. Он сажает меня в шкаф, а сам ходит и говорит, будто в комнате никого нет.

Верочка .

Значит, пока мы были тут, вы тоже тут были?

Студент .

Да.

Верочка .

И все слышали?

Студент .

Да.

Верочка закрывает лицо руками.

Антон Антонович .

Это форменное безобразие.
Укрыться негде, всюду соглядатаи.
Моя любовь, достигшая вершины,
не помещается в сердечные кувшины.
Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Я в парк от мира удаляюсь.
Среди травы один валяюсь
и там любви, как ангел, внемлю,
и, как кабан, кусаю землю.
Потом во мне взрывается река,
и я походкой старика
спешу в назначенное место,
где ждет меня моя невеста.
Моя походка стала каменной,
и руки сделались моложе.
А сердце прыгает, а взор стал пламенный.
Я весь дрожу.
О Боже! Боже!

Верочка .

Ах, оставьте, в ваши годы
стыдно к девочкам ходить,
ваши речи, точно воды,
их не могут возбудить.
Вы беззубы, это плохо.
Плешь на четверть головы.
Вы — старик, и даже вздоха
удержать не в силах вы.

Студент .

Я в этот дом хожу четыре года
и каждый день смотрю на Верочку из шкапа.
Я физик, изучил механику,
свободное скольжение тел
и притяжение масс.
А тут бывал я исключительно для Вас.

(1933–1934?)

Примечания

[текст отсутствует]